

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ С.А. ЕСЕНИНА»

Рязанский историк

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

издается с июля 2003 года

2005

3

СОДЕРЖАНИЕ

I. К 90-ЛЕТИЮ РГПУ имени С.А. ЕСЕНИНА

Основные вехи истории Рязанского государственного педагогического университета имени С.А. Есенина	4
Чельцова Н.Б. Страницы истории Рязанского епархиального женского училища (1850—1918)	6
Будкина Ю.Б. М.А. Александрова: первая начальница Рязанского женского учительского института	19
Карева А.В. Академик Л.В. Черепнин: человек, ученый, педагог (к 100-летию со дня рождения)	22
Факультет истории и международных отношений Рязанского государственного педагогического университета имени С.А. Есенина	26

II. ТРИБУНА УЧЕНОГО

Волков А.П. Общественно-политические процессы конца 50-х — начала 60-х годов XX века	37
Галдобина С.В. Проблемы военной подготовки молодежи в 1945—1991 годах: историографический анализ	46
Галкина Е.С. Тюркский каганат и «позднегуннские» племена в этнополитических процессах на территории Восточной Европы (VI—VII века)	54
Лосев Ю.И., Эрлихсон И.М. Вопросы иммиграционной политики в экономических трактатах и публицистике периода реставрации (1660—1689 годы)	67
Лупанова М.Е. Роль Екатерины II в становлении российской системы просвещения	74
Родригес А.М. Мусульманские диаспоры в Европе: интеграция или противостояние	84
Страхов В.В. К вопросу о крестьянских вкладах в сберегательных кассах в период Первой мировой войны	93

III. НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ДИССЕРТАНТЫ

Боярченкова О.И. А.А. Безбородко: детство и жизнь в Малороссии	98
Дмитриева И.А. Организационные формы существования русской литературной диаспоры в славянских странах (Чехословакия, Югославия, Болгария) в 20—30-ые годы XX века	104
Ковалёв С.В. Влияние иранской революции 1979 года и ирано-иракского конфликта на взаимоотношения аравийских монархий	111
Трифанкова Ю.В. Становление современной модели дипломатии в России при Петре I и его отражение в дипломатической деятельности Б.И. Куракина	118

IV. В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ

- Палаев А.Ф.** Политическая раздробленность Древней Руси.
Борьба русского народа за независимость
(XII — первая половина XIV века) (методика изучения) 123

V. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

- Блудов Ю.В., Хлуденёв И.А.** Словно не было такого человека 133

VI. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

- Курьшкин В.П.** Научно-практическая конференция «60 лет победы в Великой
Отечественной войне» 138

VII. С АРХИВНОЙ ПОЛКИ

- Поздняк Е.Н.** Пешеходов надо любить 140

VIII. СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

- Афанасова Л.М.** Первая рязанская гимназия 143
- Ерёмин Я.И.** Англо-русские противоречия по Восточному вопросу
в начале XIX века 147
- Писчикова Н.П.** Внешняя политика России в последней четверти XIX века 155



I. К 90-ЛЕТИЮ РГПУ имени С.А. ЕСЕНИНА

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ РЯЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ С.А. ЕСЕНИНА

Один из старейших вузов центра России — Рязанский государственный педагогический университет имени С.А. Есенина — ведет свою историю с декабря 1915 года. Тогда в Рязани на улице Владимирской (ныне — Свободы) открылся первый в России женский учительский институт, руководила которым с 1915 по 1918 год М.А. Александрова. В 1918 году женский учительский институт преобразован в педагогический институт. Его ректором (1918—1922) был назначен П.И. Процеров.

В 1919 году пединститут реорганизован в Рязанский институт народного образования (РИНО), где на пяти отделениях осуществлялась подготовка воспитателей дошкольных учреждений, учителей школ 1-й и 2-й ступени, инструкторов трудовых процессов, работников по внешкольному образованию.

В 1921 году институт вновь стал называться педагогическим. Летом 1922 года Рязанский педагогический институт был реорганизован в практический институт народного образования (ПИНО).

В мае 1923 года президиум коллегии Главного профессионального образования своим решением реорганизовал институт в педагогический техникум.

По распоряжению наркома просвещения от 17 сентября 1930 года на его базе был вновь открыт педагогический институт. Он имел сельскохозяйственный уклон и назывался агропедагогическим.

В 1931 году агропединститут и педтехникум объединились в педагогический комбинат. В 1932 году педкомбинат был расформирован, а пединститут и техникум стали самостоятельными учебными заведениями. В новом учебном году на все четыре отделения института — математическое, физическое, химико-биологическое, историческое — было принято 82 студента. В августе 1933 года историческое отделение переводится в Калининский педагогический институт.

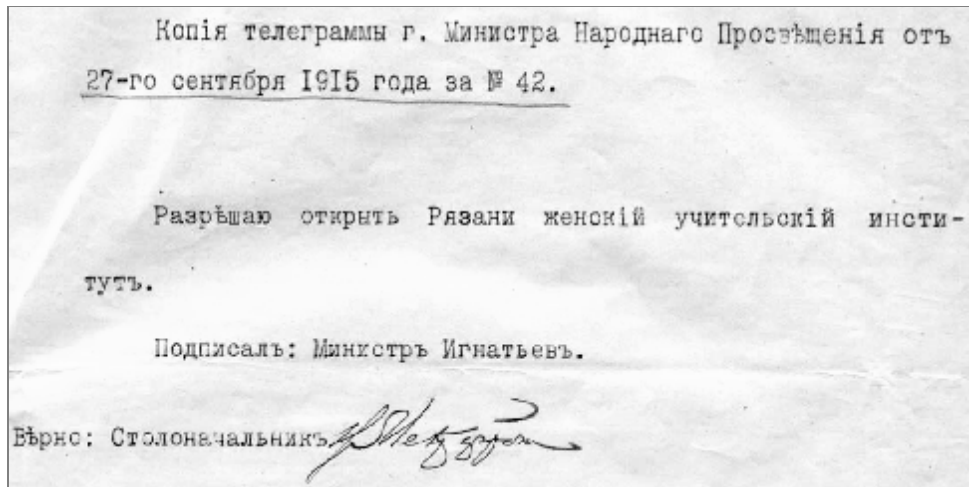
В 1934 году при пединституте открывается двухгодичный учительский институт.

Великая Отечественная война 1941—1945 годов изменила ритм институтской жизни, сделала его более напряженным, ди-

• РЯЗАНСКИЙ ИСТОРИК 2005 № 3 •

намичным. В начале ноября 1941 года вуз эвакуируется в город Киров, а в апреле 1942 — в город Шацк. В 1944 году педагогический институт вернулся в свое родное здание.

Указом Президиума Верховного Совета СССР № 365 от 30 декабря 1980 года институт награжден орденом «Знак Почета».



Копия телеграммы министра народного просвещения от 27.09.1915 г.
об открытии женского учительского института

Постановлением Совета Министров РСФСР № 431 от 3 октября 1985 года институту присвоено имя русского поэта С.А. Есенина.

Приказом Министерства образования РФ № 312 от 26 июля 1993 года институт реорганизован в педагогический университет.

За всю историю существования вуза по различным формам обучения подготовлено более 50 тыс. специалистов, которые трудятся во многих регионах России. Почти из 12 тыс. учителей города и области, имеющих высшее образование, более 80 процентов — выпускники университета.

В настоящее время в университете имеются 8 факультетов, 45 кафедр, факультет довузовской подготовки, факультет дополнительных профессий, научные лаборатории, учебные центры и другие подразделения, обеспечивающие образовательную и научно-исследовательскую деятельность профессорско-преподавательского коллектива и студентов.

Рязанский государственный педагогический университет имени С.А. Есенина сегодня — это динамично развивающийся, имеющий современное учебное, научное и информационно-ресурсное оснащение масштабный университетский комплекс. Его коллектив, возглавляемый ректором, академиком Российской академии образования, доктором педагогических наук, профессором А.П. Лиферовым, направляет свои усилия на приумножение лучших традиций отечественной высшей школы, активную интеграцию вуза в мировое образовательное пространство, наиболее полное и эффективное решение задач, которые ставят перед сферой высшего образования российское общество и государство в условиях постоянно меняющихся реалий XXI столетия.

Н.Б. Чельцова

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
РЯЗАНСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО УЧИЛИЩА
(1850—1918)

В 1848 году в течение двух с половиной месяцев в Рязанской губернии свирепствовала холера. Последствия эпидемии были ужасны: число жертв достигло 13 477 человек, в том числе 155 лиц епархиального клира. Бесприютность детей, оставшихся после смерти родителей, поразила чадолюбивое сердце святителя Гавриила¹. Следуя указанию Провидения Божия, он приступил к устройству училища для обездоленных дочерей духовенства. Высокопреосвященному было уже 65 лет, а для осуществления этого замысла не имелось никаких средств и источников, «кроме надежды на участие и содействие христолюбивых и сострадательных благодетелей»².

20 мая 1850 года Высокопреосвященный Гавриил обратился к своей пастве с трогательным воззванием о пожертвованиях на устройство женского духовного училища. Он описал бедственное положение сирот духовенства, «наследующих от родителей своих одно только сиротство без способов к пропитанию»³. И если сироты-отроки имеют возможность воспитываться в казенных учебных заведениях, то обездоленные девицы «не только остаются без приличного христианского воспитания, но нередко терпят недостаток в самом насущ-

ном пропитании и необходимых для жизни потребностях»⁴.

Духовенство отнеслось к его призыву с ревностью и усердием, охотно жертвуя из личных средств и располагая к по-



**Чельцова
Нина
Борисовна,
директор
музея истории
РГПУ им. С.А. Есенина**

жертвованиям светских благодетелей. В значительной мере это было обусловлено глубоким уважением и любовью клира к личности Владыки, а также тем, что он подавал всем добрый пример многочисленными личными пожертвованиями. Через год было собрано на устройство и содержание училища 11 480 рублей, которые были положены в основу капитала.

В результате переписки Преосвященного Гавриила с синодальным начальством, продолжавшейся около года, последовал Указ Святейшего Синода от

15 мая 1851 года за № 3716, разрешавший открыть училище для девиц духовного звания. Разрешение открыть училище было подтверждено и в отношении обер-прокурора Святейшего Синода графа Протасова от 7 апреля 1852 года за № 3794⁵.

Для училища было отведено место за Спасским монастырем, рядом с архиерейским садом, с присоединением усадьбы соборного звонаря Федора Оливкова, у которого за 600 рублей был куплен дом со всеми надворными постройками. По просьбе Гавриила губернский архитектор Н.И. Во-

ронихин составил план двухэтажного деревянного дома с кухней и подвалом, в соответствии с которым 5 июня 1852 года заложен был и в то же лето выстроен для училища дом (на месте разобранного дома Оливкова).

Открытие Рязанского училища девиц духовного звания состоялось 1 января 1853 года. На торжественном открытии присутствовал сам губернатор, рязанское духовенство, почетные военные и гражданские чиновники. 31 января 1853 года отношением за № 759 Гавриил донес обер-прокурору об устройении нового дома и открытии 1 января 1853 года училища «с приличною духовною церемониею»⁶.

Женское духовное училище было открыто, но дом долго еще не был окончательно отделан. Только в 1856 году его обшили тесом, покрасили двери, полы и окна. На устройство при училище церкви не хватило средств. Воспитанницам приходилось ходить в другие церкви, за реку Лыбедь, что было крайне неудобно, особенно в осеннее и зимнее время. Гавриил неоднократно ходатайствовал в Святейший Синод о разрешении заимствовать деньги на постройку церкви из сумм Рязанского попечительства, но всякий раз прошения отклонялись, и ему не суждено было осуществить свою заветную мечту. Не удалось сделать этого и его преемнику Смарагду. Деревянная церковь на каменном фундаменте была устроена Преосвященным Иринархом только в 1865 году⁷.

При открытии училища было принято 20 сирот и 8 пансионеров; через два года их количество удвоилось (40 сирот и 15 пансионеров); в 1870 году количество воспитанниц достигло 99, из них 89 содержались на училищные средства, составлявшие в среднем от 8 до 9 тыс. рублей в год.

Рязанское женское духовное училище финансировалось епархией. Поэтому основной заботой Преосвященного Гавриила было изыскание материальных средств на его содержание, каковые поступали из разных источников:

- проценты с основного капитала училища;
- ежегодные пожертвования монастырей и белого духовенства по приглашаемым листам, доставляемые причтами всей епархии;
- остаточные суммы от редакции «Рязанских епархиальных ведомостей»;
- ежегодные взносы из сумм епархиального попечительства о бедных духовного звания;
- чистая прибыль от продажи просфор из училищной просфоропекарни;
- пансионерские взносы.

Проценты с основного капитала были главным источником содержания училища. Основание неприкосновенному фонду Гавриил положил своим личным пожертвованием в одну тысячу рублей. Кроме того, он постоянно проявлял отеческую заботу о своем детище: ежегодно вносил деньги за содержание двух сирот, к праздникам Рождества Христова и Пасхи присылал на гостинцы воспитанницам не менее 15 рублей. Особенно часто жертвовал Гавриил книги: ко времени оставления им рязанской кафедры почти половина всей училищной библиотеки составила из книг, подаренных им лично.

Помимо материальных благодеяний Владыки, неоценимыми были труды и заботы его о благоустройении любимого детища: лично и непосредственно заведовал он всем



Гавриил Городков,
архиепископ Рязанский

управлением училища как по учебной, так и по экономической части. Кротость, любовь и ласка к людям соединялись в нем с твердым характером, необыкновенным умением работать и знанием условий действительной жизни. Гавриил следил за постановкой преподавания и ведением хозяйства, поощряя к ревностному служению изъявлением своей благодарности и признательности; часто посещал уроки и беседовал с воспитанницами, поощряя усердных, ободряя застенчивых и робких. Чтобы доставить развлечение сироткам, он приказал выкопать пруд на училищной усадьбе, устроить купальню и держать лодку для катания воспитанниц, а также устроить на училищном дворе обширное холодное помещение (нечто вроде сарая с окнами) для зимних прогулок в морозное время, игр и занятий гимнастикой.

Училище предназначалось для воспитания дочерей духовенства, чтобы они по окончании его могли разумно заниматься домашним хозяйством и сообщать своим детям «первоначальные познания о науках, нужных для них при вступлении в училища»⁸. Устав училища регламентировал преподавание следующих предметов: «1) Закон Божий со священной историей и кратким объяснением литургии, 2) язык русский и церковнославянский (чтение на славянском и русском языках по церковной и гражданской печати и письмо), 3) чистописание и рисование узоров, 4) первые четыре действия арифметики и счисление на счетах, 5) русская история и география, 6) краткая всеобщая история, 7) церковное пение, 8) рукоделие в разных видах и нужнейшие сведения по огородничеству, садоводству и другим отраслям сельского хозяйства с показанием, сколько позволяют способы, в практических опытах»⁹.

По этой программе (с незначительными отступлениями) и было организовано преподавание в училище. Занятия безвозмездно проводили преподаватели духовной семинарии, духовного училища и других учебных заведений. Кроме того, девочек приучали к домашнему труду и ведению хозяйства, «подготавливали достойных супруг служителей алтаря Господня и попечительных матерей, которые возвращали бы детей своих в правилах благочестия и благонравия»¹⁰. Соответственно с этим «первое всего должны быть внушаемы и усвояемы правила доброй христианской нравственности, важность и святость обязанностей к Богу и ближнему, дух кротости, подчиненности, благотворительности, любовь к порядку и трудолюбию»¹¹.

Первой начальницей училища была вдова военного протоиерея Татьяна Поликарповна Светлова, первой воспитательницей — дочь ее, Людмила Светлова, «образовавшаяся в высшем заведении»¹². Т.П. Светлова была женщина умная, энергичная, заботилась о благоустройстве училищного корпуса, о снабжении воспитанниц достаточным столом, одеждой и обувью; совместно с дочерью она проводила чтения и беседы с воспитанницами. По увольнении Светловых из училища (1856) ни о каких чтениях не могло быть больше речи — надзирательницы и воспитательницы не имели к этому ни охоты, ни подготовки. Начальницей училища с 1 октября 1856 года по 1 августа 1861 года состояла вдова священника Александра Ивановна Гусева.

При архиепископе Гаврииле сироты получали поистине отеческую заботу и ласку. По окончании курса обучения он устраивал их замуж за выпускников духовной семинарии. Более-менее сносной оставалась жизнь в училище и после 1858 года — года оставления святейшим рязанской кафедры. Удалившись на покой в Ольгов монастырь, он продолжал опекать любимое детище. После кончины Гавриила (1862) школа стала влачить жалкое существование, так как его преемники считали училище скорее приютом, чем учебным заведением.

Архиепископ Смарагд, будучи хорошим администратором, упорядочил отчетность и в интересах учебного дела ввел порядок приема в училище только тех, кто уже умел читать и писать. Будучи человеком властным, решительным и грозным, он не проявлял особого благоволения к училищу. Все его резолюции по училищным делам отличал

суровый тон, замечания перемежались выговорами. За три года Смарагд сменил весь женский персонал училища; счел необходимым определить их служебные обязанности особой инструкцией. Строжайшие выговоры за разные упущения и недосмотры неоднократно получала начальница училища А.И. Гусева, и 1 августа 1861 года была уволена. Ее сменила вдова священника Александра Матвеевна Смирнова (1861—1877).

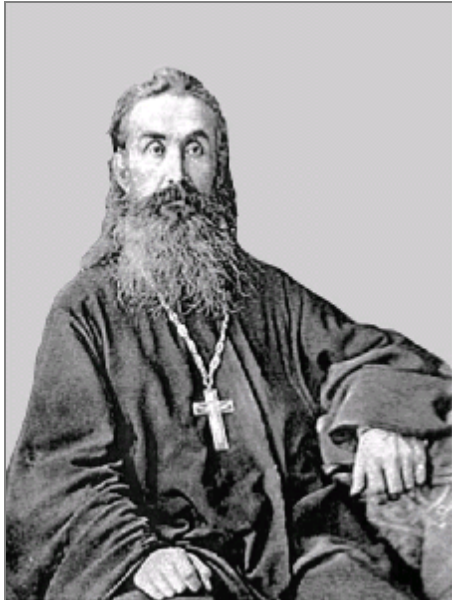
В училище были установлены строгие порядки: воспитанницы не могли покидать территорию училища; воспитательницы надзирали за ученицами и обучали их грамоте; учительницы рукоделия не только обучали кройке и шитью, но имели обязанность нести «постоянный надзор за воспитанницами, быть вечером и утром при молитве их и со старшими из них спать в одной спальне для присмотра за ними во время ночи»¹³. «Стол у воспитанниц — самый скромный и незатейливый»¹⁴: черный хлеб, картофель, крупа гречневая, пшено, горох, огурцы; рыба и мясо бывали редко; чай и белый хлеб — только для больных. При недостаточном питании и плохих санитарно-гигиенических условиях девочки часто болели. Тем не менее, принятые в училище были счастливы: в течение 6 лет их не только содержали, но учили и воспитывали, а по окончании курса устраивали в замужество.

В 1868 году Преосвященный Алексей уволил почти всю прислугу из училища, переложив домашнюю работу на воспитанниц. Безвозмездное преподавание оказалось ненадежным, так как не способствовало проведению регулярных и качественных занятий. Осенью и в весеннюю распутицу училище оставалось совсем без преподавателей: пройти пешком на конец города по глубокой глинистой грязи было решительно невозможно, да и извозчики не брались ехать туда ни за какие деньги. В таких условиях воспитанницы получали знания, явно недостаточные для того, чтобы по окончании училища занять самостоятельное положение в жизни; к тому же училище уже не соответствовало духу времени и встал вопрос о его преобразовании. Указом Святейшего Синода от 31 марта 1876 года за № 973 разрешено было преобразовать Рязанское училище девиц духовного звания в епархиальное училище.

Постановлением сентябрьского съезда духовенства была создана комиссия из священников Иоанна Алякова, Федора Успенского и Николая Зелятрова с участием ректора духовной семинарии протоиерея Василия Гареговского, которым предписано было «привести училище девиц духовного звания в действительное преобразование с наступившего года...»¹⁵. На этом постановлении съезда Преосвященный Алексей наложил резолюцию: «...лучше не поспешить, чтобы иметь время избрать и начальницу, и инспектора, и наставниц, и добрым порядком открыть училище в преобразованном виде уже в 1877 году»¹⁶. После таковой резолюции съезд вынес постановление: отложить преобразование училища до будущего учебного года. Преобразование Рязанского училища девиц духовного звания в епархиальное было осуществлено с прибытием в Рязань Преосвященного Палладия. Начальницей училища он назначил дочь священника Варвару Макаровну Хупотскую, окончившую курс в Рязанском училище девиц духовного звания и имевшую звание домашней учительницы русского языка. Председателем училищного совета был избран преподаватель греческого языка Рязанской духовной семинарии священник Феофилакт Антонович Орлов, который смело и ревностно взялся за реформирование женской духовной школы.

Рязанская епархия приняла решение о постройке для училища нового каменного корпуса, так как в старом деревянном доме давно уже было тесно и неудобно. Возведение нового здания началось 24 июня 1879 года на Владимирской улице, на возвышенном, лучшем в городе месте — усадьбе надворного советника И.М. Кедрова, купленной у него за 27 тыс. рублей.

Феофилакт Антонович Орлов «приступил к постройке нового здания для епархиальной школы совершенно без определенного фонда и без средств наличных, без помощников и даже при ироническом взгляде на это дело... Два года этот неутомимый деятель,



Феофилакт Антонович Орлов,
председатель совета

по справедливости самоотверженный и редкий в наше время служитель одной лишь высокой идеи, — морально, физически и материально работал до забвения себя и своих личных, даже насущных, интересов над своим любимым детищем... С раннего утра до темной ночи, без отдыха, успевая только просидеть уроки в духовной семинарии и наскоро пообедать, он присутствует при производстве работ; вечером отправляется на окраину города в реформируемую им старую школу, чтобы наблюдать за выполнением своих реформ, а ночью пишет витиеватые пригласительные и благодарственные письма к благотворителям. Письма эти рассылались не только по всей Рязанской губернии, но и во все концы земли Русской...»¹⁷.

С просьбами о пожертвовании он обращался ко всем епископам и из многочисленного сонма русских иерархов только двое оставили письма его без ответа; остальные не только жертвовали более или менее значительные суммы на постройку, но и почтили его ободряющими и поддерживающими письмами. Всего в период 1878—1882 годов собрано было пожертвований 45 тыс.

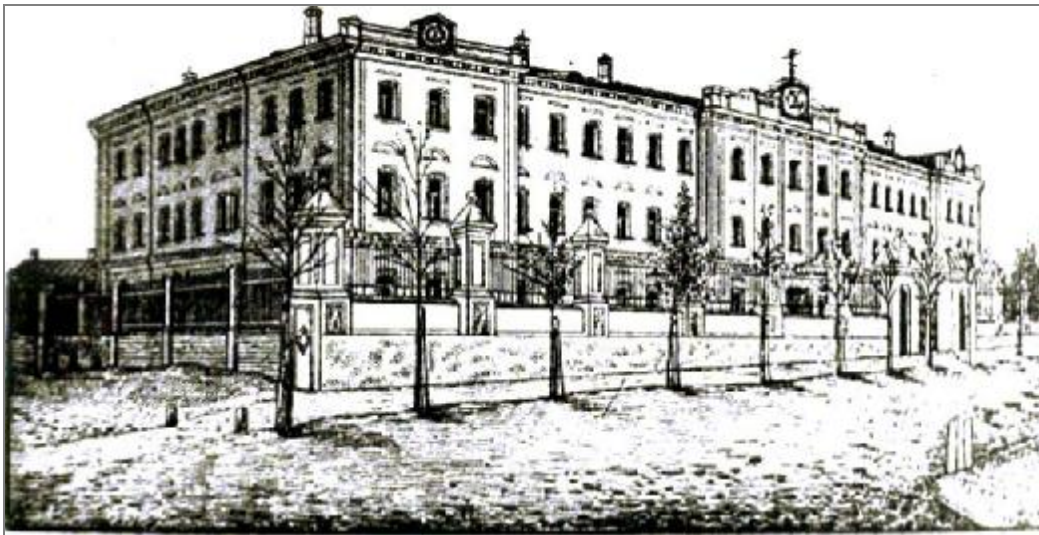
рублей. В ходе строительства бывали задержки с поступлением денег. Феофилакт Антонович неоднократно прибегал к собственным сбережениям, и в общей сумме его личные взносы составили 1700 руб. За четыре года в «Рязанских епархиальных ведомостях» было опубликовано более тысячи фамилий с указанием пожертвованной суммы каждым благотворителем.

Здание Рязанского епархиального училища было построено по проекту архитектора Ивана Васильевича Стопычева специально для учебных целей в отличие от других провинциальных училищ Российской империи, которые находились в гораздо худших условиях, довольствуясь приспособленными помещениями. Корпус поражал современников своими размерами и великолепием, калориферной системой отопления, что было новшеством для Рязани. «Вся заслуга в деле приведения к благополучному окончанию постройки училищного корпуса должна всецело принадлежать председателю совета о. Феофилакту Антоновичу Орлову»¹⁸. Он руководил всеми работами по проектированию и строительству здания; следил за исполнением земляных, каменных, кирпичных, печных, штукатурных, малярных, кузнечных, плотницких, столярных, стекольных работ; поставками добротных материалов. Стоит отметить, например, что доски для полов приготовлены были из лесного материала, который поставляли из лесов Саровской пустыни и были наилучшего достоинства: редкой толщины, плотности и смолянистости.

Через два года величественное, во всех отношениях прекрасное здание было построено «на Владимирской улице, близ земляного моста, в углублении обширной, засаженной садом усадьбы, среди двух больших деревянных домов, стоящих на отлете в виде флигелей, против концов его. Корпус трехэтажный, о 202 окнах, крытый железом, главным фасадом обращен на зимний восток, по концам имеет выступы, с лицевой стороны меньшие, а с задней большие... Стоя на возвышеннейшем, лучшем и срединном в городе месте, для зрителя он красуется со всех сторон, господствует над всеми зданиями города

и как бы венчает город. При входе в корпус на равном расстоянии от концов его, с лицевой стороны, устроено большое парадное, с асфальтовым помостом и железною на толстых чугунных колоннах кровлею крыльцо. Отсюда через двойные, изящной работы двери, глухие снаружи и стеклянные внутри, — вход в обширную, с полом из подольских плит, переднюю, или швейцарскую. Из сей комнаты ведет вверх во второй и третий этажи — красивая, широкая, из подольских плит, лестница... Каждый этаж корпуса, по направлению длины его, разделяется на две половины широким, высоким и светлым коридором... Верхний этаж включает в себя 6 обширных комнат спальных, 2 комнаты для воспитательниц и кладовую, средний — церковь, актовый зал и 10 классных комнат»¹⁹.

В нижнем этаже были размещены канцелярия училищного совета, приемная зала, квартиры начальницы, экономки и кастелянши, больница и столовая. Здание отапливалось шестью печами, устроенными в обширных подвалах дома. Здесь же располагались кухня, буфет и просфоропекарня.



Здание Рязанского женского духовного училища

На фронте здания красовались эмблемы-символы, олицетворявшие Веру, Надежду и Любовь (крест, якорь, сердце). Под фронтоном, в центре здания (над парадным крыльцом) располагалась двухсветная, с хорами, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, с богатым и изящным пятиярусным иконостасом работы рязанского художника-иконописца Н.В. Шумова²⁰.

Усадьба училища занимала целый квартал и была отделена от улицы красивой каменной оградой с ажурной металлической решеткой. Вокруг корпуса раскинулся фруктовый сад с липовыми аллеями, беседками и скамьями для отдыха. Сад с каждым годом разрастался. Здесь воспитанницы могли гулять в любую погоду, весной и летом занимались приготовлением уроков на свежем воздухе. С наступлением зимы в саду устраивали каток.

В новое здание училище было переведено 1 октября 1881 года, а 22 октября состоялось торжественное освящение училищного храма и корпуса. Заблаговременно были заготовлены и разосланы печатные приглашения следующего содержания: «Совет Рязанского епархиального женского училища, извещая Вас, что постройка нового здания для оного училища и церкви в оном, по милостивому промыслению Божию, благополучно доведена до конца, благопочтительнейше приглашает Вас к участию в радостнейшем для нас торжестве освящения церкви и здания, имеющем быть 22 сего октября — и общей

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

молитве благодарения Невидимому Зиждителю и Благодателю Богу за благополучное выполнение предпринятого во имя Его дела (подпись председателя совета)²².

На торжество освящения приглашено было высокое начальство и духовенство города, а также все благочинные и многие священнослужители епархии; но совершилось оно без личного участия устроителя училища Феофилакта Антоновича Орлова, который отбыл из Рязани в ночь на 22 октября. Это было настолько неожиданным, что он счел необходимым объяснить свой поступок в письме к протоиерею П.Д. Павлову: «Честнейший о. Петр Дмитриевич! В рассеяние могущих возникнуть недоумений предоставляю Вам оправдать перед духовенством мое отбытие, как найдет возможным Ваше благоразумие, на основании моего следующего объяснения: было трудное время, когда я, чувствуя всю слабость своих сил, при скудных средствах для построения освящаемого ныне здания, искал ценного предмета, который мог бы отдать в виде приятнейшей жертвы Богу, в чаянии получить помощи от Него, и в своем положении в ту пору не нашел более ценного, нежели отречение от личного присутствия на торжестве освящения строившегося здания во свидетельство искреннейшего признания пред всеми в том, что не мною построилось здание, как не моим открытием была и внезапная мысль о построении его. — Аще обещаеши обеть Господеви Богу твоему, да не умедлиши воздати его...»²³.



Урок музыки в женском епархиальном училище

Освящение совершил Преосвященный Августин, епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии в присутствии воспитанниц и воспитательного персонала, духовенства, почетных гражданских чинов, именитых граждан и простых горожан. Священник Николай Зелятров, исполнявший должность инспектора училища, произнес подходящее к данному случаю и празднеству слово. Богослужение закончилось молебным пением Пресвятой Богородице. В дар училищу были вручены икона Божьей Матери в серебряно-вызолоченной ризе и в киоте и портрет Высокопреосвященного Палладия.

С переездом в новое здание Рязанское епархиальное училище было преобразовано из трехклассного (два года в каждом классе) в шестиклассное (один год в каждом классе). Прием в училище стал проводиться ежегодно (а не один раз в два года), поэтому число воспитанниц стало быстро увеличиваться: в 1881 году их было 272, в 1884 году — 489, в 1909 году — 741 человек на 15 классов. Училище давало среднее образование в объеме гимназического курса. Учебный год начинался 17 августа приемными испытаниями и переэкзаменовками, которые продолжались до 28 августа, классные занятия начинались с 1 сентября. В конце года проводились переводные испытания. В качестве обязательных предметов изучались: Закон Божий, русский язык, история литературы, теория словесности, чистописание, арифметика, основы геометрии, природоведение, физика, история, география, дидактика, церковное пение, рисование и черчение. Уставом предусматривалось изучение педагогики с прохождением педагогической практики в образцовых школах.

Кроме обязательных предметов, воспитанницы изучали гимнастику и рукоделие, иностранные языки (французский, немецкий — по желанию), музыку — фортепиано, скрипка (по выбору). Степень успешности воспитанниц в музыке определялась экзаменами, проводившимися два раза в год: перед рождественскими каникулами и в конце учебного года. Экзамены проводились комиссией из учительниц музыки в присутствии членов совета. За отличные успехи воспитанниц награждали нотами.

С 1907/08 учебного года в 4—6 классах были введены уроки кройки и шитья, которые оказались весьма полезными и успешными, что показали экзамены в конце года. В 1908/09 учебном году для 5—6 классов было введено преподавание гигиены (два урока в неделю). Кроме того, воспитанниц обучали ведению домашнего хозяйства, приготовлению пищи, уходу за детьми и лечению.

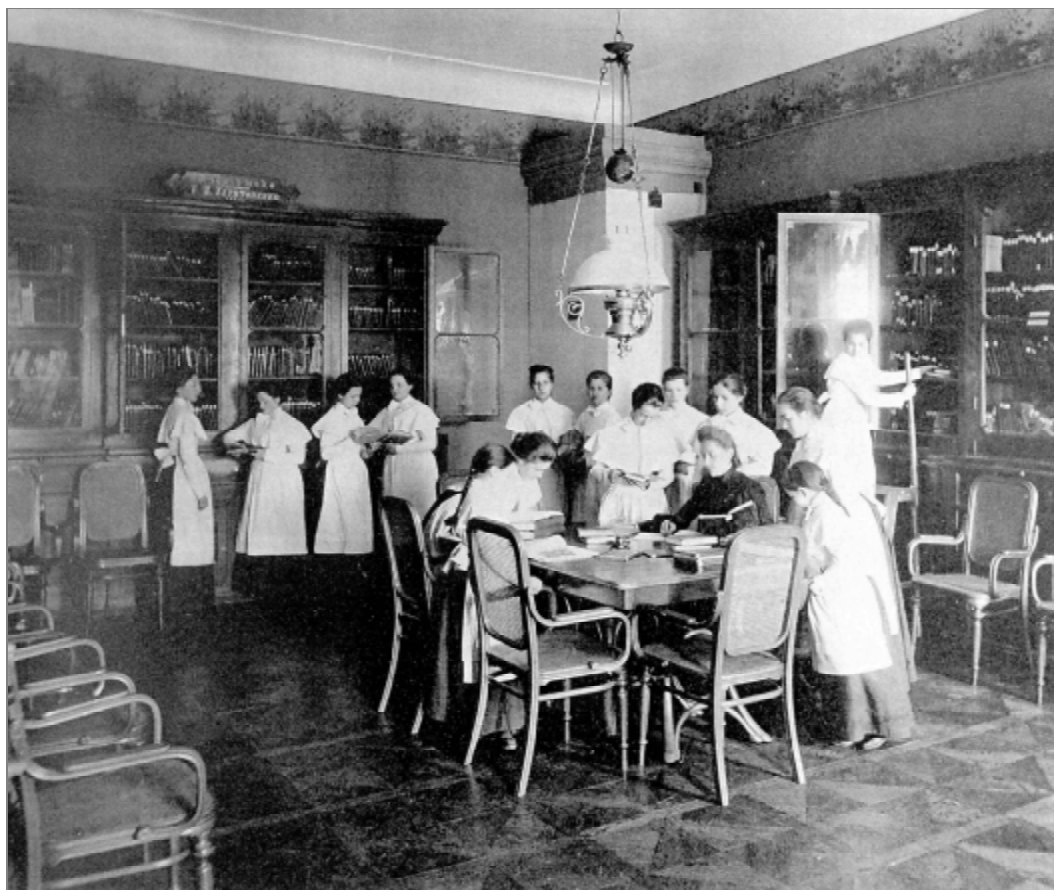
Руководство осуществлялось начальницей училища и инспектором классов. В училище работали 24 преподавателя, 12 воспитательниц, 3 помощницы воспитательниц, 4 учителя игры на рояле, 2 учителя игры на скрипке; церковный староста, эконом, письмоводитель, врач и фельдшер.

Епархиальное училище сохранило основную заповедь женского духовного училища — воспитывать благонадежных спутниц служителей алтаря Господня. Религиозно-нравственное воспитание в училище было основной задачей и заботой учебно-воспитательного персонала. Ученицы исправно присутствовали на утренних и вечерних молитвах. В воскресные и праздничные дни при богослужении в домовой училищной церкви они сами исполняли церковное чтение и пение. В течение всего Великого поста по средам и пятницам они присутствовали на литургии преждеосвященных Даров, которую совершал инспектор классов. Говели, исповедовались, святых тайн приобщались два раза в год: перед праздником Введения во храм Пресвятой Богородицы и на первой (или на Страстной) седмице Великого поста.

Непосредственное наблюдение за поведением воспитанниц было обязанностью начальницы училища лично и через воспитательниц. Особое внимание обращалось на усердное и благоговейное исполнение воспитанницами православно-христианских обязанностей и на развитие в них добрых навыков: благоприличия, трудолюбия, скромности, почтительности. Чтобы приучить их к хозяйственным занятиям, практиковался порядок дежурства на кухне, где они не только записывали количество принимаемых из кладовой и употребляемых в дело продуктов, но и принимали посильное участие в приготовлении кушаний. С заботами о приготовлении здоровой пищи соединялась забота о соблюдении порядка и чистоты во всем училищном здании как важных и необходимых условиях для сохранения здоровья и доброго настроения живущих в нем учащихся и учащих. Требования чистоты, опрятности и аккуратности распространялись на весь образ жизни и занятия воспитанниц. Это служило средством воспитания у них любви к порядку и образованию привычки к этому, способной сохраниться на всю последующую жизнь.

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

Девочки получали здоровую, вкусно приготовленную пищу. Кушанья подавались на роскошной посуде. Расписания блюд не только рассматривались советом училища, но предоставлялись на усмотрение Его Преосвященства, который внимательно следил за благоустройством ученического стола.



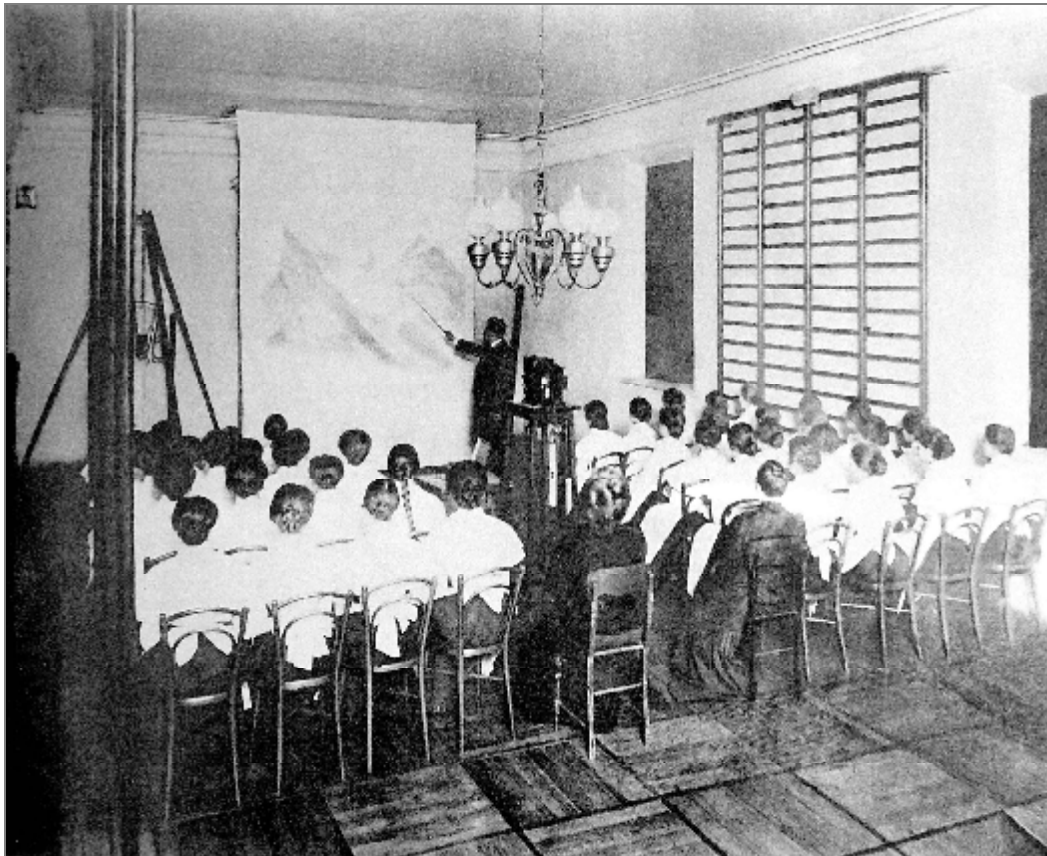
В библиотеке Рязанского женского епархиального училища

Епархиальное женское училище имело хороший кабинет природоведения²⁴ и замечательную библиотеку, насчитывавшую 9909 учебников и учебных пособий; в фундаментальной библиотеке числилось 2836 названий книг в 4881 томе, то есть всего в наличии было 14 790 экземпляров книг²⁵. Совет училища регулярно рассматривал и утверждал списки приобретаемых книг и приборов для физического кабинета. Покупались книги не только религиозно-нравственные, но и сочинения Н.А. Некрасова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.К. Толстого, А.С. Грибоедова, Ф.М. Достоевского. В библиотеке имелись «История государства Российского» Н.М. Карамзина, «Очерки по истории русской культуры» П.Н. Милюкова, «Очерки истории смуты в Москве» С.Ф. Платонова, сочинение под редакцией П.П. Семенова-Тян-Шанского «Россия: Полное географическое описание нашего Отечества».

Из периодических изданий выписывались «Церковные ведомости» с приложением, «Рязанские епархиальные ведомости», «Христианское чтение», «Церковный вестник», «Богословский вестник» с приложением, «Православный собеседник», «Странник», «Божья нива», «Родник», «Детский отдых», «Путеводный огонек», «Задушевное слово».

На здоровье воспитанниц обращалось надлежащее внимание: во всех помещениях воздух освежался в достаточной мере, в свободное от занятий время девочки гуляли в училищном саду, а в хорошую погоду там и занимались, своевременно ходили в свою училищную баню (на заднем дворе был выстроен флигель для бани и прачечной). В 1894 году в новое просторное здание была переведена больница. Главной своей стороной больничный флигель обращен был к солнцу, находился в тихом, уютном месте училищного сада, перед куртиной хвойных деревьев, что благоприятно действовало на улучшение здоровья и расположение духа больных. Печи во всех комнатах были голландские, из лучшего кафеля, в середине здания устроен вентиляционный камин, к которому проведены вентиляционные каналы из всех помещений больницы, двери сделаны из лучшего липового дерева и отполированы.

Медикаменты «выписывались из Москвы от дрогоиста Феррейна, и лекарства приготавливались врачом вместе с фельдшерницей, только в экстренных случаях лекарства более сложные выписывались из местных вольных аптек»²⁵.



Показ «световых картин» с использованием «волшебного фонаря»
на уроке географии женского епархиального училища

С переводом больницы в новое здание в освободившемся помещении 24 сентября 1895 года была открыта образцовая одноклассная церковноприходская школа для девочек, где проходили педагогическую практику ученицы выпускного класса. В 1900/01 учебном году школа была переведена в новое, построенное на средства училища каменное, одноэтажное, с подвальным помещением для раздевальни учениц здание.

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

С 1899 года в совете училища можно было экстерном сдать экзамен на звание учительницы церковноприходской школы.

С целью расширения кругозора и совершенствования эстетического развития воспитанниц в училище устраивались внеклассные чтения и беседы. Например, в 1905 году преподаватель географии Дмитрий Григорьевич Наумов провел чтения по темам «Франция и французы», «Страна восходящего солнца», которые сопровождались показом световых картин с видами парижских соборов, улиц и бульваров, Лувра, Эйфелевой башни, Наполеона Бонапарта, сожжения Жанны-д-Арк на костре, видами статуи Будды, чайного дома, храма в Токио, харакири, японок и японца со слугой, японского придворного толмача...²⁶

Большое внимание уделялось письменным работам. Темы сочинений были различными: на богословские темы, по всеобщей и русской истории, литературе. Для развития охоты к писанию сочинений лучшим воспитанницам выдавалась награда книгами. Для развития литературного вкуса учениц и доставления всем приятного и полезного развлечения в актовом зале училища проводились музыкально-литературные вечера. Под руководством преподавателя словесности Александра Николаевича Собчакова ежегодно устраивались циклы литературных вечеров для разных классов и возрастов, на которых представлялись лучшие произведения классиков: сцены из «Полтавы», «Скупого рыцаря» и «Бориса Годунова» А.С. Пушкина, «Ревизора» Н.В. Гоголя, а для малышек — гениально живописные басни И.А. Крылова и стихи Н.А. Некрасова, И.С. Никитина, А.Н. Майкова²⁷. 19 марта 1909 года был устроен вечер по случаю празднования 100-летия со дня рождения Н.В. Гоголя; 11 октября 1911 года — А.В. Кольцова. В числе внеклассных за-



Настоятель Покровской церкви протоиерей А.И. Лучинский, инспектор училища и преподаватель Закона Божия

ятий воспитанниц были хоровое и сольное пение, гимнастика и танцы, а также игры на открытом воздухе и катание на коньках.

В училище ежегодно устраивались роскошные рождественские елки для учащихся церковноприходских школ. Например, на новогоднем вечере 28 декабря 1912 года присутствовали 650 детей и все получили гостинцы.

Несмотря на строгие приемные испытания, число воспитанниц из года в год увеличивалось и к концу XIX века достигло семисот. Рязанское училище становится самым крупным из епархиальных училищ обширной Российской империи. Возникает потребность в пристройке. Закладка здания была совершена 3 сентября 1898 года (автор проекта Иван Степанович Цеханский²⁸). В 1899 году построили подвальный и первый этажи, куда переведены были столовая, кухня, буфет, просфоропекарня. Для окончания строительства не хватало средств, поэтому был объявлен сбор пожертвований на постройку училищной церкви. К концу 1900/01 учебного года работы по строительству и устройству церкви были закончены. Пристроенный корпус соединялся с основным зданием теплой галереей на уровне второго этажа. Новый обширный храм был освящен Пресвященным Мелетием 1 октября 1901 года.

В новом здании были размещены библиотека, читальный зал, двухпрестольная церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы, актовый зал, сообщавшийся с церковью посредством широких дверей, которые открывались в дни праздничных богослужений. В церкви пели два хора: на правом клиресе — под управлением регента Василия Левитова, на ле-

вом — под управлением воспитанниц 6 класса. На богослужении ученицы стояли рядами: ближе всех к алтарю — первоклассницы, за ними — по порядку — все остальные классы, в актовом зале молились прихожане с улицы. В помещении прежней церкви было сделано перекрытие между этажами; на третьем этаже устроена спальная комната, на втором — классная, алтарная часть церкви оставалась неиспользованной.

Эта замечательная по красоте и акустике церковь, хор ангельских голосов, благоговейное и назидательное служение в храме сем протоиерея Александра Ивановича Лучинского²⁹, его благозвучное чтение, отчетливость в произношении священных молитвословий и поучений, привлекали сюда многих рязанцев. Чтобы училищную церковь мог посещать каждый желающий, в новом корпусе был устроен отдельный вход с крыльцом и тамбуром.

В 1913 году к основному корпусу инже-нером-архитектором Антоном Семеновичем Канн-диновым была сделана пристройка (по правому крылу, в глубь двора), в которой разместились учеб-ные комнаты и подсобные помещения. В 1915 году был открыт седьмой, в 1916 — восьмой классы с математическим и словесно-историческим отделениями с целью подготовки учителей не только для церковноприходских школ, но и учебных заведений более высокого уровня.

Рязанское епархиальное женское училище, превратившееся за четыре десятилетия своего существования из приюта для сирот в крупнейшее учебное заведение города и всей Российской империи, выполняло общегосударственные задачи просвещения народа и внесло неоценимый вклад в культурное развитие Рязанского края. Училище исправно служило кастовым интересам духовенства. Многие из воспитанниц становились учителями сельских церковноприходских и земских школ. Так, по сообщению епархиального наблюдателя, в 1905/06 учебном году в церковноприходских школах Рязанской епархии работали 176 учительниц из числа выпускниц епархиального училища, по сообщению директора народных училищ Рязанской губернии, во вверенных ему учебных заведениях работали 162 учительницы.

23 февраля 1918 года епархиальное училище было закрыто, 30 сентября замечательное по архитектуре и удобству здание с прилежащими к нему службами и садом было передано Рязанскому учительскому институту, который 15 октября 1918 года был преобразован в Рязанский педагогический институт — первое в городе высшее учебное заведение. Здание сохранило свои основные архитектурные элементы. Оно и теперь украшает город, впечатляя своим внешним видом, продуманностью внутренней планировки, прекрасной акустикой учебных комнат.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гавриил (Городков Егор Иванович) (1785—1862) — архиепископ Рязанский и Зарайский (1837—1858), местночтимый святой. Окончил Рязанскую духовную семинарию, Санкт-Петербургскую духовную академию. С 1814 года профессор богословия, с 1817 года — инспектор Рязанской семинарии. Был настоятелем монастырей: Рязанского Троицкого, Макарьевского Желтоводского, Нижегородского Печерского. 20 мая 1828 года хиротонисан в епископа Калужского и Боровского, с 26 августа 1831 года — епископ Могилевский и Полоцкий, с 15 июля 1837 года — архиепископ Рязанский и Зарайский. 10 мая 1858 года уволен на покой в Успенский Ольгов монастырь.

² Краснов М. Рязанское училище девиц духовного звания (1850—1877 гг.) // Рязанские епархиальные ведомости (отд. неофиц.). 1901. № 7—8. С. 227.

³ Там же. С. 226.

⁴ Там же. С. 227.

⁵ Там же. С. 230—232.

⁶ Там же. С. 233.

⁷ За годы существования Рязанского женского училища Духовного ведомства после Гавриила рязанскую кафедру занимали архиепископы: Смарагд (Крыжановский) (1859—1863); Иринарх (Попов) (1863—1867); Алексей (Ржаницын) (1867—1876); Палладий (Раев) (1876—1882);

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

Феоктист (Попов) (1882—1894); епископы: Иустин (Полянский) (1894—1896); Мелетий (Якимов) (1896—1900); Полиевкт (Пясковский) (1900—1902); Аркадий (Карпинский) (1902—1906); Никодим (Бок) (1906—1911); Димитрий (Сперовский) (1911—1917).

⁸ Краснов М. Указ. соч. № 23. С. 732.

⁹ Там же. С. 732.

¹⁰ Там же. № 22. С. 693.

¹¹ Там же. № 23. С. 693.

¹² Там же. № 21. С. 667—668.

¹³ Там же. № 22. С. 695.

¹⁴ Там же. № 22. С. 694.

¹⁵ Там же. 1902. № 3. С. 86.

¹⁶ Там же. С. 87.

¹⁷ Лучинский А. Материалы для истории Рязанского епархиального женского училища // Рязанские епархиальные ведомости (отд. неофиц.). 1909. № 6. С. 233—234.

¹⁸ Там же. № 3. С. 103.

¹⁹ Рязанские епархиальные ведомости. 1881. № 22.

²⁰ Шумов Николай Васильевич (1827—1905), живописец, имел звание художника Императорской академии художеств, был одним из способнейших учеников профессора исторической и религиозной живописи А.Т. Маркова. В 1857 году поселился в Рязани, через два года открыл иконописную и иконостасную мастерскую на улице Семинарской, слава о которой вскоре разошлась не только по Рязанской губернии, но и по всей Руси; одновременно давал уроки иконописания в Рязанской духовной семинарии (1870—1904).

²¹ Лучинский А. Указ. соч. № 4. С. 154.

²² Там же. 1909. № 5. С. 189.

²³ Преподавателем природоведения состоял Николай Федорович Федотьев. В 1910 году, будучи более месяца на курсах природоведения в Санкт-Петербурге, на свои ограниченные учительские средства он приобрел естественнонаучные коллекции и различные приборы. Совет училища постановил приобрести у Н.Ф. Федотьева созданные им в течение нескольких лет кабинет по природоведению и довольно обширную библиотеку, что и исполнил, уплатив ему 246 рублей 50 копеек.

²⁴ Отчет о состоянии Рязанского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1908/09 учебный год // Рязанские епархиальные ведомости. 1910. № 4. С. 123.

²⁵ Медицинский отчет по больнице Рязанского епархиального женского училища за 1900/01 учебный год // Рязанские епархиальные ведомости. 1902. № 8. С. 113.

²⁶ Внеклассные занятия воспитанниц Рязанского женского епархиального училища в минувшем 1905/06 учебном году // Рязанские епархиальные ведомости. 1907. № 6. С. 179—180.

²⁷ Там же. С. 181—188.

²⁸ Цеханский Иван Степанович (1864—1934), окончил Строгановское художественно-промышленное училище в Москве, с 1895 по 1917 год работал в Рязани в должности губернского архитектора. По его проектам построены здания, являющиеся памятниками архитектуры: колокольня Иоанно-Богословского монастыря, летний клуб Дворянского собрания, богадельня сестер Титовых, дом родовспоможения.

²⁹ Протоиерей Александр Иванович Лучинский (1862—1922), сын священника села Ижевского Рязанской губернии. В 1886 году окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. С 1887 по 1914 год состоял инспектором классов Рязанского епархиального женского училища, преподавал Закон Божий, был священником Покровской церкви и членом попечительского совета этой церкви, безвозмездно исполнял обязанности казначея и делопроизводителя Совета, заведующего образцовой церковноприходской школой при епархиальном училище.

Ю.Б. Будкина

М.А. АЛЕКСАНДРОВА: ПЕРВАЯ НАЧАЛЬНИЦА
РЯЗАНСКОГО ЖЕНСКОГО УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА

В 2005 году Рязанскому государственному педагогическому университету имени С.А. Есенина исполняется 75 лет. Это немалый срок. Однако его история началась гораздо раньше и восходит к 1915 году, когда в Рязани был открыт первый в России Рязанский женский учительский институт. Путь становления учебного заведения оказался не из легких, особенно сначала, но, несмотря на трудности, институт доказал свое право на жизнь. И заслуга в этом, без сомнения, во многом принадлежит первой начальнице Рязанского женского учительского института Марии Алексеевне Александровой. Ее по праву можно считать основателем традиций института, организатором студенческой жизни. Эта необыкновенная женщина оставила яркий след не только в истории института, но и в истории и культуре города Рязани.

М.А. Александрова родилась в 1874 году в Вильно в семье служащего. Окончив Виленское Мариинское высшее женское училище в 1891 году¹, она поступила на историко-филологический факультет высших женских (Бестужевских) курсов в Ленинграде и специализировалась по русской истории под руководством профессора С.Ф. Платонова и по психологии и философии под руководством профессора А.И. Введенского. В 1895 году ее оставили при кафедре

русской истории «для усовершенствования в науке». М.А. Александрова принимала самое активное участие в организации первых коллективных семинаров на высших женских курсах под руководством профессора С.Ф. Платонова и одновременно работала в Археографической комиссии над разбором и подготовкой к печати Никоновской летописи, Литовской метрики и др.

Марию Алексеевну всегда отличали трудолюбие, сила воли и желание принести пользу. В 1898 году она принимает предложение стать преподавателем женской гимназии в городе Хабаровске на Амуре, хотя многие учителя и товарищи не понимали ее решения ехать на далекую окраину².

По дороге в Хабаровск М.А. Александрова встретила писателя Н.Г. Гарина, который описал эту встречу в своих Записках: «21 августа 1898 г. мы выехали из Благовещенска 19-го... Рядом... со мной в такой же, как и моя, двухместной каюте едут две барышни. Одна в первый раз выехавшая из Благовещенска в Хабаровск... Вторая бестужевка. Она едет из Петербурга в Хабаровск учительницей в гимназию. Большие серые глаза смотрят твердо и уверенно. Стройная сильная фигура. Спокойствие, уверенность в себе и своей силе. Она одна проехала через всю Сибирь: для женщины, а тем более для девушки, — это подвиг.



**Будкина
Юлия
Борисовна,**
студентка V курса
РГПУ им. С.А. Есенина

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

— Где счастье? — спрашивает ее кто-то на палубе.

— Счастье в нас, — отвечает она. Я слышу ее ответ и смотрю на нее. Она спокойно встречает мой взгляд; опять смотрит на реку, берег...

Вчера вечером мы с учительницей много поговорили, — она верит в жизнь, в свою энергию, верит в возможность производительной работы, будет работать для других, для себя, через три года поедет за границу.

Свободная вакансия оказалась только по немецкому языку, который она и взялась преподавать. Будет преподавать язык, а вместе с тем литературу, историю литературы и новейшую»³.

Приехав в Хабаровск, она начинает вести в гимназии уроки педагогики, русской и всеобщей истории. Кроме того, в 1899 году Мария Алексеевна временно исполняет обязанности начальницы гимназии, а через три с половиной месяца ее утверждают в этой должности. М.А. Александрова сумела поставить женское образование на должную высоту: из глухих уголков Приамурья приезжали к ней девушки, желавшие получить образование. Кроме того, ею были организованы практические работы и лекции по пчеловодству, огородничеству, садоводству, образцовый рисовальный и рукодельный классы, экскурсии по Амуру и его окрестностям, положено начало летней трудовой колонии.

М.А. Александрова активно занималась наукой, помещала статьи в местной печати по вопросам краеведения и просвещения, являлась членом Приамурского отделения географического общества и работала над составлением научного каталога и приведением в порядок Хабаровского историко-этнографического и естественно-исторического музея. Кроме того, она занималась внешкольной просветительской работой: принимала участие в организации и чтении лекций в народном доме имени А.С. Пушкина в Хабаровске и в тюрьмах ссыльноколотарных.

В 1903 году Мария Алексеевна вышла замуж за инженер-генерала Н.Ф. Александрова⁴ и полностью посвятила себя воспитанию трех дочерей. С 1909 по 1915 год, живя в Ленинграде, она входила в состав родительского кружка, принимала участие в съездах по дошкольному воспитанию. Семейная жизнь не мешала ей не только следить за новостями науки, но и самой работать в Археографической комиссии⁵.

В октябре 1915 года Мария Алексеевна овдовела, а в ноябре того же года приняла предложение возглавить в Рязани первый в России женский учительский институт, который был открыт 1 (14) декабря 1915 года. Ее кандидатура на должность начальницы была предложена ректором Петроградского педагогического института, к которому обратился за советом министр просвещения П.Н. Игнатьев⁶. 2 января 1916 года она вступает в должность и по 1918 год является председателем педагогического совета и одновременно преподавателем педагогики, психологии, русской истории и историографии. М.А. Александрова сделала очень многое, чтобы создать нормальные условия для обучения студентов. В частности, при институте были открыты столовая и читальный зал. Тесно общаясь со студентами, она часто помогала им советом, была для них старшим другом, наставником.

В 1918 году Мария Алексеевна отказалась от руководства тогда уже педагогическим институтом, но продолжала до 1924 года читать лекции и вести семинары. Ее неоднократно приглашали преподавать в Москву и Ленинград, но она до конца жизни осталась верна Рязанскому институту.

Кроме обычной преподавательской деятельности в институте, М.А. Александрова читала курсы по истории русской и античной культуры, по истории народного образования, по методике обществоведения, выступала с докладами на заседаниях социально-исторического отделения общества исследователей Рязанского края, была одним из его учредителей и первым секретарем социально-исторического отделения и до 1924 года неизменно избиралась в ревизионную комиссию. С 1916 года Мария Алексеевна состояла членом Рязанской губернской ученой архивной комиссии, а с 1923 года заведующей научно-организационным отделом губернского архива.

• РЯЗАНСКИЙ ИСТОРИК 2005 № 3 •

Мария Алексеевна продолжала работать, даже когда в феврале 1921 года заболела нервным переутомлением и диабетом, а весной 1924 года туберкулезом легких. Она буквально заставляла себя вставать с постели и идти на работу. Возвращаясь домой, Мария Алексеевна немедленно ложилась. Но, несмотря на болезнь, продолжала работать⁷.

30 сентября 1924 года ее жизнь оборвалась. Перед смертью Мария Алексеевна подарила родному институту свою большую личную библиотеку⁸.

Незаурядная сильная личность, сочетавшая в себе твердую волю, педагогическое мастерство и широту научных взглядов, Мария Алексеевна Александрова посвятила всю свою жизнь преподавательской и научной деятельности. Она сыграла определяющую роль в становлении Рязанского женского учительского института и способствовала его дальнейшему процветанию. М.А. Александрова была необычной женщиной, а ее заслуги настолько велики, что по масштабам своим выходят за рамки города.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Соколов Н. Г. Первый в России Рязанский женский учительский институт // Ученые записки. М., 1969. Т. 62. С. 126.

² См.: М.А. Александрова // Вестник рязанских краеведов. 1925. № 1. С. 19.

³ Гарин-Михайловский Н.Г. Соч. М., 1958. Т. 5. С. 75—78.

⁴ См.: Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 598. Оп. 1. Д. 37. Л. 32.

⁵ См.: М.А. Александрова. С. 20.

⁶ См.: Соколов Н.Г. Бестужевка // Рязанский комсомолец. 1980. 27 нояб. С. 3.

⁷ См.: М.А. Александрова. С. 20—22.

⁸ См.: Соколов Н.Г. Бестужевка. С. 3.

А.В. Карева

АКАДЕМИК Л.В. ЧЕРЕПНИН:
ЧЕЛОВЕК, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ
(к 100-летию со дня рождения)

В последнее время повышается интерес к отечественной истории и к историкам, внесшим значительный вклад в ее развитие. К таким ученым по праву принадлежит Лев Владимирович Черепнин, 100-летие со дня рождения которого отмечается в этом году. С Рязанью связан один из самых светлых периодов его жизни.

Литературы о жизни и деятельности Л.В. Черепнина и его работах достаточно для того, чтобы составить полное представление об этом выдающемся ученом и удивительном человеке¹.

Л.В. Черепнин родился 12 апреля (30 марта) 1905 год в Рязани. Среда, в которой он рос, не могла не пробудить уважения к знаниям и интереса к прошлому. Его дед, Алексей Иванович, ученый-самородок, многого достигший в результате систематического и упорного труда, был известным археологом и нумизматом; с его именем связаны яркие страницы деятельности Рязанской ученой архивной комиссии. Отец, Владимир Алексеевич, тоже был просвещенным человеком; в 1904 году он закончил историко-филологический факультет Московского университета, затем учился в Петербургском археологическом институте и на юридическом факультете Петербургского университета. Именно от своей семьи Л.В. Черепнин унаследовал уди-

вательную любовь к истории, преданность выбранному делу, бескорыстное служение науке. Выбор профессии историка, таким образом, во многом объясняется семейными и профессиональными традициями, окружением.

Еще в школьные годы, когда были прочитаны труды С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, немало книг по истории общественно-политической мысли, он определил свое призвание и отдал ему все свои силы, способности и любовь. Все это не могло не повлиять на выбор им жизненного пути и сферы научных интересов: в 1921 году в 16-летнем возрасте он поступает на социально-исторический факультет Рязанского педагогического института тогда он провинциального города в начале 20-х годов была насыщенной и разнообразной². Занятия на-



**Карева
Алла
Викторовна,
аспирантка кафедры
истории России
РГПУ им. С.А. Есенина**

чинались с 7 ноября 1921 года продолжались по 22 июня 1922 года. Этот период был небольшим, но удивительно емким, продуктивным и значимым для становления будущего ученого. Л.В. Черепнин обучался у преподавателей, имевших лучшую по тем временам историческую подготовку, кроме того, что самое главное, здесь произошла важная для него встреча с блестящим выпускником Московского университета Н.Г. Бережковым, уже достаточно опытным архивистом, знатоком литовских документов и фондов в московских

архивах, человеком острого ума. Под авторитетным влиянием Н.Г. Бережкова определился жизненный путь, круг будущих изысканий Л.В. Черепнина, началось формирование его исследовательских навыков. Все эти факты ранней биографии Л.В. Черепнина оказали влияние на его последующие занятия по проблемам отечественной средневековой истории, проблемам русского феодализма. Увлечение источниковедением укрепило Л.В. Черепнина в выборе профессии, и он решил пройти университетский курс в Московском университете.

Рязанский период навсегда остался в памяти ученого. В разговорах с ближайшими коллегами Л.В. Черепнин с большой теплотой вспоминал свои детские годы, проведенные в Рязани, подробно, в деталях, рассказывал о начале студенческой жизни в любимом городе. Несмотря на все тяготы, лишения и сложности этих лет, он считал студенчество самым светлым и радостным временем своей жизни. Этот период подарил юному историку общение с замечательными педагогами и удивительными людьми: выпускницей Бестужевских курсов М.А. Александровой и выпускником Московского университета Н.Г. Бережковым, блестяще читавшим археологию, палеографию и русскую историю. Н.Г. Бережков увлек студента Черепнина работой над архивными источниками, познакомил с трудами А.А. Шахматова, А.Е. Преснякова, Н.П. Павлова-Сильванского. Несмотря на короткое время учебы в Рязани (всего один год), именно здесь он осознал, что его призвание — история и архивные поиски³.

С 1922 года начинается следующий этап в жизни Л.В. Черепнина: он становится вольнослушателем факультета общественных наук Московского университета и усердно занимается учебой. Уже в студенческие годы ярко проявился его исследовательский талант. Непосредственные наставники Л.В. Черепнина — крупные знатоки отечественной древности А.И. Яковлев, С.В. Бахрушин, С.Б. Веселовский — разглядели в своем ученике незаурядные способности и увлекли молодого ученого занятиями в архиве, богатство которого и поразило, и предопределило его будущее. Люди, окружавшие Л.В. Черепнина, воспитали в нем умение читать и понимать документ как часть комплекса источников, привили любовь к этой работе. Сдав в 1925 году экзамен за университетский курс, в 1926 году он поступил и в 1929 году окончил аспирантуру при Институте истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Но в силу определенных обстоятельств, о которых он не любил вспоминать, только летом 1942 года Черепнин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Древнерусская церковная феодальная вотчина XIV—XVI вв. (очерки по истории землевладения Московской митрополичьей кафедры)» в Московском городском педагогическом институте им. В.И. Ленина. В диссертации ярко проявились основные свойства его исследовательского таланта⁴. К этому времени Л.В. Черепнин уже имел позади долгие годы работы над рукописными актами, работы, результаты которой лишь позднее отразились в печати.

Творческие возможности Л.В. Черепнина полностью раскрылись в докторантуре при Институте истории СССР (1942—1946 гг.). Защита докторской диссертации «Очерки по истории русских феодальных отношений XIV—XV вв.» состоялась в июне 1947 года и была одним из самых ярких событий в научной жизни того времени. Исследовательский талант Л.В. Черепнина во всей его многогранности развернулся в Институте истории АН СССР, где он сначала работал в качестве старшего научного сотрудника, был заведующим сектором истории СССР периода феодализма, а в 1969 году возглавил отдел истории докапиталистических формаций на территории СССР.

Постоянное внимание к теоретическим проблемам истории в сочетании с колоссальным трудом над изучением конкретных материалов, многолетние исследования в архивах определили вклад Л.В. Черепнина в историческую науку. Объем проделанной им работы впечатляет — около 400 трудов. Среди них: 13 монографий, объемные документальные публикации, десятки отредактированных книг и сборников статей. И все это за неполные 30 лет. Трудно представить, что это результат исследовательской деятельности только одного человека, а не огромного коллектива высококвалифицированных специа-

листов. За этими данными, до сих пор поражающими нынешних историков, стоял титанический труд, сложный путь неоднократных проверок, сознательного отказа от уже найденных эффективных и убедительных ответов, скрытый от посторонних глаз труд преодоления собственных ошибок и заблуждений ради обретения истины⁵. Научные интересы Л.В. Черепнина чрезвычайно широки, а проблематика его исследований весьма разнообразна и многогранна. Так, в истории русского Средневековья не было более или менее значительной проблемы, которая не увлекала бы его, к разрешению которой он не приложил бы своих знаний и таланта. Для него было характерно возвращение, подчас многократное, к ранее поднятым темам, обогащение их новыми источниками, наблюдениями, выводами. Повторное рассмотрение означало углубление, изменение постановки проблемы. Ярким примером этого является тема Русского централизованного государства, которая прошла через всю жизнь ученого, постоянно расширяясь хронологически, обрастая новыми проблемами и вопросами⁶.

Л.В. Черепнин, будучи блестящим источниковедом, не мыслил настоящего историка-исследователя без глубокой источниковедческой подготовки. Он считал, что источниковедческое и историческое исследование — взаимосвязанные стороны единого творческого процесса. У него было потрясающее понимание источников и уважительное отношение к историческому факту. Источниковедческий анализ занимает в работах Л.В. Черепнина важнейшее место: с помощью своеобразных методик ему всегда удавалось извлекать свежую информацию и делать новые выводы из источников давно и хорошо знакомых не одному поколению исследователей, чем немало удивлял своих коллег. Одним из главных принципов работы в науке он считал личное ознакомление с архивными данными и самостоятельное осмысление найденного, что дает возможность, по его мнению, приблизиться к истине. Поэтому Л.В. Черепнин любил работать в архивах, библиотеках, стараясь бывать там как можно чаще, дорожил самой возможностью вести самостоятельное научное исследование⁷. Он считал настоящим научным подвигом, когда исследователь заставлял играть новыми гранями и красками памятник уже изученный и полностью отработанный.

Исследовательской работе профессора Л.В. Черепнина сопутствовала, обогащая ее, долготелая (более 30 лет) преподавательская деятельность в ведущих вузах столицы: Московском историко-архивном институте (1942—1949), Московском институте международных отношений (1946—1952), на кафедре истории СССР Академии общественных наук при ЦК КПСС, на историческом факультете МГУ (1944—1960). Черепнин получал приглашения читать лекции в зарубежных университетах и научных центрах. Талантливый педагог и блестящий лектор, он безгранично верил в творческие возможности студентов, уважительно относился к ним как к коллегам. Его лекции представляли собой поиск научной истины вместе со слушателями. У всей аудитории возникало ощущение сопричастности, соучастия в обретении искомого результата⁸.

Л.В. Черепнин отличался невероятной широтой исследовательских интересов и научного поиска, мощным интеллектом и цельностью натуры, огромной эрудицией и огромной работоспособностью. Он любил работать «по-настоящему», то есть с упоением и наслаждением, засиживаясь в архиве или библиотеке⁹, но позволить себе это мог нечасто, только во время отпусков. А эрудиция, потрясавшая всех окружающих, убеждала в том, что Л.В. Черепнин знает абсолютно все. Необъятный исследовательский опыт позволял ему высказывать свое обоснованное мнение по любому вопросу. Ключевыми понятиями для понимания своеобразия и уникальности научного облика Л.В. Черепнина являются гармоничность, системность мышления, логика высочайшего уровня и познавательной мощи¹⁰. Его исследовательский дар заключался в органическом сочетании высочайшей исследовательской техники и глубокого теоретического синтеза. Для Л.В. Черепнина была характерна также удивительная открытость всему новому, постоянный научный поиск. Другая черта — его необычайная щедрость как ученого. Не задумываясь, он дарил слушателям, коллегам свои идеи, ссылки на источники и литературу. Ему была

присуща врожденная интеллигентность, выдержка, глубокое человеческое достоинство. Он воспитывал окружающих всем своим обликом, примером своего подвижнического служения науке.

Очень высок был международный авторитет Л.В. Черепнина. Глубоко эрудированный ученый, прекрасный оратор и полемист, Л.В. Черепнин неоднократно с честью представлял советскую науку на международных конгрессах, конференциях и симпозиумах в Риме, Стокгольме, Вене, Париже, Москве, Бухаресте, Брюсселе, Лондоне, Тулузе, Будапеште, Секешфехерваре, Венеции.

Все, что сделал Л.В. Черепнин в науке, тем более поражает, если учесть, что подверженность своему призванию подвергалась тяжелейшим жизненным испытаниям и невзгодам. В ноябре 1930 года Черепнин был арестован по делу о так называемом «Всенародном Союзе борьбы за возрождение свободной России». Он был осужден по 58-й статье и получил три года на двинских камнеразработках в Северном крае. Осенью 1933 года Черепнин возвратился из лагеря, но долгое время, до 1942 года, не мог легально проживать в столице и устроиться на постоянную работу¹¹. Оторванный от любимого дела, он выдержал, выстоял, сберег верность науке. Л.В. Черепнин вызывает восхищение как человек, сумевший преодолеть, претерпеть чудовищные преграды на пути реализации своего предназначения.

Коллеги и ученики, испытывая чувство уважения и благодарности к его личности, его мощному вкладу в отечественную историю, регулярно проводят чтения памяти академика Л.В. Черепнина, объединяющие многих исследователей отечественного Средневековья и раннего Нового времени. На них ведутся острые дискуссии по тематике, исследованию которой ученый отдал немало сил и трудов, спорят при этом и с его собственными выводами, что всегда им приветствовалось¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лев Владимирович Черепнин (1905—1977) // Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. Истории. Вып. 14. М., 1983. С. 39—50; Горский А.Д. Памяти академика Л.В. Черепнина // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 110—115; Список научных работ Л.В. Черепнина и литературы о нем за 1982—1986 гг. // Феодализм в России: Сборник статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987. С. 321—323; Феодализм в России: Сборник статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987. 325 с.; Румянцев В.С. Л.В. Черепнин // Историческая наука России в XX веке. М., 1997; Назаров В.Д. Лев Владимирович Черепнин (1905—1977) // Портреты историков: Время и судьбы. М., 2000. Т. 1. С. 285—303; Назаров В.Д. Черепнин Лев Владимирович (1905—1977) // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 764—772; Ковальчук Н.А. «Историко-архивный институт стал моим родным домом». Воспоминания о годах учебы в институте (1940—1947) // Отечественные архивы. 2003. № 5. С. 65—80.

² См.: Чекурин Л.В. Династия историков Черепниных // Чекурин Л.В. Историческое краеведение. Источниковедение и историография. М., 1991. С. 157—158.

³ См.: Пушкарев Л.Н. Лев Владимирович Черепнин — человек и ученый // Отечественная история. 2001. № 1. С. 178.

⁴ См.: Назаров В.Д., Янин В.Л. К семидесятилетию академика Л.В. Черепнина // Вопросы истории. 1975. № 5. С. 150.

⁵ См. Янин В.Л., Назаров В.Д. Лев Владимирович Черепнин (творческий облик исследователя) // История СССР. 1986. № 1. С. 108.

⁶ См. там же. С. 106—108; Пашуто В.Т., Назаров В.Д. Памяти старого друга. О Льве Владимировиче Черепнине // История СССР. 1978. № 1. С. 152—153.

⁷ См.: Пушкарев Л.Н. Указ. соч. С. 181.

⁸ См.: Назаров В.Д. Лев Владимирович Черепнин (1905—1977) // Портреты историков: Время и судьбы. М., 2000. Т. 1. С. 301.

⁹ См.: Пушкарев Л.Н. Указ. соч. С. 177.

¹⁰ См.: Янин В.Л., Назаров В.Д. Указ. соч. С. 98—105.

¹¹ См.: Назаров В.Д. Указ. соч. С. 290—291.

¹² См.: Андреев И.Л., Каменский А.Б., Назаров В.Д. Чтения памяти академика Л.В. Черепнина. Международная конференция // Отечественная история. 1995. № 3. С. 216—221.

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РЯЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ С.А. ЕСЕНИНА

Кафедра средневековой и новой истории Отечества

Кафедра истории СССР в Рязанском государственном педагогическом университете была образована в 1939 году. В 1940 — начале 1960-х годов ее возглавлял Николай Григорьевич Милонов. В это время главным научным направлением кафедры была археология, а также краеведческая тематика.

Новое направление в научную деятельность кафедры в 1950-е годы внесла Вера Наумовна Розенталь, научные интересы которой были сосредоточены на изучении истории либерального движения России XIX века, дореволюционного времени. Результатом ее исследований по этой теме стали публикации в журнале «История СССР», «Исторических записках», многотомном издании АН СССР «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» и других центральных изданиях, а также в «Ученых записках» РГПИ.

Изучением археологии и истории Рязанского края занимался Владимир Петрович Фролов, работавший на кафедре в течение трех десятков лет — с 1957 по 1987 год.

Крупный вклад в изучение русского летописания внес Аполлон Григорьевич Кузьмин. В 1954 году в Полном собрании русских летописей (т. 24) им опубликованы Александро-Невская и Лебедевская летописи, в 1965 году монография «Рязанское летописание».

Иван Павлович Попов продолжил разработку научной проблемы, начатой В.Н. Розенталь, — истории либерального движения в России. Наряду с этим, серьезным вкладом Ивана Павловича в научную работу кафедры стало исследование истории культуры и издание монографии «Очерки истории культуры Рязанского края». Истории Рязанского края И.П. Попов посвятил статьи, опубликованные в «Рязанской энциклопедии», одним из редакторов которой он являлся.

Основным направлением научной работы Николая Григорьевича Соколова, работавшего на кафедре около 40 лет, являлось исследование проблем аграрной истории: налоговой политики и сельского хозяйства в доколхозный период и коллективизации в советской деревне, по которой он опубликовал свыше 90 научных работ. Большое внимание Николай Григорьевич уделял изучению истории Рязанского края и Рязанского государственного педагогического университета.

Исследованием аграрных проблем в дореволюционной и советской истории занимались Юрий Васильевич Фулин и Екатерина Степановна Степанова. Ю.В. Фулин неоднократно выступал с докладами на симпозиумах по аграрной истории России, проводимых Институтом истории СССР АН СССР. Е.С. Степанова внесла вклад в изучение проблемы развития капитализма в сельском хозяйстве и промышленности пореформенного периода России.

В 1992 году кафедру истории СССР переименовали в кафедру отечественной истории. В июне 2000 года она была разделена на кафедру древней и средневековой истории Отечества и кафедру новой и новейшей истории России, а в 2005 году была реорганизована в кафедру средневековой и новой истории Отечества. В настоящее время на кафедре работают 10 человек.

С сентября 2005 года заведующим кафедрой стал доктор исторических наук доцент *Петр Владимирович Акульшин*, который с 1984 года работает в университете. В 1993 году он защитил кандидатскую диссертацию, а в феврале 2005 года — докторскую. Его научные интересы связаны с историей России нового и новейшего времени: общественно-политическими проблемами России первой половины XIX века, вопросами региональной истории.

Доктор исторических наук профессор *Николай Николаевич Репин* занимается исследованием торговых отношений России с европейскими странами в XVII—XVIII веках. Им опубликовано более 70 научных работ, преимущественно в центральных изданиях, в том числе учебное пособие по спецкурсу «Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII веке».

Направление научной работы доктора исторических наук профессора *Аллы Александровны Севастьяновой* лежит в области местной историографии и источников. По этой теме опубликованы монографии «Русская провинциальная историография», «Ярославль 200 лет назад: культура и люди», «Записки Дж. Горсея в XVI — начале XVII в.».

Доктор исторических наук профессор *Вячеслав Николаевич Козляков* исследует историю русского дворянства XVI—XVII веков и известных в истории личностей, по которым опубликованы четыре монографии.

Кандидат исторических наук доцент *Елена Анатольевна Кирьянова* закончила факультет истории РГПИ в 1985 году, в 1994 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Социально-экономические и политические процессы в деревне в 1933—1937 гг. (на материалах Московской, Рязанской и Тульской областей)». Работает в университете с 1994 года. Ее научные интересы: аграрная история России XX века, методика преподавания истории. Она автор более 70 научных и учебно-методических работ.

Кандидат исторических наук доцент *Ольга Владимировна Плеханова* занималась исследованием налоговой и финансовой политики в советской деревне в 20—30-е годы XX века, в настоящее время изучает культуру Рязанского края и историческое краеведение. Имеет публикации по этой тематике.

Кандидат исторических наук доцент *Евгений Николаевич Соколов* закончил факультет истории РГПИ в 1990 году. В 1996 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Становление финансовой политики военного коммунизма». Работает в университете с 1990 года. Его научные интересы: социально-экономическая политика России начала XX века. Возглавляет центр профессиональной ориентации молодежи и содействия в трудоустройстве выпускников РГПУ.

Кандидат исторических наук доцент *Евгений Георгиевич Тарабрин* изучает историю земства, самоуправления и местного управления в России, по которым опубликованы статьи в «Рязанской энциклопедии» и других изданиях.

Кандидат исторических наук старший преподаватель *Игорь Николаевич Гребенкин* закончил факультет истории РГПУ имени С.А. Есенина в 2002 году. В 2004 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Первый Кубанский поход Добровольческой армии и его место в истории Гражданской войны». Работает в университете с 2004 года. Его научные интересы: военная история России XX века, история пореволюционного периода и Гражданской войны, история русского зарубежья.

Старший преподаватель *Василий Васильевич Судаков* занимается вопросами археологии Рязанского края, имеет многочисленные публикации, в том числе в центральных изданиях.

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

Научная работа преподавателей и аспирантов кафедры объединена общекафедральной темой: «Историографические, источниковедческие и конкретно-исторические аспекты общероссийской и региональной истории от Средневековья к Новому времени».

С 2000 по 2004 год преподавателями кафедры опубликовано свыше 100 научных работ: монографий, сборников научных трудов, материалов и тезисов докладов конференций.

Наиболее значимыми из них являются:

- Монографии и сборники материалов В.Н. Козлякова: «Г.В. Вернадский. Русская историография» (М., 2000), «Служилый город в Московском государстве. От Смуты до Соборного уложения» (Ярославль, 2000), «Дневник Марины Мнишек» (М., 2001), «Михаил Федорович» (М., 2004).

- Рязанская Вивлиофика: Сб. статей / Отв. ред. А.А. Севастьянова. Рязань, 2000—2003. Вып. 1—3.

- История дореволюционной России: мысль, события, люди: Сб. ст. / Отв. ред. Н.Н. Репин. Рязань, 2001—2003. Вып. 1—2.

- Битва на Воже — предтеча возрождения средневековой Руси: Материалы Межрегиональной научной конференции / Отв. ред. Н.Н. Репин. Рязань, 2004.

При кафедре в 2000 году была создана научная лаборатория региональных исследований (руководитель А.А. Севастьянова), разносторонняя и эффективная работа которой позволила в 2004 году преобразовать ее в центр региональных исследований.

Преподаватели кафедры принимают активное участие в научных конференциях, в том числе общероссийских и международных, выступая с докладами и сообщениями. Ежегодно проводится межрегиональная научная конференция по теме «Битва на Воже — предтеча возрождения средневековой Руси».

Некоторые научные темы преподаватели кафедры исследовали при финансовой поддержке центра и Рязанского региона по грантам.

По гранту РГНФ, полученному А.А. Севастьяновой, в 2000—2001 годах исследовалась тема «Памятники письменности в музеях и архивах Рязанской области», результатом чего стало издание трех сборников статей «Рязанская Вивлиофика».

В 2001 году грант для изучения темы «Славянские памятники IX—X веков в бассейне Средней Оки» получил В.В. Судаков, благодаря чему была проведена археологическая экспедиция на Дурановское III поселение в Рыбновском районе.

В 2003 году А.А. Севастьянова по гранту Института открытого общества (Фонд содействия ГРНТИ) участвовала в качестве консультанта в исследовании темы «Рязанские достопримечательности».

В 2003—2004 годах по гранту Администрации Рязанской области и РГНФ А.А. Севастьянова и В.Н. Козляков работали над темой «Провинциальное культурное гнездо Рязани XVIII — начала XX в.», результатом чего стала подготовка сборника статей того же названия, который будет издан в 2005 году.

Н.Н. Репиным и С.А. Феоктистовым было составлено и опубликовано методическое пособие по истории России XVII—XVIII вв. (Рязань, 2003). Курс лекций Н.Н. Репина «История России XVII—XVIII вв.» (ч. 1—2) был рекомендован Учебно-методическим объединением по специальностям педагогического образования в качестве учебного пособия для студентов вузов и опубликован в РГПУ в 2005 году.

При кафедре с 1991 года работает аспирантура по специальности 07.00.02 «Отечественная история» (руководители доктора исторических наук профессора Н.Н. Репин, В.Н. Козляков, доктор исторических наук доцент П.В. Акульшин), а с 1996 года — по специальности 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» (руководитель доктор исторических наук профессор А.А. Севастьянова). За это время было защищено 20 кандидатских диссертаций.

Научно-исследовательская работа студентов под руководством преподавателей кафедры осуществляется по нескольким направлениям:

- проведение ежегодных научно-практических конференций;
- организация работы двух научно-исследовательских групп студентов: «Изучение местных исторических источников в музеях и архивах» (руководитель А.А. Севастьянова) и «Археология Рязанского края» (руководитель В.В. Судаков).

Кафедра истории России

Кафедра истории России была образована в 2000 году в результате деления кафедры истории Отечества на кафедру древней и средневековой истории Отечества и кафедру новой и новейшей истории России. В 2004 году она была объединена с общеуниверситетской кафедрой истории и в 2005 году переименована в кафедру истории России.

Кафедра обеспечивает чтение базового курса по «Истории России» на всех факультетах университета, а также ряда курсов по выбору, способствующих лучшему усвоению материала и патриотическому воспитанию студентов. На кафедре разработаны курсы: «Проблема аграрного развития СССР в первые послевоенные годы (1945—1953 гг.)» (А.Ф. Агарев), «Политик и политика» (Ю.В. Гераськин), «История олимпийского движения», «История Рязанского края» (Е.Л. Громова), «Исторические судьбы России» (А.И. Иванов), «Историческое краеведение», «Геополитика» (В.П. Курышкин), «История политических партий», «История Рязанского края» (А.Ф. Палаев), «Духовное освобождение рязанских крестьян в XIX веке» (Степанова), «История русской цензуры» (В.В. Страхов).

Для неисторических специальностей разработан курс лекций по истории России, который выдержал два издания. Он получил положительную оценку студентов и широко используется на учебных занятиях. Ведется подготовка третьего издания лекций с учетом новых тенденций в изучении отечественной истории. В помощь студентам на кафедре разработаны и изданы программа курса по истории России, планы семинарских занятий и методические рекомендации к семинарам, тематика контрольных работ и рекомендации по их подготовке для студентов отделения заочного обучения, тесты для проведения текущего контроля.

Широко используются в учебном процессе сборники научных трудов кафедры «Взгляд в историю» (2001), «Актуальные проблемы новой и новейшей истории России XIX—XX веков» (2002), «Отечественная и всеобщая история в XIX—XX веках» (2004), «Новая и новейшая история России в оценках современников» (2004), материалы научной конференции «Движение декабристов: история, историография, наследие» (2001), тезисы докладов конференций «Россия и Запад в XVII—XX вв.: история, взаимоотношения, интеграция» (2003), «60 лет победы Советского Союза в Великой Отечественной войне» (2005), сборники материалов студенческой научной конференции «Новая и новейшая история России» (2001), «Сквозь призму времени» (2002), «Молодые историки о прошлом и настоящем» (2004), «Никто не забыт, ничто не забыто...» (2005), сборник рефератов студенческих работ «Взгляд из третьего тысячелетия» (2003).

К 60-летию победы Советского Союза в Великой Отечественной войне вышла книга «РГПУ в годы Великой Отечественной войны» (авторы — А.П. Лиферов, А.Ф. Агарев, Ю.И. Лосев). Основанная на многочисленных архивных источниках и свидетельствах студентов и преподавателей университета, книга рассказывает о судьбе одного из старейших вузов Рязани в трагический для советского народа период.

С 2003 года кафедра выпускает журнал «Рязанский историк» (главный редактор — А.Ф. Агарев), который адресован вузовским преподавателям и студентам, аспирантам и дипломникам, учителям школ и работникам научно-исследовательских учреждений.

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

На кафедре работает аспирантура по специальности «Отечественная история» (научный руководитель — профессор А.Ф. Агарев). Наряду с аспирантурой, на базе кафедры истории России действует научно-исследовательская лаборатория по изучению проблем социально-политической и экономической истории России XIX—XX веков, которая создана для обеспечения потребностей учебного процесса и проведения научно-исследовательской работы студентов.

В соответствии с направлениями своей научно-исследовательской и учебно-методической деятельности лаборатория поддерживает и развивает прямые контакты и связи с научными и образовательными организациями, государственными учреждениями, общественностью, принимает участие в работе вузовских, региональных, национальных и международных конференций, совещаний, симпозиумов, в осуществлении совместных планов и мероприятий. Студенты, занимающиеся в лаборатории, участвуют в ежегодных студенческих конференциях, становятся победителями в университетских и межвузовских конкурсах студенческих работ.

В настоящее время на кафедре работают высококвалифицированные преподаватели в составе одиннадцати человек.

Заведует кафедрой *Агарев Александр Федорович*, доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии военных наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. В 1979 году он окончил исторический факультет РГПУ имени С.А. Есенина, в 1983 году аспирантуру по специальности «Отечественная история». Под руководством профессора И.С. Степичева в 1987 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1997 году докторскую. Работает в университете с 1999 года.

Гераськин Юрий Вениаминович, кандидат исторических наук, доцент. В 1978 году окончил факультет истории РГПИ, в 1998 году — юридический факультет МНЭПУ. В 1987 году окончил аспирантуру по отечественной истории, в 1988 году под руководством профессора И.С. Степичева защитил кандидатскую диссертацию по проблемам воспитания сельской молодежи на патриотических традициях в 70-е годы XX века. Работает в университете с 1982 года.

Громова Елена Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент. В 1969 году закончила факультет истории РГПИ. После обучения в аспирантуре при РГПИ в 1980 году под руководством профессора И.С. Степичева защитила кандидатскую диссертацию по теме «Роль печати в идеологической работе». Работает в университете с 1978 года.

Иванов Александр Иванович, кандидат исторических наук, профессор. В 1972 году окончил факультет истории РГПИ. После обучения в аспирантуре при РГПИ в 1984 году защитил кандидатскую диссертацию. С 1976 года работает на кафедре истории РГПУ. С 1987 года является деканом факультета педагогики и методики начального образования. Награжден медалью «За доблестный труд» и знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Курьшкин Валерий Павлович, кандидат исторических наук, доцент. В 1964 году окончил факультет иностранных языков РГПУ имени С.А. Есенина. В 1982 году аспирантуру по специальности «Отечественная история». Под руководством профессора И.С. Степичева в 1983 году защитил кандидатскую диссертацию. Работает в университете с 1977 года. Награжден медалями «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и «50 лет Вооруженных Сил СССР».

Палаев Александр Федорович, кандидат исторических наук, доцент. В 1965 году окончил историко-филологический факультет РГПИ. В 1968 году аспирантуру при РГПИ по специальности «Отечественная история». В 1972 году защитил кандидатскую диссертацию. Работает в университете с 1968 года. В 1989—2004 годах исполнял должность заведующего межфакультетской кафедрой истории. С 2004 года — доцент кафедры истории России факультета истории и международных отношений. Имеет награды: медаль «Ветеран труда», знак «Отличник народного образования» Министерства образования РСФСР, знак «Почетный работник высшего образования» Министерства просвещения РФ.

Смирнова Елена Анатольевна, ассистент. В 1984 году окончила факультет истории МГУ, в 1989 году аспирантуру при МГУ. Работает в РГПУ с 1998 года.

Степанова Екатерина Степановна, кандидат исторических наук, доцент. В 1953 году окончила факультет истории РГПИ, в 1968 году — заочно аспирантуру при МГПИ имени В.И. Ленина. В 1969 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Крестьянское движение в Рязанской губернии в 60—70-е годы XIX века». С 1963 года работает на кафедре истории РГПИ. В 1975 году утверждена в ученое звание доцента. Награждена орденом Трудового Красного Знамени, знаком «Отличник просвещения СССР», знаком «Отличник народного просвещения РФ», Почетной грамотой Министерства просвещения РФ.

Страхов Василий Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент. В 1991 году окончил с отличием факультет истории РГПИ, в 1996 году — заочно аспирантуру при кафедре отечественной истории. В 1999 году окончил с отличием вечернее отделение факультета юриспруденции РГПУ. В 2000 году защитил кандидатскую диссертацию в МПГУ под руководством заслуженного деятеля науки РФ профессора Э.М. Щагина. В РГПУ работает с 1990 года. В 2002 году получил ученое звание доцента. С 2000 года является начальником учебно-методического управления РГПУ.

Шмелева Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, ассистент. В 2001 году окончила факультет истории РГПУ имени С.А. Есенина. В 2004 году под руководством профессора Ю.И. Лосева защитила кандидатскую диссертацию по теме «Политика Великобритании на Балканах в конце XIX века (1874—1897 гг.)» по специальности «Всеобщая история (новая и новейшая история)». В 2002—2004 годах работала методистом отделения заочного обучения факультета истории и международных отношений. С сентября 2004 года — ассистент кафедры истории России.

Эрлихсон Ирина Марковна, кандидат исторических наук, ассистент. В 2003 году окончила факультет истории и международных отношений РГПУ имени С.А. Есенина. В 2005 году под руководством профессора Ю.И. Лосева защитила кандидатскую диссертацию по теме «Общественно-политическая и экономическая мысль Англии во второй половине XVII века» по специальности «Всеобщая история (новая и новейшая история)». С сентября 2005 года — ассистент кафедры истории России.

Кафедра всеобщей истории

Кафедра всеобщей истории Рязанского государственного педагогического университета является одной из старейших в университете. Она была образована в 1939 году. У истоков ее создания стояли видные историки, такие, как доценты Вильгельм Гергардович Левен (специалист по истории философской и исторической мысли средневековой Германии) и Владимир Федорович Грачев (специалист по истории Франции XVII—XIX веков). Существенный вклад в развитие кафедры, исторического образования в области внесли доктор исторических наук профессор Константин Андреевич Малафеев, кандидат исторических наук доцент Вячеслав Михайлович Костиков, доктор исторических наук, профессор Юрий Иванович Лосев, руководившие кафедрой в 1970—1990-е годы.

Профессор К.А. Малафеев специализировался в области истории стран Западной Европы и Америки и истории международных отношений в Новое и Новейшее время. Научные интересы К.А. Малафеева сложились еще во время учебы в аспирантуре под руководством академика А.Л. Нарочницкого. В 1958 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Позиция оппортунистических лидеров германской социал-демократии в вопросе о подготовке и развязывании Первой мировой войны в 1911—1914 гг.». Константин Андреевич прошел путь от старшего преподавателя до заведующего кафедрой. Глубокие знания и принципиальность снискали ему авторитет и уважение студентов

и преподавателей. Всероссийское признание имели его биографические работы о Луи Барту, Эдуарде Эррио, европейской политике и дипломатии Франции накануне Второй мировой войны.

К.А. Малафеев проявил себя умелым организатором научно-исследовательской работы. Продолжая лучшие традиции отечественной науки, привитые академиком А.Л. Нарочницким, он сумел создать свою научную школу, на протяжении ряда лет возглавляя аспирантуру при кафедре всеобщей истории. Особенно следует отметить широту его научных взглядов. Коллегам, работавшим с ним на кафедре всеобщей истории, Константин Андреевич высказал немало ценных научных советов и рекомендаций. Именно он предложил в качестве темы кандидатской диссертации «Англо-французские отношения в 1936—1939 гг.» С.В. Демидову, посоветовал А.И. Минаеву заняться проблемой влияния британского парламентаризма на российскую общественно-политическую мысль XIX века, обсуждал с Ю.И. Лосевым вопросы взаимовлияния Востока и Запада и формирования мирового рынка. Сегодня начатая К.А. Малафеевым работа по подготовке вузовских специалистов продолжается. Аспирантурой, созданной им, руководят его ученики, профессора С.В. Демидов и Ю.И. Лосев.

Историк-востоковед Вячеслав Михайлович Костиков уже в первых исследовательских трудах показал себя талантливым ученым, архивистом, прекрасным стилистом. Он был блестящим лектором: во время его выступлений складывалась особая атмосфера проникновения в таинственный мир истории Востока, всегда прослеживалась четкая сюжетная линия, которую удавалось выдерживать благодаря глубокому знанию вопроса.

Особое место среди научных интересов В.М. Костикова занимала история развития дружественных советско-индийских отношений. Он принял активное участие в создании фундаментального коллективного труда «СССР и Индия» (М., 1987), для которого написал главу об истории подготовки и подписания в 1971 году советско-индийского договора о мире, дружбе и сотрудничестве.

Заложенные ранее научные традиции достойно продолжает сегодняшний коллектив кафедры. В настоящее время здесь работают 10 преподавателей, в том числе 4 профессора и 3 доцента. Кафедра всеобщей истории обеспечивает специальную подготовку на факультете истории и международных отношений. Ее преподаватели читают лекционные курсы и проводят практические занятия по древней, средневековой, новой и новейшей истории стран Запада и Востока, историографии новой и новейшей истории стран Европы и Америки, теории и истории международных отношений, а также специальные курсы, разработанные с учетом их научных интересов. Преподаватели кафедры руководят подготовкой курсовых и дипломных работ студентов очного и заочного отделений, участвуют в создании учебников и учебных пособий по различным разделам всеобщей истории.

При кафедре всеобщей истории работает аспирантура по специальности 070003 — всеобщая история. В 1997—2005 годах успешно защитили кандидатские диссертации аспиранты кафедры О.Г. Ларина («Внутриполитическая борьба в Великобритании по вопросам внешней политики в 1933—1940 гг.»), Б.В. Сафронов («Политика западных держав в период советско-финляндской войны (1939—1940)»), В.В. Аболмасов («Партия консерваторов в формировании европейской политики Великобритании в 1920-е годы»), М.С. Маслов («Военно-морские силы Германии в 1919—1939 гг. и их место в планах нацистской агрессии»), П.В. Захаров («Англо-русские дипломатические отношения в период Балканских войн (1912—1913)»), О.И. Шмелева («Политика Великобритании на Балканах в конце XIX в. (1874—1894 гг.)»), О.И. Макачук («Экономическая экспансия США на российском Дальнем Востоке в 1868—1890-х гг.»), И.М. Эрлихсон («Общественно-политическая и экономическая мысль Англии во второй половине XVII века»), Н.П. Ананьева («Политика США в борьбе за Северо-Восточный Китай в 1902—1914 гг.»). В 2001 году заведующий кафедрой всеобщей истории С.В. Демидов защитил докторскую диссертацию на тему «Внешняя политика и дипломатия Великобритании в Европе в 1933—1939 гг.», в 2002 году получил грант, участвуя в конкурсе молодых ученых вузов Рязанской области. Под руководством профессора С.В. Демидова при кафедре работает научно-прак-

тическая проблемная лаборатория по изучению новой и новейшей истории Великобритании. В рамках реализации плана работы лаборатории преподаватели кафедры подготовили коллективную монографию «Очерки истории Великобритании XVII—XX веков» (2002). Декан факультета истории и международных отношений профессор Ю.И. Лосев подготовил монографии «Экономическая и политическая деятельность британской Ост-Индской компании в Индии (XVII — начало XVIII в.)» (2001) и «Англия в XVII в. История, политика, экономика» (2004).

Преподаватели кафедры принимают активное участие в подготовке и проведении всероссийских и международных научно-практических конференций на базе Рязанского государственного педагогического университета имени С.А. Есенина, в работе конференций в ведущих вузах страны. Ежегодно коллективом преподавателей издаются сборники научных трудов: «Очерки истории внешней политики Индии XIX—XX веков» (2000), «Проблемы англо-американской истории и филологии» (2001), «Проблемы истории международных отношений в Новое и Новейшее время» (2004) и др. Сборники научных трудов, подготовленные преподавателями кафедры всеобщей истории, неизменно получают высокую оценку ведущих российских специалистов. В последние годы члены кафедры успешно работают по осуществлению международных проектов, таких, как «Темпус» (проект ЕЭС) в двухсторонней программе с университетом штата Индиана (США), университетом г. Экзетера (Великобритания) и Делийским университетом (Индия), а также обеспечивают проведение занятий по политической истории России с иностранными студентами, обучающимися в РГПУ имени С.А. Есенина. Преподаватели кафедры участвовали в создании вузовских учебников по новой истории стран Европы и Америки и по новой истории стран Востока под редакцией профессора А.М. Родригеса. Профессор С.В. Демидов подготовил раздел по истории Англии, Испании, Нидерландов, Бельгии и Люксембурга в XVI—XIX вв., профессор Ю.И. Лосев — по истории Индии в XIX веке, доцент А.И. Минаев — по истории Германии в XVI—XIX веках.

В настоящее время штатные преподаватели кафедры работают над следующими проблемами:

Демидов Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор — «История международных отношений в Новое и Новейшее время» (опубликованы монографии: «Англо-французские отношения накануне второй мировой войны (1936—1939 гг.)», «Европейская политика и дипломатия Великобритании в 1933—1939 гг.», «Международные отношения в Европе в 1919—1939 гг.»).

Лосев Юрий Иванович, доктор исторических наук, профессор — «Международные отношения в Европе и на Востоке в XVII — первой половине XVIII вв.».

Жолудов Михаил Валентинович, кандидат исторических наук, доцент — «История либеральной партии Великобритании в XIX в.».

Минаев Александр Иванович, кандидат исторических наук, доцент — «История британского парламентаризма в XIX в.».

Аболмасов Вадим Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель — «История консервативной партии Великобритании».

Кафедра английского языка

Кафедра английского языка была создана в 1962 году как кафедра, преподающая иностранные языки на ряде факультетов. Ее первым заведующим был кандидат филологических наук доцент Рудольф Самойлович Розенберг. В 1966 году кафедра была реорганизована в кафедру английского языка факультета истории, а с 1 октября 2002 года стала называться кафедрой английского языка факультета истории и международных отношений.

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

Первыми ее преподавателями были Владимир Федорович Денисов, Людмила Валентиновна Конищева, Лидия Борисовна Сеничкина, Мария Давыдовна Федорова, старший преподаватель Клавдия Тимофеевна Киселева, старший преподаватель Ида Ивановна Нилова, Лариса Петровна Кириллова, Галина Герасимовна Полякова, ассистент Лев Николаевич Кашинцев, ассистент Валерия Александровна Рожкова, доцент Людмила Федоровна Баранова.

В последующие годы на кафедре работали также кандидат педагогических наук доцент Татьяна Никифоровна Бартенева, кандидат филологических наук доцент Елена Юрьевна Яценко, ассистент Владимир Анатольевич Рогатин, кандидат педагогических наук ассистент Василий Владимирович Горбачев, ассистент Алексей Евгеньевич Киселев.

С 1970 по 1985 год кафедрой возглавлял кандидат филологических наук доцент Владимир Федорович Денисов, а с 1985 года по 1995 год — кандидат филологических наук доцент Инна Петровна Савилова. С ноября 1995 года и по настоящее время кафедрой руководит кандидат педагогических наук доцент Лидия Петровна Костилова.

За годы своего существования кафедра накопила большой опыт преподавания английского языка в условиях интеграции языковых и исторических знаний. Изучать опыт кафедры приезжали коллеги из других городов России и бывшего СССР, таких, как Псков, Смоленск, Николаев (Украина). В настоящее время преподаватели кафедры ведут большую научно-исследовательскую работу в области когнитивной лингвистики, теории социальной коммуникации, педагогики американской школы.

В плане практического преподавания разрабатываются психолингвистические основы преподавания английского языка, использование телекоммуникационных технологий, развитие механизмов языковой концептуализации в процессе усвоения языкового материала. Разработана система преподавания грамматики: три этапа анализа глагольных форм грамматического уровня системы английского языка; использование психолингвистических аспектов перевода для классификации грамматических явлений.

Преподаватели кафедры ведут большую работу по учебно-методическому и материально-техническому обеспечению учебного процесса. Кафедра оснащена современной оргтехникой, учебными, справочными и методическими пособиями, оригинальными художественными произведениями лучших англоязычных авторов, аудио- и видеотехникой и материалами.

Кафедра английского языка факультета истории и международных отношений в настоящее время обслуживает три специальности: «история с дополнительной специальностью английский язык», «международные отношения», «реклама».

Кафедра предлагает студентам разнообразные практические и теоретические курсы: «Введение в языкознание», «Теоретическая фонетика английского языка и методика ее преподавания», «Теоретическая грамматика английского языка и методика ее преподавания», «Страноведение Великобритании и США», «Методика преподавания английского языка в средней школе», «Лексикология современного английского языка», «Литература Великобритании и США», «Практика английского языка», «Практика немецкого языка».

Преподавание практики английского языка ведется на основе учебно-методического комплекса «Headway» издательства Oxford University Press и соответствует мировым стандартам. На специальности «международные отношения» с первого года обучения введено преподавание двух языков: английского и немецкого. Преподавание немецкого языка осуществляется по учебно-методическому комплексу «Themen Neu» von Hartmut Aufderstraße Heiko Bock und Mechthild Gerdes / Max Hueber Verlag.

В настоящее время преподаватели кафедры разрабатывают лекционные курсы и практические занятия с использованием новейших информационных технологий обучения.

При кафедре создана лаборатория по изучению проблем сельской школы США. Работа лаборатории осуществляется по тематическому плану в соответствии с положением о лаборатории; кроме того, большая работа ведется на хоздоговорной основе.

Преподаватели нашей кафедры не только обучают студентов, но и занимаются воспитательной работой. Под руководством преподавателей кафедры и заместителя де-

кана по воспитательной работе С.В. Сомовой студенты проводят праздники, концерты, конкурсы, встречи в общежитии. На кафедре стало хорошей традицией организовывать походы в театры, на выставки. Особой гордостью являются экскурсионные поездки по памятным историческим и культурным местам России и зарубежных стран.

Кафедра имеет широкие международные связи, ее преподаватели принимают активное участие в различных международных программах, научных конференциях.

В 1996/97 году старший преподаватель Г.Ю. Муравьев проходил обучение в Нью-Йоркском университете по программе Freedom Support Act («Администрирование образования»), получил степень магистра по управлению высшим образованием.

В 1996 году заведующая кафедрой доцент Л.П. Костикова проходила месячную стажировку в университете штата Индиана (США) по программе сотрудничества между нашими университетами с целью изучения технологий дистанционного обучения и проблем американского школьного образования; имеет международные публикации.

В 1998 году старший преподаватель С.В. Сомова проходила шестинедельную стажировку в университете штата Индиана (США) по программе сотрудничества между нашими университетами с целью изучения проблем кросс-культурной грамотности и межкультурной коммуникации в процессе преподавания иностранных языков, участвовала в работе международной конференции, посвященной вопросам диалога культур в Сан-Диего (США).

В 1999 году доцент Е.Ю. Яценко участвовала в международной программе по проблемам изучения английского языка как иностранного, принимала участие в ежегодной конференции TESOL в городе Нью-Йорке.

В 1999 году ассистент В.В. Горбачев принимал участие в работе международной школы-семинара «Представление об индивидуальности человека» в городе Скопье (штат Македония), в 2001 году — в работе летнего института преподавателей английского языка и страноведения США в городе Амхерст (штат Массачусетс, США).

В настоящее время штатными преподавателями кафедры являются:

Костикова Лидия Петровна — заведующая кафедрой, кандидат педагогических наук, доцент. Научные интересы: педагогика американской школы, страноведение Великобритании и США, преподавание английского языка. Читает теоретические курсы: Страноведение Великобритании и США.

Андреева Галина Борисовна — кандидат педагогических наук, старший преподаватель. Научные интересы: педагогика американской школы, теоретическая грамматика английского языка, преподавание английского языка.

Лобанов Сергей Владимирович — кандидат филологических наук, доцент. Научные интересы: лингвистическая стилистика, когнитивная лингвистика, литературоведение.

Пузырева Ольга Ивановна — кандидат педагогических наук, ассистент. Научные интересы: педагогика американской школы, методика преподавания английского языка, мировая художественная культура и межкультурная коммуникация.

Селиванов Александр Александрович — кандидат педагогических наук, старший преподаватель. Научные интересы: центропериферическое развитие мирового образовательного пространства, преподавание английского языка, международная деятельность.

Сомова Светлана Владимировна — кандидат педагогических наук, старший преподаватель, заместитель декана факультета по воспитательной работе, соискатель степени кандидата педагогических наук, руководитель педагогической практики студентов факультета по английскому языку. Научные интересы: методика преподавания английского языка, социокультурный компонент содержания обучения иностранным языкам, адаптация зарубежных учебников. Читает теоретические курсы: Теория и методика преподавания английского языка в средней школе.

Чернов Леонид Игоревич — кандидат педагогических наук, ассистент. Научные интересы: педагогика, преподавание английского языка.

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

Шпекина Надежда Ивановна — кандидат филологических наук, доцент. Научные интересы: современная грамматика английского языка в речи, лингвистические и содержательные трудности прочтения Библии на английском языке. Читает теоретические курсы: Лексикология английского языка; Введение в языкознание; Культура Древней Греции и Рима.

Муравьев Георгий Юрьевич — старший преподаватель, магистр по управлению высшим образованием, соискатель кафедры физиологии и анатомии человека и животных РГПУ. Научные интересы: фонология английского языка, связь успешности изучения английского языка с латеральной организацией функций мозга, межполушарные взаимодействия, индивидуализация методики преподавания английского языка. Читает теоретические курсы: Теоретическая фонетика английского языка и методика ее преподавания.

Туласов Иван Николаевич — старший преподаватель.

В должности ассистента работают Арсеньева Светлана Борисовна, Зубкова Ирина Николаевна, Киселева Клавдия Тимофеевна, Нерезова Татьяна Станиславовна, Никонова Ольга Валерьевна, Папонова Вера Владимировна, Татанова Лариса Ивановна, Ушакова Марина Викторовна, Чепель Наталья Павловна, Щербакова Ольга Александровна.



I. ТРИБУНА УЧЕНОГО

А.П. Волков

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ КОНЦА 50-х — НАЧАЛА 60-х ГОДОВ XX ВЕКА

Коммунистический романтизм и связанная с ним социальная мифология были доминантой общественного сознания в период хрущевской оттепели. Нацеленность на высокий уровень жизни, на демократизацию общества, в том числе на перерастание государственного управления в общественное самоуправление, придавало второе дыхание командно-административной системе, порождая новые иллюзии у широких слоев народа, обновляя веру в «светлые идеалы», провозглашенные правящей партией.

Официальная идеология требовала от советских людей быть активными строителями коммунизма. На это была нацелена деятельность всех государственных и общественных структур СССР, занимавшихся воспитанием населения страны. Однако резкие колебания в оценке исторического прошлого, кри-

тика культа личности привели к надлому в сознании народа, в особенности молодежи, которая не имела устойчивой ментальности. Проводившиеся в годы оттепели реформы в конечном счете дали толчок тем тенденциям в общественной жизни Советского Союза, которые в начале 90-х годов определили крах существовавшего государственного строя. В первую очередь это относится к проявлениям антисоветизма, национализма, росту преступности, моральному разложению молодежи и т.д.

Уже на рубеже 1950—1960 годов были зафиксированы такие проявления общественной активности, которые не вписывались в рамки идеологических установок системы. Например, в октябре 1959 года вспыхнуло и было подавлено полуторатысячное выступление рабочих казахстанской Магнитки. Чрезвычайным происшествием для властей стало покушение



**Волков
Александр
Павлович,
доктор
исторических наук,
профессор Военного
университета**

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

14 июля 1960 года гражданина Михбаева на саркофаг В.И. Ленина, в результате чего он был разбит, а тело основателя Советского Союза оказалось повреждено множеством осколков.

Массовыми беспорядками с антисоветскими лозунгами ознаменовался 1962 год в Темиртау, Краснодаре, Кемерове, Александрове, Одессе, Новочеркасске — вот далеко не полный перечень тех городов СССР, где отмечались антиправительственные выступления. Особо жестокий характер столкновения приняли в Новочеркасске, где семитысячная демонстрация была расстреляна войсками.

Рост социальной напряженности в обществе наглядно прослеживался в потоке писем, направляемых в Верховный Совет СССР по вопросам выхода из колхозов, неудовлетворительного снабжения населения продовольственными товарами. Судя по рассекреченным в последние годы документам, за 1956—1960 годы по вопросам выхода из колхозов поступило более 11 тыс. писем, в том числе за 1956—1960 годы более 5 тыс., а за десять месяцев 1961 г. — 1234 письма, причем подавляющее большинство обращений было из РСФСР; из Киргизии, Армении, Туркмении, Эстонии таковых не поступало. О чем писали простые люди? В основном о своем тяжелом положении, о необходимости перемен. Характерная черта всех писем — расхождение с декларировавшимися с высоких трибун рапортами об успешном строительстве «нового общества». Для подкрепления этой мысли приведем выдержки из некоторых писем:

«Смогут ли пять человек прожить на 25 рублей в месяц? — спрашивает А. Пожкин из Кировской области. — Да еще из заработка удерживают 30 % ввиду низкой урожайности, а сейчас уже как три месяца совсем не выдают зарплату, нет в колхозе денег. Я думал жить в колхозе постоянно, выстроил дом, а видно придется оставить все, бросить. Так жить невозможно».

В письме из Калининской области с болью говорилось: «Председатель колхоза отпустил, а председатель сельсовета отобрал справку и сказал: «Работай в колхозе». Почему нет дороги молодежи? Мы задали вопрос председателю сельсовета: «У нас же не крепостное право?» В ответ услышали: «Хуже, чем крепостное».

Еще более показательны об отношениях государства и народа говорят письма граждан по вопросам неудовлетворительного снабжения населения продуктами. В докладной записке на имя руководства Президиума Верховного Совета СССР подчеркивалось, что особой остротой отличались заявления из России и Украины (в 1961 г. в Верховный Совет СССР поступило 600 писем из всех районов страны).

«Очень прошу Вас, чтобы к нам завозили продукты. А то есть нечего, одна картошка в мундире», — пишет Т. Голова из г. Октябрьска на имя Л.И. Брежнева.

Аналогичные письма были и из других регионов:

«Масла топленого нет три года, сливочного масла — два года. Может ли рабочий питаться нормально и как положено? Будут ли у нас хорошие и здоровые дети, когда для них нет питания?» — спрашивали из г. Куйбышева.

«Мы, красноуфимцы, одобряем политику партии. Но как понимать такие факты: с августа в магазинах нет мяса, масла, а сейчас нет даже молока, сметаны, колбасы. Дети просят кушать, им нужно идти в школу. Что делать? Мы уже всякую надежду потеряли и забыли запах мяса, молока», — с болью говорилось в письме из Свердловской области.

«У нас в Саратове редко бывают зарубежные гости и правительственные делегации и, быть может, поэтому все так и происходит. Я Вас очень прошу, навестите наш город или пришлите кого-нибудь из правительства. Но прежде чем явиться в обком, придите по продовольственным магазинам города», — писали из Саратова.

«О магазинах стыдно писать — ничего нет. Русский народ привык честно трудиться и не роптать на плохую жизнь, но жить так, как живут калининградцы, дальше нельзя», — подчеркивали анонимные авторы письма из самой западной области СССР.

«В магазинах мяса, масла и даже муки нет. Колхозники на базаре втридорога друг. В обкоме, горкоме и райкомах партии этого не чувствуют: партийные работники

имеют закрытые буфеты, через которые их снабжают курами, мясом, маслом, молоком и т.д. Прошу Вас как честный коммунист, которому стыдно за создавшееся положение, принять срочные меры. Я готов выполнить любое задание партии и правительства, потому что с трудностями очень знаком», — писал коммунист из г. Днепропетровска.

О том, что народ не хотел мириться со сложившейся обстановкой, наглядно свидетельствуют требования коллектива предприятия почтовый ящик № 416: «Прекратить выплату депутатам денежных средств на депутатские расходы, сделав их работу целиком общественной, безвозмездной, а высвободившиеся средства направить на строительство детских учреждений, больниц и т.п.».

Обращения граждан в высшие органы государственной власти подчеркивали веру людей в существовавшие идеалы, но эта вера была не безгранична. Наибольшую силу активный протест набрал в среде молодых людей и интеллигенции. Именно в 60-е годы, когда курс реформ вошел в противоречие с ужесточением идеологического прессинга, резко возросло количество антиправительственных настроений.

Например, в 1962 году председатель КГБ СССР В. Семичастный информировал ЦК ВЛКСМ о том, что «процент особо опасных государственных преступлений, совершаемых из числа молодежи, в 1961 году возрос по сравнению с 1960 годом в 2,5 раза. Только за первые три месяца 1962 года органами КГБ было привлечено к уголовной ответственности за эти преступления 66 человек. В числе изменивших Родине за 1961—1962 годы 43 % в возрасте до 25 лет. В то же время при попытке нарушить государственную границу СССР было задержано 450 советских граждан в этом возрасте (45 % всех задержанных)».

Далее председатель КГБ приводил данные о том, что в капиталистических посольствах в Москве в 1961—1962 годах было задержано 266 человек в возрасте до 30 лет, многие из которых намеревались передать иностранцам «клеветническую информацию и просить политическое убежище».

В феврале 1962 года в Киеве была «профилактивирована» группа из числа учащейся молодежи в количестве девяти человек, которые создали нелегальную организацию для борьбы с существующим в СССР государственным строем. Они намеревались изготавливать и распространять антисоветские листовки, высказывали готовность изменить Родине и связаться с иностранными разведывательными органами, восхваляли американский образ жизни.

В этом же году в Херсоне была раскрыта группа молодежи, которая вынашивала намерение летом 1962 года покинуть территорию СССР, захватить остров Кергелен в Индийском океане, поселиться там и создать свое государство. Для реализации этого замысла они предусматривали вооруженный захват советского судна. При обыске у членов группы было изъято два пистолета, финка и кавказская сабля. Для нового государства был написан гимн, разработаны герб и флаг республики, а также схема государственного управления, напоминающая систему США. Намечалось создание армии и предполагалось, что после признания другими государствами республика вступит в НАТО.

В 1963 году органами КГБ Белоруссии были арестованы три молодых человека, которые хотели подорвать радиостанцию по глушению антисоветских передач с Запада. В этом же году на Украине была арестована группа по изготовлению антисоветских листовок. Свой устав и программу имела антисоветская группа студентов историко-филологического факультета Горьковского государственного университета.

Неоднозначное толкование в руководстве СССР вызвал диспут в Московском государственном университете в марте 1965 года под названием «Цинизм и общественные идеалы», на котором присутствовало 300—350 человек. Мнения более двадцати выступивших на нем были во многом схожи:

— «В ЦК КПСС идет грызня, приведшая к дворцовому перевороту, ЦК давит свежие ростки».

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

— «Единственно великий человек в России — Петр I, Ленин — некий ученый философ, любивший употреблять в своих произведениях латинские словечки и выражения».

— «Вокруг нас дерьмо и смрад, пусть его чистят те, кто наделал, а мы не будем».

— «Нынешние 10 млн коммунистов не стоят тех 500 тыс., которые были при Ленине».

— «Нужно менять всю существующую систему».

В Киргизии в 1964 году арестована группа «Союза черного дьявола», проводившая игры военного характера, участвовавшая в антиобщественных действиях. Члены организации планировали покушение на Н. Хрущева при его приезде в г. Фрунзе, а также покушения на членов правительства Киргизии.

Борьбу за духовную чистоту советского человека проводила «Партия противления произволу», состоявшая из студентов вузов города Горького. Более решительно была настроена антисоветская организация в городе Луганске, стоявшая за вооруженное насилие для свержения государственного строя.

Отличительная черта формировавшейся новой ментальности молодых людей — идеализация западного образа жизни, преклонение перед западной цивилизацией. Наиболее выразительным примером этому может служить деятельность в городе Барнауле молодежной организации «Международная ассоциация свободное право» с лозунгом: «Коммунизм — это бред, только в Америке — демократия и свобода слова».

Непоследовательность в политике, отрыв слова от дела приводили не только к разочарованию в коммунизме, но и к проявлениям такого явления, как фашизм. Печально констатировать, но годы оттепели совпадают с образованием на территории Советского Союза организаций фашистского толка. Так, в 1964 году такие организации были в Воронеже («Национал-социалистская партия») и в Калининской области (группа «СС»).

Всего же в первую половину 1960-х годов только число молодежи, пораженной антисоветскими настроениями, возросло в 10 раз, что говорило о начале формирования нового обширного социального слоя населения СССР, выходцы из которого на рубеже 1980—1990-х годов стали во главе уже легальной антиправительственной оппозиции.

Весьма интересными в оценке положения в СССР в первой половине 1960-х годов являются высказывания иностранных туристов, о которых рассказывали их переводчики и гиды:

— «Но есть у вас (в СССР. — А.В.) и теневые стороны. Но непонятно почему у вас существует черный рынок. Нас везде атаковывали молодые люди, выпрашивающие различные вещи и валюту. Они отравляли нам настроение даже в тот момент, когда на Красной площади в 10 часов вечера мы смотрели смену караула у Мавзолея В.И. Ленина» (Фишер, турист из ФРГ).

— Делясь впечатлениями о поездке в Ленинград, турист из Аргентины профессор Асрбо заявил: «Китайцы правы в том, что русские обуржуазиваются. К нам на каждом шагу подходили молодые люди и просили продать им доллары. Всех этих людей привлекает западный образ жизни».

— «“Березка” (магазин в Москве. — А.В.) — это рассадник спекуляции. Почему там есть товары дешевле и лучше, чем в доступных для всего населения СССР магазинах» (турист из Бельгии).

Как было сказано выше, большое внимание руководство СССР во главе с Н. Хрущевым уделяло совершенствованию межнациональных отношений. Стремление сделать их более гибкими, бесконфликтными сопровождалось проведением многочисленных мероприятий, имевших определенный успех. Однако именно оттепель, несмотря на проводившуюся работу, показала несовершенство национальных отношений, чем воспользовались наиболее экстремистские силы. Призывы к демократизации были восприняты как слабость центральной власти. Благоприятствовало распространению национализма и отсутствие гибкого механизма, который давал бы возможность более разумно подходить к решению межнациональных проблем, претворять в жизнь принятые решения.

Изучение различных источников показывает, что центрами межнациональной напряженности в рассматриваемый нами период являлись Прибалтика, Закавказье, Северный Кавказ, Западная Украина.

Наиболее сильные националистические настроения отмечались в Прибалтике. Именно здесь, в силу исторического прошлого региона, менталитета населения, национализм наиболее переплетался с антисоветизмом. Несмотря на усилия местных органов власти, националисты чувствовали себя вполне уверенно, проводя регулярные антирусские, антисоветские акции. Практически во всех этих «мероприятиях» активное участие принимала молодежь. С 1959 по 1962 год в Прибалтике была пресечена деятельность свыше 40 антисоветских групп, в которые входили молодые люди.

В Литве в 1961 году группа учащихся и студентов Вильнюса изготовила свыше 900 антисоветских листовок и на своих собраниях выступала с лозунгами «Свободной Литвы». Во время событий в районе Карибского моря группа националистов устроила погром в Капсукском районе Литвы на кладбище советских воинов.

Антисоветская организация «Союз борьбы», выступавшая за отделение от СССР и образование независимой федерации Прибалтийских государств, существовала на территории Латвии с 1962 года.

Более агрессивные настроения с антирусской направленностью имели место в Эстонии. В 1963 году в городе Тарту органы КГБ изъяли более 150 экземпляров антисоветских листовок с призывами борьбы за независимость Эстонии и борьбы с коммунизмом. Так, в одной из листовок группы «Антикоммунистическая организация Эстонии» содержались призывы следующего содержания: «Долой коммунистическое правительство! Эстонцы! Боритесь за свою независимость. Вам не нужны коммунисты, которые обогащаются за ваш счет. Гоните их вон! Да здравствует независимая Эстония!» Существовавшая в 1965 году антисоветская молодежная организация в Таллине выпускала газету «Протон-2», где также выражалось недовольство «русификацией Эстонии», советской властью. Путь «освобождения» они видели в вооруженной борьбе.

В начале 60-х годов активизировались националистические выступления в Закавказском и Северо-Кавказском регионах СССР. Например, в 1964 году в Грузии была раскрыта националистическая группа «Революционный комитет освобождения народов Закавказья», члены которой давали письменную присягу и выдвигали, в частности, следующие требования:

- свобода слова;
- оставление Грузии доходов республики;
- создание в перспективе независимой парламентской республики на территории Грузии.

В Армении активизировались шовинистические элементы, ставили вопросы «армянских земель» и отделения их от СССР. Кульминацией стали события 24 апреля 1965 года в день 50-летия массовой резни армян в Турции, когда в Ереване прошли многолюдные несанкционированные митинги и шествия. Парадоксальность ситуации состояла в том, что наряду с возложением венков к памятнику В.И. Ленину выдвигались требования изъять русский язык из преподавания в учебных заведениях республики, с оружием в руках выступить против Турции, присоединить к Армении Нахичевань и Карабах, находившихся под юрисдикцией Азербайджана.

Напомнили о себе в начале 60-х годов и националисты Адыгеи, Чечено-Ингушетии и ряда других автономий Северного Кавказа, имевшие по Конституции СССР формальное право на самоопределение и требовавшие повышения статуса своих республик до союзных.

Серьезную озабоченность у руководства Советского Союза вызывало положение дел в республиках Средней Азии и Казахстане, где в первой половине 60-х годов активизировались попытки настроить население против «неверных». Так, в июне 1965 года в городе Семипалатинске произошла драка между студентами-казахами зооветеринарного инсти-

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

туда и русскими учащимися железнодорожного профессионального училища, во время которой раздавались выкрики: «Мстить русским за пролитую кровь». Аналогичные случаи имели место и в городе Павлодаре.

В ночь с 6 на 7 ноября 1965 года неизвестными лицами были разбиты вывески с русским текстом на зданиях Алма-Атинского обкома компартии Казахстана, горисполкома, приемной Президиума Верховного Совета Казахской ССР и других учреждениях, в том числе на зданиях высших учебных заведений Алма-Аты. Одновременно органами госбезопасности отмечались случаи распространения рукописей и анонимных писем националистического характера, с требованиями создания независимого казахского государства. В это же время увеличилось количество лиц казахской интеллигенции и студентов, высказывавших недовольство ведением делопроизводства на русском языке, назначением на руководящие посты республики представителей русскоязычного населения.

Усилению социальной напряженности в Среднеазиатском регионе СССР способствовала деятельность проживавших на территории Узбекистана 160 тыс. выселенных в годы Великой Отечественной войны крымских татар. В 1956 году Указом Президиума Верховного Совета СССР эти лица были сняты с учета спецпоселений и высвобождены из-под административного надзора без разрешения обратного переселения на историческую родину. Принятые государством полумеры не ослабили, а, наоборот, разожгли националистические настроения крымско-татарского населения, среди которого росли настроения возвращения в Крым, активно формировались группы «автономистов». В 1962 году возникла нелегальная молодежная организация во главе с Муратом Омеровым и Саит-Амэе Умаровым, ставшими в середине 80-х годов лидерами всего движения за переезд на Крымский полуостров. Кульминацией активности крымских татар являлся период с ноября 1964 года по конец 1965 года, когда было зарегистрировано более 60 тыс. писем с требованиями немедленного решения вопроса переселения. В это же время свыше 50 крымских татар периодически приезжали в Москву, стремясь попасть в различные государственные инстанции.

Оттепель всколыхнула загнанные сталинским руководством в глубокое подполье националистические элементы Украины. Особенно активизировались они при поддержке иностранных спецслужб и церкви в западных областях республики. Только за 1961—1962 годы здесь пресечена деятельность 10 националистических молодежных организаций, в том числе во Львове, где существовала организация имени С. Бандеры. В августе 1964 года в газете ЦК ЛКСМ Украины «Молодь України» была напечатана статья литературного критика Дзюбы о поэтессе Лесе Украинке с явно тенденциозным выводом о том, что «украинское население до присоединения к России было значительно более образованным и получило не так уж много от присоединения».

На руку националистам играли и неуклюжие шаги отдельных местных руководителей. Так, например, в Одесском университете за сдачу экзаменов на украинском языке снижали оценки, а в Днепрпетровском ликвидировали кафедру украинского языка, присоединив ее преподавателей к кафедре иностранного языка.

В подтверждение мысли автора о том, что оттепель стала «детонатором» всплеска антиконституционной по тем временам деятельности, подрывавшей основы советской государственности, можно привести докладную в ЦК КПСС председателя КГБ СССР В. Семичастного от 6 августа 1965 года «О распространении антисоветских листовок и анонимных писем».

В первой половине 1965 года на территории СССР зарегистрировано распространение более 6500 антисоветских листовок и более 700 анонимных писем. По сравнению с тем же периодом 1964 года число этих лиц сократилось в три раза (фактически после смещения Н. Хрущева. — А.В.). При этом в Иванове было зафиксировано 2460 листовок, Ереване — 1507, Ленинграде — 340 и т.д. Основное содержание листовок заключалось в критике советского строя, недовольстве избирательной системой, условиями жизни

трудящихся в СССР, высказывании националистических взглядов, требованиях увеличения зарплаты и пенсий.

Среди установленных авторов листовок было: 123 рабочих, 98 служащих, 103 учащихся школ, 57 пенсионеров, 49 без определенных занятий, 25 студентов, 68 коммунистов, 59 комсомольцев. Примечательно, что 21 процент авторов — лица до 18 лет. Попытки демократизации, ослабление командных рычагов привели не только к росту инакомыслия, но и непроизвольно стимулировали постепенный рост преступности, особенно среди молодежи. Например, количество несовершеннолетних преступников в первой половине 60-х годов с 1960 по 1965 год, увеличилось в 5 раз: 1960 год — 22 386 человек, 1961 год — 39 917 человек, 1962 год — 56 102 человека, 1963 год — 77 389 человек, 1964 год — 95 598 человек, 1965 год — 105 500 человек.

Так, в справке комиссии ЦК ВЛКСМ от 12 марта 1963 года «О состоянии идеологической и контрпропагандистской работы в комсомольских организациях пограничных районов Литвы» было сказано, что в республике из года в год не снижается, а растет преступность среди молодежи.

В постановлении ЦК ВЛКСМ «О мерах по искоренению беспризорности и преступности среди несовершеннолетних» от 12 мая 1965 года приведены факты, свидетельствующие о неблагоприятном положении дел. Так, в РСФСР только за 1964 год количество лиц, совершивших различные антиобщественные проявления, возросло на 13 тыс. человек. При этом в целом в СССР за 1963—1964 годы значительно увеличилось число подростков, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение особо опасных преступлений (разбой — на 57 %, грабежи — на 36 %, убийства — на 28 %). В Казахстане, Туркмении, Таджикистане преступность за это время выросла более чем в 2 раза. Самый высокий рост преступности был отмечен в Молдавии. Особую тревогу руководство ЦК ВЛКСМ вызвал рост антиобщественных проявлений за счет рабочей молодежи. Каждое второе преступление в СССР совершалось подростками, работавшими на промышленных предприятиях страны. Во многих городах уровень преступности среди этой категории несовершеннолетних был в 8—10 раз выше, чем среди учащихся школ различных учебных заведений, а также подростков, работавших в сельской местности.

В 1962 году за совершенные преступления были привлечены к уголовной ответственности 1062 несовершеннолетних, тогда как в 1961 году их насчитывалось 766 человек, возросло число особо опасных преступлений, совершенных подростками. Подавляющее большинство преступлений совершалось в городах Вильнюсе, Клайпеде, Каунасе, Шауляе и Паневежисе.

Причины растущей преступности среди молодежи виделись в отсутствии продуманной работы комсомольских организаций по борьбе с безнадзорностью детей и подростков. Из года в год в Литовской ССР увеличивалось число детей, без уважительных причин не посещавших школу, много молодежи нуждалось в трудоустройстве.

В 1960 году в республике из 475 тыс. человек в возрасте от 14 до 25 лет 37 тыс. были неграмотными и малограмотными, 157 тыс. имели начальное образование, 238 тыс. не имели семилетнего образования. В 1961/62 учебном году в школах обучалось только 10—12 процентов. Вне школы без уважительных причин в 1961/62 учебном году остались 1513 несовершеннолетних, подлежащих обязательному обучению; по итогам учебного года свыше 40 тыс. школьников оказались второгодниками.

Многие из них, потеряв интерес к учебе и пользуясь бесконтрольностью со стороны школы, родителей и общественных организаций, становились на путь преступлений. Из 2760 правонарушителей-подростков, состоящих на учете, 1850 нуждались в трудоустройстве.

Такая ситуация в полной мере отразилась на формировании у молодежи готовности к защите Родины, комплектовании Вооруженных Сил. Архивные данные говорят о том, что с 1960 года в связи с тяжелой демографической ситуацией в армию и на флот начали призывать ранее судимых. В 1960 году было призвано 9048 человек, а в 1962 году

они составили 1,3 процента призванных в ряды Вооруженных Сил. Именно с этого времени появились в отчетах о состоянии воинской дисциплины сведения о «дедовщине», будоражащей и сегодня общественность России.

Вместе с преступностью в первой половине 60-х годов стали более заметными такие явления аморального характера, как проституция, гомосексуализм, наркомания, пьянство и т.д. В докладной записке ЦК ВЛКСМ «Об антиобщественных проявлениях и неудовлетворительной работе по борьбе с влиянием буржуазной идеологии на молодежь г. Одессы» в 1963 году приводились потрясающие по тем временам данные, когда в отдельных квартирах города создавались платные «притоны разврата». Всего же в одной Одессе в 1961 году был обнаружен 21 притон, а в 1962 году — 32. В качестве дополнения к сказанному в докладной записке говорилось и о 240 молодых (от 14 до 30 лет) гомосексуалистах, проживавших в этом городе. Подобные факты имели место практически во всех регионах страны. Только в РСФСР в 1961 году были выявлены 5404 молодые проститутки.

В материалах Министерства внутренних дел и Прокуратуры СССР на рубеже 1950—1960 годов отмечалось, что «возросло число молодежи, употребляющей наркотики». Только в Туркмении в 1959—1961 годах выявлено около 18 тыс. наркоманов. Большое количество лиц, употреблявших наркотики, было в городах Новосибирске, Омске, Куйбышеве. И это, не считая латентной (скрытой) наркомании, которая, по мнению специалистов, в 5—6 раз выше официальной.

Общая численность психических больных, включая больных хроническим алкоголизмом и наркоманией, состоявших на учете в психиатрических и психоневрологических учреждениях, выросла с 1349 тыс. в 1960 году до 2212 тыс. в 1965 году (соответственно 624 и 953 человека на 100 тыс. населения СССР). Число подобных больных по отношению к общей численности населения страны увеличилось с 0,6 % до 0,95 %.

О наличии явных процессов морального разложения общества говорили и факты резкого скачка численности больных венерическими заболеваниями. В 1967 году коллегия Министерства здравоохранения СССР констатировала, что заболеваемость венерическими и некоторыми заразными кожными заболеваниями в стране стала повышаться: острой гонореей на 100 тыс. жителей СССР с 51,3 в 1962 году до 63,7 в 1965 году, заразными формами сифилиса с 1,01 до 1,31 соответственно. Несмотря на принятые меры, в проекте закрытого Постановления ЦК КПСС в 1970 году тревожно звучало, что «повышение уровня заболеваемости венерическими болезнями, начавшееся в 1963 году, отмечается и в настоящее время почти во всех союзных республиках, особенно в крупных городах страны». Приводилось много тревожных цифр:

— число вновь зарегистрированных больных венерическими заболеваниями в СССР возросло с 168 976 в 1963 году до 269 017 человек в 1968 году;

— заболеваемость острой гонореей в РСФСР составляла 102,5 (на 100 тыс. населения) и была значительно выше общесоюзной (78,2) и т.д.

Социальная напряженность в начале 1960-х годов, падение уровня жизни, в том числе выразившемся в перебоях со снабжением основными продуктами питания, вызвали падение естественного прироста населения в большинстве регионов СССР, за исключением традиционно «многодетных».

В докладной записке министра здравоохранения Советского Союза членам Президиума Совета Министров подчеркивалось, что естественный прирост населения уменьшился в 1962 году по сравнению с 1961 годом (за девять месяцев по состоянию на сентябрь 1962 года) на 231 тыс. человек. Число родившихся в расчете на одну тысячу человек уменьшилось с 24,4 в 1961 году до 23,2 в 1962 году.

Общая смертность населения страны в этот период по сравнению с 1961 годом увеличилась на 7 процентов и составила 7,7 на одну тысячу человек. Наиболее высокая рождаемость в данное время зарегистрирована в Туркмении — 42,4, Азербайджане — 41,0, Узбекистане — 38,7, Таджикистане — 38,5, Киргизии и Армении — по 36, Казах-

стане — 34,6 родившихся на одну тысячу населения. В детской смертности лидерство держала также Туркмения — 52 умерших до одного года на одну тысячу новорожденных; в Азербайджане таковых было 49, Армении — 44, Молдавии — 40, Украине и Эстонии — по 24, Латвии — 25. Шел процесс старения сельских районов. За первую половину 1960-х годов население села в возрасте от 17 до 29 лет сократилось на 6 млн человек.

Таким образом, поставленные государством цели по воспитанию советских людей «активными строителями коммунизма» натолкнулись на множество трудностей. Неготовность общества к восприятию демократических начал, совпавшей с резкими колебаниями в оценке исторического прошлого, критикой культа личности привели к духовному надлому части населения СССР, что в совокупности с объективными и субъективными трудностями в обеспечении нормальных условий жизни привело к резкому обострению социальной напряженности, к открытым антисоветским выступлениям, тенденциям морального разложения общества, в первую очередь молодежи. Сложившееся положение говорило о крахе курса реформ Н. Хрущева, о его неподготовленности и поспешности, конъюнктурном характере планировавшихся перемен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В работе использованы материалы Российского государственного архива социально-политической истории. Ф. 1. ЦК ВЛКСМ. Справки, информация КГБ СССР, МВД СССР, бюро ЦК ВЛКСМ, секретариата.

С.В. Галдобина

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЕЖИ
В 1945—1991 ГОДАХ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Обязательная заблаговременная вневоинская подготовка — важнейшая задача деятельности государственных органов и общественных организаций СССР в 1946—1991 годах по формированию у населения постоянной готовности к выполнению своего конституционного долга. Это определялось, во-первых, постоянной потребностью обороны страны в заблаговременно подготовленных в военном отношении резервах; во-вторых, необходимостью ускоренного становления молодого пополнения, призванного на действительную военную службу, что особенно было важно в условиях сокращения ее сроков, усложнения боевой техники и оружия.

В исторической литературе в целом разработка этого вопроса занимает весьма заметное место. С 1946 года многие его аспекты, в том числе и процесс становления, развития, совершенствования, стали предметом серьезного научного изучения, в результате чего сложилась обширная и разнообразная историческая литература¹. Первой фундаментальной работой по проблеме является докторская диссертация И. Пешкова, защищенная в 1955 году².

Разрабатывая проблему, авторы периода с 1946 по 1991 год строили свои исследования на основе положения марксист-

ма-ленинизма о том, что в юношеском возрасте «...учащиеся легко могут усвоить... правила военного построения и передвижения сомкнутым строем... Передвижениям в составе взвода и роты можно обучить

в каждой школе, и притом с легкостью, о которой в армии не имеют представления. То, что для новобранца является зачастую почти непреодолимой трудностью, для школьника — игра и развлечение...»³. Ученые и практики также ссылались на Ф. Энгельса, который указывал, что молодежь еще до призыва в армию должна научиться «маршировать в строю», чтобы «усвоила движения взводом и ротой и твердо бы знала соответствующие команды»⁴.

Анализ исторической литературы⁵ показывает, что в вопросе военной подготовки ис-

следователи выделяли следующие проблемы: качество начальной военной подготовки; русский язык в национальных республиках; приобретение гражданами военнотехнических знаний.

Как справедливо подчеркивается в литературе, одно из центральных мест в решении задач военно-патриотического воспитания в 1946—1991 годах занимала начальная военная подготовка (НВП). В первые послевоенные годы она осуществля-



**Галдобина
Светлана
Владимировна,
кандидат
исторических наук,
преподаватель
Военного университета**

лась в соответствии с законом «О всеобщей воинской обязанности» 1939 года и проводилась в 5—7 классах общеобразовательной школы. Допризывную военную подготовку юноши проходили в 8—10 классах школ и в соответствующих им учебных заведениях. В 1962 году обязательная начальная допризывная и военная подготовка была отменена. О негативных последствиях этого решения, в частности, говорится в монографии Л.А. Бублика ⁶ и диссертации В.В. Морозова ⁷. Практика показала, отмечает В.В. Морозов, и с ним нельзя не согласиться, что ее отмена способствовала появлению негативных явлений в подготовке молодежи к защите Родины. Среди них, основываясь на трудах ученых, следует отметить: во-первых, появились ошибочные взгляды на роль военно-патриотического воспитания, что выразилось в усмотрении в нем элементов милитаризма, которые якобы и согласовывались с активной борьбой партии за мир и политикой долгого сосуществования. Это приводило к тому, что отдельные ведомства неохотно ставили в то время на повестку дня вопросы военно-патриотического содержания. Так, на Пленуме ЦК Компартии Литвы в декабре 1966 года отмечалась подобная позиция Министерства просвещения республики ⁸. Во-вторых, некоторые негативные тенденции, в частности, проявились и в литературных публикациях. Здесь имели место факты принижения героического подвига народа в Великой Отечественной войне, неправильного его освещения. Печальным примером в этом отношении явилась статья В. Кардина «Легенды и факты», опубликованная во втором номере журнала «Новый мир» за 1966 год, автор которой пытался поставить под сомнение события, факты, подвиги, на которых воспитывались целые поколения, а также документальная повесть П. Журбы и А. Бикгентаева, стремившихся принизить подвиг рядового Матросова. В ответ на это газета «Красная звезда» 27 апреля 1968 года опубликовала статью «Против искажения образа героя», где была дана отповедь этим попыткам ⁹.

В-третьих, темы военно-патриотической направленности стали исключать из школьных и вузовских программ и учебников. Так, в опубликованном в 1966 году курсе лекций «Педагогика» для учителей и студентов педагогических вузов обходят молчанием вопросы методологии и методики военно-патриотического воспитания учащихся. Даже в таких главах этого курса, как «Воспитание социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма», «Комсомол в школе», нет рекомендаций о формах и методах военно-патриотической работы ¹⁰.

В-четвертых, отмена военной подготовки имела и другую сторону. Она привела к упразднению в учебных заведениях военных кабинетов как базы, центра практической подготовки молодежи к выполнению воинского долга. Результатом этого в совокупности с другими факторами явилось снижение качества готовности молодежи к воинской службе. «Отменив военное дело в школах, — подчеркивал ЦК ЛКСМ Белоруссии во время проведения с 3 по 9 мая 1966 года недели памяти героев, — мы многое потеряли в воспитании настоящего воина» ¹¹. Это была точная оценка происходившего. Так, например, в Томской области в 1966 году среди призывников было 66 процентов спортсменов-разрядников, а в 1967 году — 54 процента. Разрядка в военные училища выполнялась в области только на 35 процентов ¹². И, как показывает анализ архивных материалов, такие факты не единичны. Однако со стороны историков теоретического осмысления негативных явлений, самой тенденции, уроков, выводов из сложившихся обстоятельств — с сожалением следует отметить — не было практически до начала 90-х годов XX века, несмотря на явную актуальность данной проблемы.

Новый этап в развитии начальной военной подготовки начался в октябре 1967 года с принятием закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» ¹³. Начальная военная подготовка была введена в 9—10 классах общеобразовательных школ, на старших курсах средних специальных учебных заведений и в профессионально-технических учебных заведениях и проводилась в течение 1—3 лет обучения. Для работающей молодежи начальная военная подготовка осуществлялась в течение 1—1,5 лет на учебных пунктах, которые организовывались на предприятиях, в учреждениях, в колхозах и совхозах.

Процесс практического претворения в жизнь новых требований подробно исследуется в диссертационных работах Ю.С. Васютина, Я.Г. Чернявского, В.М. Шестакова¹⁴ и других авторов. В.А. Змеев, например, уделил особое внимание вопросу повсеместного введения в 1972/73 учебном году начальной военной подготовки молодежи, что позволило ему сделать вывод о завершении этапа экстенсивного его развития, который включал: создание необходимой учебно-материальной базы; подготовку кадров военных руководителей, начальников учебных пунктов и инструкторов НВП; издание учебных пособий и методической литературы. В целом можно согласиться с автором и в том, что с 1973/74 учебного года в стране начался этап интенсивного развития НВП, который идет вглубь и направлен на улучшение качественной стороны.

Вместе с тем требует уточнения тезис В.А. Змеева о почти 100-процентном охвате юношей и девушек нашей страны обязательным обучением. Свое несогласие мы объясняем тем, что так называемая «стопроцентность» (или почти) не соответствовала реальному положению дел тех лет. Так, например, в 1974 году Секретариат ЦК Компартии Казахстана отметил факты неквалифицированного проведения в ряде учебных заведений начальной военной подготовки, запущенности ее учебно-материальной базы, а также прохождение курса военного обучения лишь незначительной частью призывников¹⁵. В Узбекистане НВП не были охвачены около 10 процентов юношей в 1980 году¹⁶. В Латвии в середине 80-х годов XX века ежегодно призывалось в среднем более 800 юношей, не прошедших начального военного обучения¹⁷. Не лучше обстояли дела в автономных республиках Северного Кавказа¹⁸.

В этих примерах прослеживается характерная черта многих исследований 70-х — первой половины 80-х годов — приукрашивание состояния дел, погоня, как впрочем, и в других сферах, за высокими показателями, процентомания без учета реалий дня, о которых не принято было говорить в открытых изданиях, хотя внешне вроде бы критика имела место, однако те недостатки, которые были раньше, уже почти устранены, а значит и проценты должны были быть близки к ста. Выводом, уроком из подобного подхода должно быть только одно: исключение из труда исследователей-историков иллюстративности в историческом познании, наполненность их объективными знаниями и выражение защиты.

Изучение литературы и архивных источников, раскрывающих период восстановления системы начальной военной подготовки, высвечивает трудности, с которыми пришлось столкнуться по практическому претворению в жизнь закона СССР «О всеобщей воинской обязанности».

К таким трудностям можно отнести: отсутствие в достаточном количестве подготовленных кадров военных руководителей, необходимой материально-технической базы; медлительность части ответственных работников в оказании помощи при создании учебных классов; существенный дефицит учебных, учебно-методических и наглядных пособий по НВП в книжной торговле для учащихся и преподавателей¹⁹.

Определенный интерес представляет диссертация В.М. Шестакова, в которой ученый исследует эффективность направлений, способствующих преодолению трудностей в НВП. Такими направлениями, по его мнению, являлись: регулярное обсуждение вопросов военно-патриотического воспитания в соответствующих структурах компартии; систематическая пропаганда военных знаний; организация соревнований между районами, городами на лучшую подготовку призывной и допризывной молодежи; помощь в подборе и расстановке кадров военных руководителей; создание при горкомах и райкомах КПСС внештатных военных отделов (советов) во главе с секретарями городских и районных комитетов партии; координация действий по совершенствованию знаний и методических навыков военруков со стороны областных военкоматов и облоно; создание во многих учебных заведениях, на призывных пунктах в 1973/74 учебном году образцово-показательных комплексов по начальной военной подготовке, которые включали воен-

ный кабинет, комнату для хранения оружия, класс военно-технической подготовки, площадку для проведения строевых занятий, стрелковый тир²⁰.

Оценивая работу В.М. Шестакова в целом положительно, следует, однако, подчеркнуть, что в ней не нашла должного обоснования и раскрытия такая важнейшая для того периода задача военно-патриотического воспитания, как перестройка сознания молодежи и руководителей народного образования в отношении к военной подготовке. К сожалению, этот вопрос и по сей день недостаточно освещен в исторической литературе.

Задачи и основные пути перестройки работы государственных органов и партийных организаций по военно-патриотическому воспитанию молодежи после XXIII съезда партии и принятия закона «О всеобщей воинской обязанности» показаны во многих работах²¹, в частности в диссертации Н.В. Наумова²². На основе фактического материала автор рассматривает организацию подготовки учащейся молодежи к службе в Советской Армии и Военно-Морском Флоте, опыт введения начальной военной подготовки с работающей молодежью на штатных учебных пунктах предприятий, колхозов и совхозов, показывает формы и методы участия общественных организаций Украины в деятельности по улучшению подготовки допризывной и призывной молодежи.

Определенный вклад в дело внедрения начальной военной подготовки в 70—80-е годы внесли авторы ряда учебных пособий²³, изданных в то время. В них излагались основные сведения о Вооруженных Силах, воинских уставах, тактической, огневой и строевой подготовке.

В этот же период становится заметным интерес ученых к поиску путей улучшения качества начальной военной подготовки молодежи, среди которых предлагалось полностью решить проблему с кадрами военных руководителей — главного, решающего звена, что убедительно доказывает в своей книге М.Д. Лошкарева²⁴. Объективный анализ состояния дел на 1985 год и предложения по преодолению имеющихся трудностей даны в сборнике статей, составленном Л.Э. Макаровой и В.В. Олеником по материалам пленума общественного совета по военно-патриотическому воспитанию Министерства просвещения РСФСР²⁵. В статье Л.К. Баясной отмечено, что от общего числа военных руководителей рядовые и сержанты составляют: в Тамбовской области — 45 процентов, в Костромской — 40 процентов, Белгородской — 35, Брянской — 40 процентов. При всей положительности подхода автора к изучению проблемы нельзя согласиться с тем утверждением, в котором подчеркивается лишь одна образовательная сторона уровня подготовки и состава военных руководителей города Москвы. Среди них 67 процентов имели высшее образование, 96 процентов являлись офицерами запаса, 4 процента — рядовыми и сержантами.

Автор упускает из виду тот факт, что из 1287 военруков столицы того времени — 50 процентов были старше 60 лет²⁶, хотя им было вменено в обязанность проводить практические занятия по программе НВП, рассчитанной на молодого солдата. В армии эту программу выполняли в основном командиры взводов в возрасте 21—24 лет, значит более 50 процентов военруков Москвы физически не в состоянии были быть военруками.

Политически оправданной для рассматриваемого периода, но уже реально не имевшей практических последствий можно считать проходившую через исследования ученых мысль о партийности руководителей НВП.

В деле улучшения качества НВП большое значение в середине 80-х годов имели основательная разработка советскими учеными возможности реализации более широкого привлечения к работе в качестве руководителей начальной военной подготовки молодых воинов запаса, в первую очередь из числа служивших в Республике Афганистан²⁷.

Одним из вопросов, о котором постоянно писали в 40—80-е годы — являлось укрепление и совершенствование материально-технической базы. Во всех научных работах отсутствие должной учебной базы повсеместно приводилось как негативный фактор, существенно влиявший на всю организацию начальной военной подготовки.

И с этим трудно не согласиться. Но, с другой стороны, возникает вопрос об «эффективности» всей массы имевшихся научных и практических рекомендаций. Например, по данным проблемам в Москве, Ленинграде, Молдавии после 1967 года написано более 20 диссертаций, затрагивавших эти вопросы. Обратимся к фактам.

В 1971 году в Молдавии на 883 школы и 284 учебных пункта имелся только 81 тир для стрельбы из малокалиберного оружия²⁸. На 1987 год 57 процентов общеобразовательных школ и 54 процента СПТУ не имели тира; располагали полосой препятствий только 16 процентов учебных заведений²⁹. К сожалению, даже в Москве построенные в 1984—1986 годах 74 школы и 11 СПТУ не были оборудованы для занятий начальной военной подготовкой³⁰. Несмотря на принимаемые решения, не лучшим было положение и в Ленинграде. В пяти крупнейших районах города не было учебных комплексов по начальной военной подготовке. Не появились они и до 1991 года. Из 526 учебных заведений они были лишь в 43. На 42 учебных заведения Выборгского района приходилось только 5 тиров, на 18 учебных заведений Куйбышевского района — лишь один³¹.

В целом по стране на 30 сентября 1987 года для системы начальной военной подготовки только бывшему Министерству просвещения СССР не хватало 9855 учебных автоматов, около 11 тыс. малокалиберных винтовок, 186 тыс. противогазов.

Таким образом, из приведенных данных вытекала необходимость поиска глубинных причин сложившегося положения дел. Простой констатации фактов было мало, так как обо всех этих недостатках знали соответствующие органы, к тому же архивные источники свидетельствуют о многих принятых решениях. Не должны были быть в стороне и исследователи этих проблем, от которых требовался тщательный анализ состояния дел и конкретные рекомендации по осуществлению выводов на практике.

Время требовало не допускать формализма и упрощенства, имевших место в организации и проведении начальной военной подготовки. Указывая на это, авторы до середины 80-х годов, как и в других случаях, робко приводили конкретные примеры, факты, ограничивались только общими формулировками.

Вместе с тем, например, в 1970 году ЦК Компартии Эстонии и Совет Министров республики в постановлении № 39 от 28 января «О состоянии начальной военной подготовки молодежи и мерах по ее улучшению» отметили, что на занятиях по НВП слабо прививается дисциплина, строевая подтянутость и военные навыки³². А из 2600 проверенных в том же году учащихся старших классов школ РСФСР по военной подготовке получили оценку «пять» всего 270 человек (14 %) ³³. О невысоком качестве проводимых в конце 70-х годов занятий свидетельствуют и данные опроса около 5 тыс. призывников в различных городах страны, в ходе которого выяснилось, что 62 процента из них не знают видов и родов Вооруженных Сил СССР, 54,1 процента не могли назвать ни одного воинского устава. День образования Красной Армии знали только 10,2 процента, 16,3 процента готовившихся и службе в армии и на флоте не знали сроков службы в Вооруженных Силах³⁴. Подобные факты встречались во второй половине XX века. Например, опрос старшеклассников города Новороссийска в октябре 1987 года показал, что из них только один смог назвать существующие в Вооруженных Силах общевоинские уставы, хотя в классных журналах у школьников по НВП стояли «пять» и «четыре».

Роль и значение средств массовой информации в обобщении и внедрении передового опыта, поиске новых, эффективных, научно обоснованных форм и методов НВП раскрыты в работах многих исследователей, в том числе, в трудах Л.А. Бублика, Ю.С. Васютина, В.Г. Криворотенко, В.А. Наржинского³⁵. В первую очередь они отмечают публикации в журналах «Военные знания», «Крылья Родины», газет «Красная звезда», «Советский патриот», которые давали возможность молодежи и организаторам военно-патриотического воспитания увидеть новое, внедрить у себя передовой опыт. Например, об эффективности проведения НВП на учебном пункте Львовского инструментального завода писал И. Мышалов в газете «Советский патриот». Он отмечал, что все его выпускники сдали в 1968 году нормы «Готов к защите Родины», что 75 процентов являются спортсменами-

разрядниками, 90 процентов шли в армию, имея права водителя мотоцикла, специальность радиотелеграфиста³⁶. В статье «Заботы директора», опубликованной в журнале «Военные знания» в 1973 году в период предполагавшегося окончания полного ввода начальной военной подготовки, был обобщен опыт НВП с 1967 по 1973 год в одной из школ города Бердянска. Автор справедливо отмечает, что от уровня военно-патриотического воспитания зависит и дисциплина школьников, их успеваемость³⁷. В плане пропаганды опыта организации НВП передовыми военными руководителями страны имела большое значение публикация книги «Воспитывать надежных защитников Родины», составленной П.К. Крохиным и В.В. Олейником³⁸.

Во второй половине 80-х годов стали появляться издания, в которых авторы предпринимали попытку критически осмыслить и оценить работу различных государственных органов и общественных организаций по рассматриваемому вопросу³⁹. Считая эту работу недостаточной, исследователи обосновывали ее чрезвычайную значимость, так как она оказывала непосредственное влияние на качество начальной военной подготовки и общий уровень военно-патриотического воспитания. В критическом плане выполнено диссертационное исследование В.А. Кашина, явившееся качественно новой работой, написанной после 1985 года. Особые усилия автором сосредоточены на анализе практики государственных и общественных организаций региона по осуществлению НВП молодежи и подготовке ее к службе в Вооруженных Силах.

В целом же из историографического анализа состояния разработки проблем НВП в 1946—1991 годах вырисовывается следующая, на наш взгляд, неприглядная ситуация: практически сорок пять лет повторяются одни и те же недостатки, о которых исправно писали в советской литературе по проблемам военно-патриотического воспитания.

Конечно, можно понять, что не все зависело от исследователей. Вместе с тем, работа многих авторов книг и статей была малоэффективна. Нередко практика показывала, что часто прекрасные планы оставались только на бумаге. В этой связи следует обратить внимание и на то, что многие доступные архивные документы, использование которых повысило бы уровень и действенность исследований в этот период, еще не были введены в научный оборот. С другой стороны, сдерживала ученых и чрезмерная закрытость материалов по НВП.

Говоря в целом об историографии проблем военной подготовки в 1946—1991 годах, надо отметить, что после 1991 года появились новые работы, которые можно условно разделить на две группы:

1) работы, в которых дана попытка объективно оценить сложившуюся ситуацию: это труды А.И. Анохина, А.П. Волкова, В.Н. Иванова, С.Д. Половецкого, В.В. Прилуцкого, А.В. Маклачкова, С.Ф. Кужилина, С.В. Федулова⁴⁰;

2) исследования, статьи, ставившие под сомнение необходимость учитывать опыт прошлого⁴¹.

Анализ состояния историографии вопросов военной подготовки населения в 1946—1991 годах позволяет сделать вывод, что и сегодня эти проблемы требуют изучения в плане обобщения опыта и поиска путей оптимизации перехода на контрактную армию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По подсчетам автора, более чем в 50 % литературы и фактически в каждом диссертационном исследовании по военно-патриотическому воспитанию рассматриваются проблемы военной подготовки населения.

² См.: Пешков И. Всеобщее обязательное военное обучение трудящихся СССР для защиты социалистического Отечества от нападения империалистов: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1955.

³ Маркс К., Энгельс Ф. О молодежи. М.: Молодая гвардия, 1972. С. 380—381.

⁴ Там же. С. 318.

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

⁵ См., напр.: Бельцова Г.П. Деятельность партийных организаций Южного Урала по военно-патриотическому воспитанию молодежи (1961—1970 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1974; Безродный В.А. Военно-патриотическое воспитание допризывных и призывных возрастов (по опыту Ленинграда и Ленинградской области): Дис. ... канд. пед. наук. Л., 1969; Дуднев А.Т. Деятельность Коммунистической партии Таджикистана по военно-патриотическому воспитанию трудящихся (1961—1970 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 1974; Зуев Г.Н. Военно-патриотическое воспитание молодежи северной части Нечерноземной зоны РСФСР. 1971—1975 гг. (по материалам Вологодской, Ярославской и Костромской областей): Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1980; Кухарчук И.Ф. Деятельность партийных организаций Среднего Поволжья по военно-патриотическому воспитанию трудящихся в период строительства коммунизма: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1978; Шмарев А.Г. Партийное руководство комсомольскими организациями Западной Сибири по военно-патриотическому воспитанию молодежи в период коммунистического строительства: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1976; Артемов Ж.Л. Военно-патриотическое воспитание молодежи и подготовка юношей к военной службе. М.: Знание, 1982; Васютин Ю.С. Забота партии о подготовке трудящихся к защите Родины. М.: ДОСААФ, 1976; Вооруженным Силам — достойное пополнение. М.: ДОСААФ, 1978; Гетман А.Л. Оборонно-массовая работа и профсоюзы. М.: Профиздат, 1968; Его же. Советским Вооруженным — достойное пополнение // Коммунист Вооруженных Сил. 1968. № 19. С. 30—35; Егоров Г.М. Военно-патриотическое воспитание // Партийная жизнь. 1982. № 24. С. 68—72; Елименко И.Е. Партийное руководство военно-патриотическим воспитанием населения. М.: Политиздат, 1979; Комраков Н.А. Начальная военная подготовка // Народное образование. 1971. № 6. С. 13—19; Наконечный И.Т. Военно-массовая работа в Темрюкской МТС. М.: ДОСААФ, 1955; Павлов Я.Ф. Чему я научился в оборонном обществе. М.: ДОСААФ, 1955; Панков Г. Готовься стать смелым и умелым воином. М.: ДОСААФ, 1964; Паровой М. Приходят служить достойные // Военные знания. 1966. № 1. С. 33—34; Соломатин М.Д., Бухагин И.В. Задачи военно-патриотического воспитания трудящихся на современном этапе. М.: Знание РСФСР, 1975; Чебаков А.И. Военно-патриотическое воспитание труженников села. М.: Профиздат, 1969; и др.

⁶ См.: Бублик Л.А. Военно-патриотическое воспитание советской молодежи: теория, система, опыт. М., 1976. С. 91.

⁷ См.: Морозов В. В. Деятельность Коммунистической партии по морально-политической подготовке советской молодежи к защите социалистического Отечества (1966—1971) (на материалах УССР): Дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1985.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 102, д. 1877, л. 199.

⁹ См.: Овчинников Н., Цыганков В. Против искажения образа героя // Красная звезда. 1968. 27 апр.

¹⁰ См.: Педагогика: Курс лекций. М.: Просвещение, 1966.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 1, оп. 38, д. 10, л. 50.

¹² Там же. Д. 185, л. 6.

¹³ В дальнейшем 12 июня 1990 г. министр обороны СССР и председатель Госкомитета по народному образованию подписали приказ «Об улучшении допризывной подготовки юношей-учащихся». С этого дня НВП стала называться «допризывной». 12 октября 1990 г. приказом по Минобразованию РСФСР № 62, подписанным двумя заместителями министра, допризывная подготовка на территории России была практически отменена.

¹⁴ См.: Васютин Ю. С. Партийное руководство подготовкой советской молодежи к службе в Вооруженных Силах СССР, защите социалистической Родины, завоеваний социализма (1966—1969 гг.) (На материалах центральных областей РСФСР): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1969; Чернявский Я.Г. Партийное руководство военно-патриотическим воспитанием учащихся общеобразовательных школ и училищ профессионально-технического образования Западной Сибири в 1966—1970 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1981; Шестаков В.М. Деятельность партийных организаций Российской Федерации по военно-патриотическому воспитанию советского народа в 1966—1975 годах. (По материалам областей Центрального и Центрально-черноземного районов): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 142, д. 1597, л. 3.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 1 оп. 116, д. 6, л. 50.

¹⁷ См.: Долг сыновей наших // Красная звезда. 1988. 17 нояб.

¹⁸ ЦА РОСТО. 1986 г., оп. 1, л. 39.

¹⁹ См.: Чернявский Я. Г. Указ. соч. С. 147; Военно-патриотическое воспитание призывной молодежи: Сб. М.: ДОСААФ, 1975; Гетман А.Л. О воинском долге и солдатской службе. М.: ДОСААФ, 1979. С. 97—109; и др.

²⁰ См.: Шестаков В.М. Указ. соч. С. 118—144.

²¹ Данный вопрос нашел освещение практически во всех диссертационных работах, которых насчитывается более ста, и публикациях по этому периоду.

²² См.: Наумов Н.В. Деятельность Коммунистической партии Украины по оборонно-массовой работе среди трудящихся в период 1966—1970 гг. (на материалах Ворошиловградской, Донецкой, Киевской, Полтавской и Сумской областей): Дис. ... канд. ист. наук. Донецк, 1979.

²³ См., напр.: Брысин П.М., Крайнов П.А. Учебно-материальная база начальной военной подготовки. М.: ДОСААФ, 1979; Начальная военная подготовка. М.: ДОСААФ, 1978; Программа начальной военной подготовки учащихся общеобразовательных школ. М.: Воениздат, 1968; Программа начальной военной подготовки учащихся профессионально-технического образования. М.: Воениздат, 1968; и др.

²⁴ См.: Лошкарев М. Д. Молодежь и защита социалистического Отечества: Актуальные проблемы военно-патриотического воспитания. Киев: Молодь, 1981. С. 232—238.

²⁵ Готовность надежных защитников Родины / Сост. Л.Э. Макарова, В.В. Олейник. М.: ДОСААФ, 1986.

²⁶ Филатов В. Как живешь, призывник? // Красная звезда. 1987. 23 окт.

²⁷ См.: В Центральном Комитете КПСС: Об итогах Всесоюзного сбора молодых воинов запаса // Правда. 1988. 24 февр.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 1, оп. 38, д. 519, л. 43.

²⁹ Там же.

³⁰ Евсеев В., Студеникин П. Мужское дело // Правда. 1987. 18 мая.

³¹ Никонов О. У семи нянек... // Красная звезда. 1987. 1 авг.

³² РГАСПИ. Ф. 17, оп. 106, д. 2596, л. 124.

³³ РГАСПИ. Ф. 1, оп. 38, д. 725, л. 109.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 1, оп. 66, д. 211, л. 191.

³⁵ См.: Бублик Л.А. Военно-патриотическое воспитание советской молодежи: Теория, система, опыт; Васютин Ю.С., Криворотенко В.Г., Наржинский В.А. Военно-патриотическое воспитание молодежи: теория, история, практика. М., 1977.

³⁶ Мышалов И. Сила соревнования // Советский патриот. 1968. 27 нояб.

³⁷ Заботы директора // Военные знания. 1973. № 1. С. 36—37.

³⁸ См.: Воспитывать надежных защитников Родины: Из опыта работы военных руководителей средних общеобразовательных школ страны / Сост. П.К. Крохин, В.В. Олейник. М.: ДОСААФ, 1981.

³⁹ См., напр.: Головешко Л.М. Руководство КПСС оборонно-массовой работой (1967—1977 гг.) (на материалах Нижнего Поволжья): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1987; Кашин В.А. Деятельность КПСС по повышению роли общественных организаций в военно-патриотическом воспитании трудящихся. 1971—1980 гг. (На материалах партийных организаций Краснодарского края и Ростовской области): Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1986; и др.

⁴⁰ См., напр.: Анохин А.И. Оборонный резерв России // Красная звезда. 1999. 25 сент.; Анохин А. Они были первыми. М., 2000; Иванов В.Н. Некоторые вопросы военно-патриотического воспитания. Калининград, 1993; Федулов С.В. Готовить специалистов, растить патриотов // Красная звезда. 2000. 26 февр.

⁴¹ См., напр.: Ломтев Ю.А. Военно-патриотическое воспитание молодежи Урала: из позитивного и негативного опыта его организации в 70-е гг. XX столетия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2002.

Е.С. Галкина

ТЮРКСКИЙ КАГНАТ И «ПОЗДНЕГУННСКИЕ» ПЛЕМЕНА В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В VI—VII ВЕКАХ

Последним этапом Великого переселения народов на просторах Восточной Европы считается вторжение тюркоязычных племен, после чего именно тюрки стали основным этнообразующим компонентом большинства народов восточноевропейских степей и предгорий Кавказа. Основная роль в этом процессе отводится Западному Тюркскому каганату, с эпохи которого, по мнению ряда исследователей, в данном регионе появились хазары, болгары и другие кочевники, ставшие одной из самых влиятельных сил в регионе. Однако многие из этих этносов были известны в Восточной Европе и до образования Тюркского каганата. Изменения на этнополитической карте региона, происходившие в VI—VII веках, необходимо рассмотреть и в контексте огромного этнического наследия, оставленного эпохой гуннов.

С уходом с исторической арены гуннов эпохальный этносоциальный переворот в евразийских степях не завершился. И истоки этого нужно искать прежде всего в природно-климатических изменениях, которые претерпевал данный регион. К V веку н.э. значительно дестабилизируется урало-алтайская пастбищная система, в рамках которой существовали позднесарматские и гунно-сарматские кочевые общества. Вызвано

это было регрессией Арала, обмелением и засолением Сырдарьи и Амударьи, а также общей засухой в данном регионе¹. Степное Волго-Уральское междуречье на четыре столетия фактически превращается в пустыню. Эти климатические изменения и их влияние на этнокультурную ситуацию хорошо прослеживаются по данным археологии: археологические культуры этой территории, существовавшие с первых веков н.э., перестают функционировать². Сведения по истории этого региона середины I тыс. н.э. как памятников материальной культуры, так и письменных источников незначительны и фрагментарны. Но трудно переоценить роль этого периода в этногенезе и общественном развитии кочевников Западной Азии (огузы, кимаки, мадяры, печенеги, кипчаки) и Восточной Европы (авары, болгары, хазары). Именно климатические условия ускорили этногенетические и социальные процессы в евразийских степях и лесостепях.

В начале второй половины I тыс. н.э. большинство кочевников евразийских степей вступили в завершающую стадию разложения первобытнообщинного строя. Племена Зауралья, Поволжья и степей Азии начали процесс активного государственного строительства. Ускоренное Великим переселением народов социальное и потес-



**Галкина
Елена
Сергеевна,**
кандидат
исторических наук,
докторант кафедры
истории ИИГУ

тарное развитие привело к созданию тюрко- и угроязычными этносами нескольких крупных раннегосударственных образований — каганатов — в Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, Поволжье и на Северном Кавказе.

В середине VI века был образован Тюркский каганат. Легенды тюрков и китайские хроники связывают происхождение этого народа с Алтаем³. О формировании ядра тюрков именно на Алтае, а не в Северо-Западной степной Монголии, свидетельствуют и археологические данные. Тюркскую археологию составляют материалы, территориально ограниченные землями Алтая, Тывы, Минусинской котловины и прилегающих районов Восточного Туркестана. Причем согласно археологическим памятникам культура тюрков во многом уходит корнями в местные культурно-исторические общности, существовавшие в этих районах с середины I тыс. до н.э.: пазырыкскую, уюкскую, тагарскую. К V—VI векам в предгорьях Южной Сибири уже сложились два «общетюркских» культурных ареала: Саяно-Алтайский (телесский: каменные курганы округлой формы с захоронением с конем и без керамики) и Хакасско-Минусинский (с округлыми или прямоугольными каменными оградами/склепами, установленными на площадках, с трупосожжениями и керамикой)⁴. Связь тюрков с позднехуннскими племенами остается до сих пор на уровне лингвистических аналогий и легенд, зафиксированных источниками.

Лишь во второй половине V века — первой половине VI века на Южном Алтае складывается союз племен, который в 551—555 годах нанес сокрушительный удар по Жужаньскому (Аварскому) каганату⁵. В 551 году основатель государства тюрков Бумынь сразу же после самоубийства последнего аварского правителя принимает титул кагана в знак победы над жужанями и территории, ранее подвластные этому народу. С этого момента «тюрк» становится названием союза племен, с которым устанавливают отношения, судя по упоминаниям в письменных источниках, сначала согдийцы и китайцы, а затем персы, арабы, византийцы, сирийцы и многие другие носители цивилизации.

Титул хакана у кочевых народов и в потестарных образованиях с оседло-кочевым населением означал правителя, подобного европейскому императору раннего Средневековья. После разгрома Аварского каганата в середине VI века собственными вассалами — тюрками-ашина — часть аварских племен приняла участие в этногенезе тюрков. Другая часть со множеством присоединившихся по пути позднехуннских племен Восточной Европы бежала на запад и образовала на Дунае европейский Аварский каганат. Первый же Тюркский каганат стал прямым наследником азиатского Аварского государства. Главной особенностью обоих потестарных образований была полиэтничность населения (собственно племенное объединение тюрков называлось «тюрк эль»). Сам факт существования двух кардинально различных обрядов погребения свидетельствует о полиэтничности тюркских племен. Следует отметить, что среди тюркоязычных племен раннего Средневековья, несмотря на очевидно родственные языки, никакого «тюркского» этнического самосознания не было. Объединение тюркских народов в одну языковую группу произвели арабо-персидские ученые Средневековья. Характерно, что в VIII веке, после окончательного распада Тюркских каганатов, утратило реальный этнополитический смысл само использование термина «тюрк»⁶. В связи с этим ряд ученых, чтобы избежать отождествления носителей тюркских языков с создателями Тюркского каганата, именуют последних «тюркютами».

Бурный социо- и политогенез тюрков связан с интенсивным развитием скотоводства, поливного и пашенного земледелия и, главное, широким применением железа. Археологические данные свидетельствуют, что древние алтайцы действительно были искусными мастерами и снабжали своим железом и изделиями из него многие соседние народы⁷. Обработывали они и цветные металлы, в том числе золото и серебро. Все это привело к процессам социального расслоения, формирования общественных страт: могильники VI века уже разделены на «богатую» и «бедную» части. Соответственно ускорился и процесс политогенеза, сопровождавшийся, с одной стороны, новыми завоеваниями, а с другой — междоусобицами.

Правитель тюрков Муган-хаган (553—562) окончательно утвердил господство тюрков в Центральной Азии и Южной Сибири, подчинив племена киданей и кыргызов. Царства Северного Китая платили тюркам дань. В 563—565 годах совместными усилиями персов и тюрков было уничтожено государство эфталитов в Средней Азии, а его земли поделены победителями, в результате чего граница между Ираном и каганатом пролегла западнее Балха и восточнее Мургаба. В результате к 70-м годам VI века Тюркский каганат стал заметным явлением на мировой политической арене того времени, с которым были вынуждены считаться Византия, Сасанидский Иран и Китай.

Но бурный социогенез породил невиданные противоречия в тюркском обществе, которые проявились после первых же трудностей. В 581—588 годах Китай был объединен под властью династии Сунн, чьи реформы привели к росту экономической и военной мощи страны. Эти события значительно сократили возможность Тюркского каганата пополнять благосостояние за счет набегов. Одновременно в степи разразился страшный голод⁸. Все это привело к дестабилизации тюркского общества и кровавой междоусобице, прежде всего внутри правящего рода Ашина.

Источники сохранили некоторые сведения и о потестарном строе каганата, который уже при своем создании таил в себе условия для распада этого раннего государства. Во-первых, кочевники, находившиеся на значительно более низкой стадии развития, чем завоеванное оседлое население, не имели возможности для изменения социально-экономической и политической структуры захваченных земель. Они ограничивались лишь сбором дани. В отношении кочевых сообществ Алтая, над которыми была установлена власть хуннского рода Ашина, можно сказать, что ассимиляционные процессы там проходили значительно быстрее, так как примерно одинаковый уровень их развития обеспечивал возможность создания единого этносоциального организма.

Первые тюркские каганы считали «делом чести» окончательное уничтожение уже разгромленных ими авар. Небольшая их часть сумела бежать на Волгу, тюрки стали их преследовать, приостановив на время покорение эфталитов. К 558 году завоевание Приуралья и Восточного Поволжья было завершено.

В то же время византийский император Юстиниан I принял послов кагана авар Баяна⁹. Вскоре после этого византийцы совершили ответный визит, в ходе которого достигли договоренности о союзе против Ирана (558 г.). Данные факты не могли не беспокоить лидера тюрков Истеми-кагана, тем более что аварские набеги на западные владения тюрков стали регулярны. Кроме того, авары не спешили воевать с персами, а вместо этого стали покорять территории Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа.

Европейские авары имели к жужаням Центральной Азии самое отдаленное отношение. Данной информацией в 598 году, когда авары уже тревожили византийские границы, поделился с византийцами сын Истеми, каган Дяньгу в письме императору Маврикию, которое сохранилось в передаче Феофилакта Симокатты: «Разбив наголову вождя племени абделов (я говорю о тех, которые называются эфталитами), этот каган победил их и присвоил себе власть над ними. Сильно возгордившись этой победой и сделав Стемвис кагана своим союзником, он поработил племя аваров. Пусть никто не думает, что я рассказываю, будучи мало осведомлен, и не считает, что речь идет о тех аварях, которые, как варвары, жили в Европе и в Паннонии (они прибыли в эти места много раньше времен императора Маврикия). Живущие по Истру варвары ложно присвоили себе наименование аваров. Откуда они родом, я пока еще не буду говорить»¹⁰. В данном случае как о «настоящих» аварях речь идет о племени аба, которые в 556 году окончательно пали под ударами тюрков.

Далее Феофилакт Симокатта подробно рассказывает о происхождении европейских авар: «Совершил каган и другое предприятие и подчинил себе людей племени отер»¹¹. Это одно из самых сильных племен благодаря своей многочисленности и военным упражнениям в полном вооружении. Они живут на востоке, там, где течет река Тип, которую тюрки обычно называют Черной¹². Древнейшими вождями этого племени были Уар

и Хунни. Поэтому некоторые из этих племен получили название уар и хунни¹³. Когда император Юстиниан¹⁴ занимал царский престол, некоторая часть племен уар и хунни бежала и поселилась в Европе. Назвав себя аварами, они дали вождю почетное имя кагана... Барселт, уннугуры, сабиры и, кроме них, другие гуннские племена, увидав только часть людей уар и хунни, бежавших в их места, прониклись страхом и решили, что к ним переселились авары¹⁵. Поэтому они почтили этих беглецов блестящими дарами, рассчитывая тем самым обеспечить себе безопасность. Когда уар и хунни увидели, сколь благоприятно складываются для них обстоятельства, они воспользовались ошибкой тех, которые прислали к ним посольства, и сами стали называть себя аварами; говорят, среди скифов племя аваров является наиболее деятельным и способным¹⁶.

Из этого свидетельства также очевидно, что псевдоавары Восточной Европы представляли собой одно из гунно-сарматских племен, обитавших ранее в урало-казахстанских степях. Этноним «огор», упоминаемый Симокаттой, говорит о значительной роли угорского компонента в этногенезе европейских авар. Установлено, что псевдоавары говорили на языке той же вымершей языковой семьи, что и гунны¹⁷. Об этом же свидетельствует и археологическая культура ранних авар в Паннонии, где они появились, судя по памятникам материальной культуры и письменным источникам, в последних десятилетиях VI века. Для начальных этапов этой культуры характерны грунтовые могильники, где в простых ямах, нередко с деревянными столбами по углам, служившими для устройства перекрытий, по обряду труположения погребались умершие, иногда с конем. В этих же погребальных комплексах наблюдается серая круговая керамика, восходящая к традициям Приаралья¹⁸.

Гунно-сарматы, которых в Европе называли аварами, в степях Причерноморья согласно Феофилаксу Симокатте обнаружили этнически близкие племена барсиллов, савир, оногуров и «другие гуннские племена».

Действительно, в Юго-Восточной Европе и на Северном Кавказе к середине VI века н.э. господствовали племена, появившиеся вместе с гуннами. Движение гуннов на запад остановилось достаточно быстро после вторжения в Римскую империю. Огромный гуннский «союз», не имевший объективной основы для прочности, распался после смерти Атиллы. Разгром погибающей империи завершили входившие в него племена. Малочисленные, стоящие на более низкой ступени развития, в Центральной Европе гунны быстро ассимилировались покоренными народами, фактически не оставив следа в их культуре.

Несколько иначе обстояло дело в Прикаспии и на Кавказе. Там, по-видимому, уже в первые века н.э. существовали группы населения алтайского происхождения. В частности, о гуннах на данной территории упоминает Птолемей¹⁹, а также греческий поэт Дионисий Периегет (II в. н.э.). В I—II веках н.э. на Кавказе было известно имя Аспарух явно гуннского, то есть прототюркского, происхождения²⁰.

Многочисленные упоминания о гуннах в этих районах начинаются с III века н.э., правда, у авторов, в основном армянских и сирийских, с V—VI веков. В составе войска армянского царя Хосрова I (217—238) гунны (хоны) выступают против основателя персидской династии Сасанидов Арташира. В первые десятилетия IV века Агафангел сообщает об участии гуннов в походе армян против персов в 227 году н.э.²¹ В первой половине IV века гунны выступают уже союзниками маскутов (массагеты, иранское племя, издревле обитавшее на Кавказе) против армян. Многие источники сообщают о разорении гуннами Сирии и Каппадокии в конце IV века²². В V веке иранский шаханшах Йаздигерд II и его преемник Пероз вели упорную борьбу с гуннами-эфталитами²³, которые к этому времени, по-видимому, уже прочно обосновались на Кавказе. Гуннская опасность даже привела извечных врагов — Сасанидский Иран и Византию — к совместным действиям по обороне Закавказья. Между державами было заключено соглашение об охране от гуннов Дербентского и Дарьяльского проходов²⁴.

О «царстве гуннов» в Дагестане в рассказе о событиях VI века упоминает живший в VII веке Ананий Ширакаци. Уже в первой четверти VI века под влиянием оседлого

ираноязычного населения, а также в результате систематической миссионерской деятельности христианской церкви часть гуннов от «жизни в шатрах» перешла к оседлости, другие же продолжали заниматься кочевым скотоводством²⁵. Согласно источникам, северокавказские гунны жили в степях севернее Дербента и граничили с владениями албан, с которыми заключали соглашения для прохода на территорию Ирана²⁶. Под 624 годом «Хронография» Феофана сообщает о кавказском походе императора Ираклия, который, опасаясь преследования со стороны персов, отступил в «земли гуннов и их теснины по гористым, непроходимым местам»²⁷. В комментариях к этому источнику И.С. Чичуров отождествляет гуннов Феофана с упоминаемыми двумя годами позже «турками», которые вместе с Ираклием участвовали в походе на персов²⁸. Однако гунны Кавказа являлись именно отдельным этносом, который сохранил автономию и после утверждения здесь в 80-х годах VII века власти хазар²⁹.

Таким образом, гунны упоминаются практически наравне с другими народами Кавказа. Участие их в политической истории этого региона носило автономный характер, совершенно не связанный с действиями орд Аттилы в Европе. Они органично влились в этнополитическую систему Кавказа, достаточно долго сохраняя самостоятельность и медленно ассимилируясь.

Еще один «гуннский» этноним, барсилы, интересен прежде всего своей связью согласно источникам с историей трех могущественных этнополитических общностей Восточной Европы раннего Средневековья: хазар, алан и болгар. Сообщение столь широко известного источника, как «Хронография» Феофана, о появлении хазар «из глубин Берсилии»³⁰, подвигло многих исследователей связывать начало этногенеза хазар с барсилами. В том же источнике Берсилия называется «первой Сарматией», а по данным сирийского якобитского патриарха Михаила, Берсилией называлась «страна алан»³¹. Никифор в «Бревиарии» дает несколько иную локализацию Берсилии: «поблизости от сарматов»³².

Племенной союз барсил, сошедший с исторической арены уже к началу VIII века, заслуживает пристального внимания, ибо в источниках V—VII веков упоминается нередко и в связи с событиями, немаловажными для осмысления этногенетических процессов в Юго-Восточной Европе. Наиболее ранние сведения о барсилах содержатся в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (конец V в.). Армянскому автору они представлялись одним из народов, обитающих за Чором (Дербентским проходом) в «земле гуннов». Ближайшими соседями барсил тогда были некие хазиры. Очевидно, армянам не раз приходилось воевать с этими «гуннскими» племенами. Первое столкновение с ними Мовсес Хоренаци относит к рубежу II—III веков н.э.³³ В другом месте Мовсес Хоренаци, пересказывая сюжет Иосифа Флавия о борьбе армянского царя Трдата I с аланами, заменяет последний этноним на «барсилы»³⁴. И, наконец, один из армянских родов, который восходил к барсилу, переселившемуся в Армению при Хосрове I, Мовсес считал аланским³⁵.

В «Армянской географии» Анании Ширакаци (конец VII в.) барсилы со своими стадами укрываются от «сильных народов хазиров и бушков» на «острове», который лежит между рукавами (притоками?) реки Атл. Хазиры и бушки (болгары) приходят туда зимовать и располагаются по берегам реки³⁶. Делать из этого сообщения выводы о локализации барсилов в низовьях Волги преждевременно. Описанная ситуация относилась, скорее всего, к концу VII века, когда барсилы уже исчезали, а хазары и болгары были самыми активными этносами в регионе.

Иначе развивалась история «гуннских» племен в Северном Причерноморье. Иордан упоминает об акацирах, булгарах и гуннах³⁷ (перечисление идет с запада на восток). При этом акациры и болгар, относимых исследователями к гуннам, Иордан не отождествляет с этим этносом³⁸, а самих гуннов разделяет на альциагиров и хунгуров. Обособленно от гуннов упоминаются акациры и у Приска Панийского. Судя по информации Приска, акациры составляли разветвленный племенной союз (у них «было много начальников по племенам и родам»³⁹).

Этноним «акациры», несомненно, алтайского происхождения (в древнетюркском языке *ака* — старшинство по мужской линии, *чери* (čärig) — войско)⁴⁰. Акациры пришли в Восточную Европу вместе с гуннами, однако практически сразу стали вести самостоятельную политику, как и гунны Северного Кавказа, также составлявшие отдельное этнополитическое образование.

Согласно греческим источникам, сыновья Аттилы после его смерти были вынуждены вести войну против еще одного гуннского племени — сарагур⁴¹ (этноним смешанного тюрко-угорского происхождения — «белые угры»⁴²). При этом сарагуры, покорившие акацир, которые с тех пор исчезли с исторической арены Северного Причерноморья⁴³, оставив, однако, память о себе в «Повести временных лет»: «Посемь придоша Угри Бели и наследиа землю Словеньску. Си бо Угри почаша бытии при Ираклии цари, иже находиша Хоздроя царя Перьскаго»⁴⁴. В этом сообщении реальный этноним «белые угры» перенесен на более поздних и родственных сарагурам хазар, ставших широко известными в царствование Ираклия, и мадьяр (в другом месте «Повести временных лет» — «угры черные»), появившихся в «земле Словенской» (в контексте — на Дунае) в IX веке. К сожалению, скудость источников не позволяет более подробно осветить роль сарагур в формировании этносов Восточной Европы.

Другие «гуннские» племена времен Великого переселения народов — акациры, савиры, булгары и оногуры — стали этнической основой большинства кочевых этносов, обитавших в Восточной Европе во второй половине I тыс. н.э.

Савиры (савары) как обитатели Европейской Сарматии, соседствуя с аорсами, оссиями, аланами и бурсками, были известны еще Птолемию⁴⁵. Стефан Византийский сообщает, что их именуют также сапирами и проживают они в Понтийской Скифии⁴⁶. С IV века известны на Северном Кавказе и Нижней Волге как «гуннское» племя. Большинство исследователей относят это племя к финно-угорской группе. В середине I тыс. н.э. савиры играли немалую роль в политической жизни этого региона. В Закавказье тогда шло жесткое противостояние Византии и Ирана, чем кочевники, регулярно нападавшие на Армению и Малую Азию, умело пользовались. Возник своеобразный симбиоз, основу которого составляли особенности взаимодействия оседлых обществ с кочевниками. Персы и византийцы соревновались в размерах откупа савирам за то, чтобы те не тревожили их пограничные поселения, а желательно обращали внимание на земли врага. В связи с этим савиры участвовали в военных операциях на стороне то одной, то другой империи. При этом, как сообщает Прокопий Кесарийский, «племя это... разделяется... на множество самостоятельных колен. Их начальники издревле вели дружбу: одни — с римским императором, другие — с персидским царем. Из этих властителей каждый обычно посылал своим союзникам известную сумму золота, но не каждый год, а по мере надобности»⁴⁷. Как следует из сообщения Прокопия, у савир не было племенного союза как четкой потестарной структуры; каждый род самостоятельно принимал решение по вопросам вступления в войну.

Вообще, у большинства обществ, вступивших в период разложения родовой общины, племя возникло и существовало как аморфное объединение общин, и лишь экстраординарные обстоятельства могли превратить его в жесткую потестарную структуру. В этом качестве племена появляются в Малой Азии, Центральной Азии, Южной Европе, что связано с военным фактором. Выполнив же свою объединительную функцию во время войны, племя как социальная единица в большинстве случаев уступало место более мелким объединениям, которые начинали объединяться скорее по территориальному признаку и постепенно смешиваться с соседними племенами. Так произошло и с частью племенного союза савир. Некоторые свидетельства этому находим в «Хронографии» Феофана в рассказе о событиях 527—528 годов, связанных с борьбой Византии и Ирана в Закавказье: «...Пришла к ромеям некая женщина из гуннов, именуемых савир, варвар, по имени Боарикс, вдова, имея при себе сто тысяч гуннов. Она стала править в гуннских землях после своего мужа Валаха. Эта [Боарикс] захватила двух царей другого племени

внутренних гуннов, по имени Стиракс и Глона, склоненных Кавадом, императором персов, оказать военную помощь против ромеев и проходящих по ее землям в [пределы] Персии с двадцатью тысячами. Их-то она и разбила...»⁴⁸. Таким образом, Боарикс была во главе значительного объединения гуннских племен, включавших не только савир. Причем данный пример позволяет предположить, что в этом объединении участвовали не все савирские общины и что построено оно было скорее по военно-административному, чем по родовому принципу (союз возглавляет не племя савир, а некая женщина «из савир»).

Показательно, что вскоре после этих событий савиры исчезают с мировой политической арены. Редкие упоминания о них сохраняются лишь в источниках локального характера⁴⁹. Согласно Симокатте, савиры, как и барсилы, в середине VI века оказались под властью псевдоавар⁵⁰. Далее территория савиров и соседних с ними племен (современный Западный Дагестан) известна в арабо-персидских источниках как владения некоего Сахиб-ас-Сарир (араб. «владелец трона»), или просто ас-Сарир («трон»). Созвучие «сарир» — «савир» очевидно, как и сходство букв «вав» и «ра» в арабской графике.

Одним из титулов главы Сарира, согласно данным географов школы ал-Джайхани, было «āвар»⁵¹, что свидетельствует о значительной роли аварского союза племен в процессе образования Сарира⁵². Судя по описаниям арабо-персидских источников, Сарир был крупным протогосударственным образованием, объединявшим многие племена к северу от Баб-ал-Абваб (Дербент)⁵³. Среди этих племен значительную долю составляли североиранские этносы Кавказа, поскольку одним из титулов владетеля сариров был «филан-шах». Кроме того, письменная традиция связывала наименование «Сарир» с легендой о переносе золотого трона персидских царей на Северный Кавказ, что, по мнению Б.Н. Заходера, свидетельствует об «иранско-сасанидских претензиях» главы Сарира⁵⁴.

Другая группа савиров была в числе этносов, принимавших участие в образовании Хазарского каганата. Об этом свидетельствует, в частности, сообщение ал-Масуди в «Китаб ат-Танбих»: тюрки называют хазар «сабир»⁵⁵.

В «Хронографии» Феофана упоминается «гуннский» племенной союз, располагавшийся «в близости от Босфора»⁵⁶. Феофан под 527—528 годами приводит историю о конфликте между этими гуннами и византийцами, разгоревшемся вокруг Босфора. Подобно другим причерноморским городам, образованным как греческие колонии, Босфор был местом постоянных контактов (прежде всего торговых) степных варваров с греками и римлянами. Будучи крупным торговым центром город представлял интерес для всех значительных политических образований данного региона. «Ромеям» удалось заключить договоренность с «царем» упомянутых гуннов Гордой, который даже принял христианство и взял обязательство «охранять ромейское государство и город Босфор». Из этого следует, что гунны Горды были не единственными претендентами на контроль над Босфором; в Северном Причерноморье существовали и другие этнополитические объединения. Однако, согласно источнику, действия христианина-неофита не дали свершиться ромейскому плану. Горда решил огнем и мечом крестить соплеменников, в частности, изъять и переплавил серебряных идолов. Естественным исходом таких действий стал государственный переворот, в котором Горда был убит, а во главе гуннов стал его брат Муагерис. Следующим шагом гуннов был захват Босфора, что свидетельствует о политической подоплеке переворота. Но византийцы собрали в помощь Босфору значительные силы, при вести о которых гунны оставили город⁵⁷.

Исследователями предложено несколько этносов, с которыми отождествляются гунны Феофана. Сам сюжет о гуннах Горды не уникален в византийской историографии: он был заимствован автором «Хронографии» у Малалы с использованием еще какого-то источника, нашедшего отражение и в произведении Михаила Сирийца (XII в.). Следовательно, события вызвали определенный резонанс в Византии, и эти гунны были заметным племенным объединением, которое упоминают другие авторы. «Босфорских» гуннов отождествляли с оногурами⁵⁸, крымскими гуннами⁵⁹, болгарями, утигурами. Примерно в то же время Прокопий Кесарийский упоминает о разрушении гуннами городов на Та-

манском полуострове⁶⁰. Для окончательного вывода, к сожалению, известных ныне источников недостаточно. Но из перечисленных версий не вызывает противоречий только последняя. Оногуры и болгары упоминаются Феофаном под своими именами. Крымские гунны, которых упоминает Прокопий Кесарийский, не могли совершить нападение одновременно на города, находившиеся на противоположных берегах. А вот для племен Восточного Приазовья такой маршрут был возможен.

Из племен, которых потеснили с Кавказа во второй половине V века савиры, по источникам наиболее известны оногуры (буквально «десять племен», в некоторых византийских источниках называются также «унногундуры»), племенной союз смешанного древнетюркско-угорского происхождения. Оногуры упоминаются еще в древнеалтайских надписях и китайских хрониках. До прибытия в Восточную Европу они обитали в верховьях рек Яксата, Или и Чу. Часть их в период гуннского нашествия переселилась на запад, дойдя сначала до Азовского моря, а потом до римских провинций Дакия, Фракия и Мизия. После распада Гуннского союза Атиллы оногуры вернулись в Северное Причерноморье, а другая часть осела на Северном Кавказе. По мнению большей части исследователей, оногуры являются основой ядра протоболгар Восточной Европы⁶¹. На участие оногуров в этногенезе болгар прямо указывают такие источники, как «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора. В качестве аргументации исследователями приводится также десятиплеменная организация Болгарского союза на Дунае, зафиксированная Бертинскими анналами. Но такая же организация была свойственна и другим алтайско-тюркским племенам.

Проблема происхождения болгар Приазовья значительно сложнее. Сам этноним «болгары» упоминает еще Иордан⁶². Помимо собственно болгар, в этногенезе этноса протоболгар принимали участие упомянутые уже оногуры, а также кутригуры и утигуры. Кутригуры, согласно источникам, в VI веке были подчинены аварам. Необходимо отметить, что более ста лет (с 462 г.) области Южного Приуралья и Нижнего Поволжья входили в состав аварских каганатов. На этих территориях авары смешались с угрозычными огузами. Таким образом, возник новый этнос, называемый исследователями «псевдо-аварами». Псевдоавары, принадлежавшие к племени «огур» и жившие у Итиля, были этнически близки к оногурам. Кутригуров как часть гунно-угорских племен упоминает Феофилакт Симокатта: «В это же самое время (появление псевдоавар в Восточной Европе. — Е.Г.) племена тарнаих и котзагиров (они были из числа уар и хунни) бежали от тюрок и, прибыв в Европу, соединились с теми из аваров, которые были под властью кагана»⁶³. Кутригуров под именем «куртагар» называет автор сирийской хроники Псевдо-Захария в VI веке⁶⁴.

Легендарный этногенез кутригуров и утигуров пересказывает Прокопий Кесарийский в «Войне с готами»: во времена Великого переселения народов на территории от Меотиды до Танаиса, по соседству с готами-тетракситами и аланами осели гуннские племена. У одного из правителей этих гуннов было два сына: Утигур и Кутригур. После смерти отца они разделили между собою территорию, и каждый назвал своих подданных своим именем. «И в мое время, — пишет Прокопий, — одни называются утигурами, а другие — кутригурами»⁶⁵. После окончательного разделения утигур и кутригур, согласно тому же источнику, границей между этими племенами стали Танаис (Дон) и Азовское море, причем кутригуры поселились на западном берегу, а утигуры — на восточном.

На противоречиях между родственными союзами искусно играл византийский император Юстиниан (527—565). Кутригуры, судя по частым упоминаниям в источниках, к середине VI века стали наиболее заметным племенем в среде позднегуннских этносов Северного Причерноморья. Они являлись выгодным военным союзником для других племен Причерноморья. В частности, известны их совместные действия с гепидами против лангобардов, что привело в 551 году к разорению северо-западных границ Византийской империи. Для отражения набега Юстиниан, не располагавший в тот момент военными силами, договорился с утигурами и готами-тетракситами, которые нанесли удар

в тыл противника, разорили его стойбища и взяли в полон женщин и детей. Византийцы сами сообщили вождю кутригур о случившемся и уговорили его вернуться в свою страну, дав за это немалый выкуп⁶⁶. Нескольким тысячам кутригур ввиду разорения их собственных владений были предоставлены земли во Фракии. В 559 году возникла аналогичная ситуация, в которой утигуры опять выступили на стороне Византии и кутригурским воинам во главе с предводителем Заверганом удалось беспрепятственно дойти почти до Константинополя.

Таким образом, ко второй половине VI века в степях Юго-Восточной Европы существовало немалое количество объединений позднегуннских племен, принявших участие в этногенезе народов раннего Средневековья. Большинство из них были родственны тюркам (на азиатском этапе), однако не являлись тюркскими этносами. Относить эти народы к тюркам стали арабские книжники, обобщив под данным названием племена, попавшие в сферу влияния Тюркского государства.

Сами же тюрки появились в Восточной Европе, продолжая погоню за псевдоаварами. Они обогнули с севера Каспийское море и вышли к Северному Кавказу, проделав тот же путь, что и их предшественники. Сообщения арабских авторов ал-Балазури и Кудамы о походе Хосрова I Ануширвана на дальний север и его встрече с хаканом тюрков⁶⁷ составляют единую картину с данными византийских источников. В другом арабском источнике, «Истории» ат-Табари, сохранились сведения о начале шествия тюрков по Восточной Европе. Ат-Табари сообщает, что после победы над эфталитами хакан тюрков покорил народы б-н-дж-р, беленджер и хазар. Этим племенам Иран ранее выплачивал «отступные» за покой на северных границах. Каган тюрков потребовал от Хосрова Ануширвана «дань», угрожая в противном случае пойти войной на Иран. Однако недавно построенные укрепления, в том числе Дербент, вынудили хакана отступить и заключить с Ираном мир⁶⁸. Таким образом, покорение Предкавказья тюрки начали с восточных районов, где селились беленджеры и хазары.

К 576 году, по данным византийских источников, тюрками были покорены аланы и утигуры⁶⁹. Последние жили в Восточном Приазовье и ранее были частыми союзниками Византийской империи в причерноморской политике. Так тюрки расчищали себе обходной путь в Византию — через Кавказ или Крым.

Феофилакт Симокатта сообщает, что до начала междоусобной войны в Тюркском каганате, то есть до 581 года, каган «предал вождя племени колхов на истребление мечу», причем якобы колхов было уничтожено не менее 300 тыс.⁷⁰ Колхидское царство (Лазика, груз. Эгриси) сохранялось с античных времен на западе Грузии. Географическое положение Колхиды позволяет датировать завоевание ее тюрками после покорения алан.

Стремление тюрков на запад было обусловлено и экономическим фактором. После завоевания Средней Азии они получили в свое распоряжение основную часть Великого шелкового пути. Главными посредниками в торговле шелком на этом отрезке традиционно являлись согдийцы, которые и сами производили высококачественный шелк. После завоевания Центральной и Средней Азии тюрки стали обладателями огромных запасов дорогих тканей. Ранее китайский и среднеазиатский шелк выгодно сбывали в Иран и Византию, но в VI веке, когда в этих странах появился свой шелк-сырец, продвижение товара далее на запад через посредников стало затруднительным. Это была одна из главных причин войн Тюркского каганата с Ираном. Нельзя не учитывать этот фактор и при рассмотрении отношений тюрков с Византией.

В Причерноморье тюрки столкнулись с владениями Византии, и в 576 году, согласно сведениям Менандра, при поддержке утигуров взяли Боспор и вторглись в Крым⁷¹. Сообщение о византийском посольстве к тюркам, датированное тем же годом, является первым бесспорным свидетельством появления тюркоязычной речи в Восточной Европе⁷². Таким образом, появление тюрков как значимой силы в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе датируется не ранее 60-х годов VI века.

К тому времени Тюркский каганат представлял собой пестрый конгломерат этно-политических образований, управляемых почти самостоятельными ханами (хотя и находившимися в родстве между собой). В 581 году, после смерти великого кагана Тобохана, между членами правящего рода Ашина началась борьба за власть, завершившаяся только в 603 году. Первый Тюркский каганат окончательно разделился на Западный (от Алтая до Крыма) с центром в Семиречье и Восточный (от Алтая до Великой Китайской стены) с центром на реке Орхон.

Западный каганат просуществовал после этого немногим более полувека. Власть каганов достоверно распространялась на территории от Алтая и бассейна Тарима до верховьев Амударьи и Гиндукуша. В отношении же европейских территорий сохранилось значительно меньше источников, позволяющих оценить степень зависимости Юго-Восточной Европы от Западного каганата.

В письме кагана тюрков императору Маврикию (598 г.), которое приводит Симокатта, каган именуется «великим владыкой семи племен и повелителем семи климатов вселенной»⁷³. Таким образом каган официально сообщал византийскому императору об окончании междоусобных войн и приглашал к дальнейшему сотрудничеству. Но ответные посольства не последовали, и причиной тому явились не только внутренние бедствия, но и внешнеполитические неудачи Византии. «Семь климатов» во владении кагана — явное преувеличение. Под климатами здесь разумеется традиционное разделение ойкумены на семь климатических поясов, известное с античных времен и особенно популярное в арабо-персидской географии. К первому климату, например, традиционно относились территории Йемена, Судана, юг Индии и Китая, то есть земли, не подвластные каганату за все время его существования. Почему каган называет себя владыкой семи племен — не ясно, ибо китайские источники во времена Истеми-кагана фиксируют, как указывалось выше, десятиплеменную структуру. Возможно, это изменение связано с отделением части племенных союзов в ходе смуты 581—603 годов. Само письмо кагана Маврикию и исторический экскурс Симокатты также не позволяют сделать вывод о господстве тюрков в Восточной Европе, в частности в Причерноморье. Все события, описанные Симокаттой, происходят в азиатской части Западного каганата. Вообще, упоминания о тюрках конца VI — начала VII века в византийских источниках связаны с проблемой византийско-персидских отношений.

В Причерноморье Византию интересуют не тюрки, а авары и славяне, о которых и собиралась основная информация⁷⁴. Это ясно демонстрирует «Стратегикон», автором которого признается сейчас Маврикий: в главе о способах войны «со скифами, т.е. аварами, а также турками и подобными им народами» император всю характеристику тюрков помещает в одно предложение, посвятив всю главу рассказу об аварах⁷⁵. Не упоминаются тюрки и как владельцы Кавказа и Крыма. Все эти факты свидетельствуют о резком снижении политической активности тюрков в Восточной Европе. Крым и Северное Причерноморье выпали из сферы их влияния.

И все же некоторые косвенные данные позволяют говорить, что в части Восточной Европы, а именно на Северном Кавказе, роль тюрков в конце VI — начале VII века продолжала оставаться довольно значительной. В Северном Причерноморье, судя по всему, тюрки применяли наиболее типичную для кочевников модель завоевания: завоеватели и завоеванные сосуществуют на расстоянии, получение прибавочного продукта осуществляется посредством дистанционной эксплуатации (набеги, вымогание подарков и т.п.). Но Северо-Восточное побережье Каспия издревле имело громадное торговое и, следовательно, стратегическое значение. Обойтись на этой территории типичной формой эксплуатации — значило мгновенно ее потерять. Поэтому часть тюрков была переселена на равнины современного Дагестана во главе с одним из представителей правящей династии⁷⁶. Тюркский суперстрат ясно прослеживается у средневековых хазар, а также жителей постаршего образования Сарир. Возможности контроля над этой колонией с самого начала зависели от политической ситуации в самом Западном Тюркском каганате. Со сниже-

нием политической активности тюрков в Восточной Европе тюрки Прикаспия были фактически предоставлены сами себе.

Участие Западного Тюркского каганата в восточноевропейской политике прослеживается лишь в период его кратковременного подъема, который приходился на правление Тон-ябгу. В 627—628 годах Тон-ябгу-каган лично принял участие в войне Византии против сасанидов и вторгся в Закавказье. Многие исследователи полагают, что именно тюркские войска захватили и разграбили Дербент и Тбилиси⁷⁷, хотя во всех аутентичных источниках упоминаются, наряду с тюрками, хазары (термин «тюрки» в некоторых поздних памятниках является пояснением к этнониму «хазары»).

Тон-ябгу, помимо удачной внешней политики, пытался упорядочить (путем ужесточения) систему власти в каганате, прежде всего в среднеазиатских владениях, которые практически уже были независимы. В частности, местные владетели были пожалованы титулами тюркской иерархической системы. Однако «интеграция» не удалась. Противодействие ей оказали даже не среднеазиатские правители, а тюркская племенная знать, усилившаяся в ходе удачных военных походов. В результате Тон-ябгу в 630 году был убит своим дядей, который провозгласил себя каганом. С этим не согласилась часть правящего клана, поддержав другого претендента. В борьбе за власть тюркская знать раскололась на две племенные коалиции — дулу и нушиби⁷⁸. Так началась смута, ставшая для Западного Тюркского каганата последней. В результате каганат сначала раскололся на две части с границей по реке Или, а в 657 году в Семиречье вторглись китайские войска, положившие конец этому кочевому протогосударству.

В целом роль Тюркского каганата в истории европейской степи и лесостепи далеко не была решающей. Большинство тюркских завоеваний оказались непрочными, по крайней мере в источниках уже в конце VI века, то есть через четверть века после нашествия тюрков, фиксируется возвращение предшествующей расстановки сил в регионе. Вполне возможно, что применялась наиболее типичная для кочевников модель завоевания: завоеватели и завоеванные сосуществуют на расстоянии, получение прибавочного продукта осуществляется посредством дистанционной эксплуатации. Но подтвердить это археологическими данными невозможно. Другая ситуация сложилась в стратегическом для тюрков районе Прикаспия, где на территории хазар был оставлен военный гарнизон. Тюркский суперстрат ясно прослеживается у средневековых хазар, а также жителей постаршего образования Сарир.

Однако тюркская экспансия, а также нашествие авар подтолкнули становление в Северном Причерноморье крупного постаршего образования на кочевой основе — Великой Булгарии, объединившей ряд позднегуннских племен Причерноморья (булгар, кутригур, оногур).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кесь А.С. Аральское море в голоцене // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 20.

² См.: Толстов С.П. Периодизация древней истории Средней Азии // КСИИМК. 1949. Вып. 28. С. 27.

³ См.: Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 121—123.

⁴ См.: Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск, 2000. С. 196—197.

⁵ См.: Толстов С.А. Древний Хорезм. М., 1948. С. 256—259.

⁶ См.: Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч. Т. 5. М., 1963. С. 563.

⁷ См.: Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. С. 28—32.

⁸ См.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Л., 1950. Т. 1. С. 233.

- ⁹ По сообщению Феофана Исповедника, авары, «бежав из своей страны, пришли в области Скифии и Мизии» (Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). М., 1980. С. 52).
- ¹⁰ Симокатта Ф. История / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1996. С. 188.
- ¹¹ Чуть ниже Симокатта называет это племя «огор». См.: Симокатта Ф. История. С. 189.
- ¹² Вероятно, Черный Иртыш, между которым и рекой Сырдарья простиралось степное пространство, впоследствии известное как Дешт-и-Кипчак. Одно из основных мест кочевий гунно-сарматских племен в середине I тыс. н.э.
- ¹³ Ср. в «Космографии» Равеннского Анонима: «Uni, qui et Avari». (См.: Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 198).
- ¹⁴ Юстиниан I Великий правил в 527—565 годах.
- ¹⁵ В сирийской хронике Псевдо-Захарии (середина VI века) абары упоминаются по соседству с барсилами, савирами, булгарами, хазарами и др. (См.: Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 165).
- ¹⁶ См.: Симокатта Ф. История. С. 189.
- ¹⁷ См.: Diczfer G. Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. Wiesbaden, 1973. Vol. 17. № 1; Кызласов Л.Р. Древняя Тува. Л., 1979. С. 79—120.
- ¹⁸ См.: Седов В.В. Славяне в раннем Средневековье. М., 1995. С. 110—114.
- ¹⁹ См.: Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 257.
- ²⁰ См.: Altheim F., Haussig H.W. Die Hunnen in Osteuropa. Ein Forschungsbericht. Baden-Baden, 1958. S. 27, 49.
- ²¹ См.: Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995. С. 47—48.
- ²² См.: Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 39—40.
- ²³ Гунны-эфталиты (или «белые гунны») являются отдельным этносом саксо-массагетского происхождения с сильной примесью гунно-тюркских элементов. (См.: Средняя Азия в раннем Средневековье. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху Средневековья // Археология. М., 1999. С. 12—13).
- ²⁴ См.: Новосельцев А.П. Государство сасанидов // История Востока. Т. 2. Восток в Средние века. М., 1995. С. 30.
- ²⁵ См.: Ananias of Shirak. The Geography: the Long and the Short Recensions / Introduction, Translation, Commentary / Ed by R.H. Newsen. Wiesbaden, 1992.
- ²⁶ См.: Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. — VII в. н.э. М.; Л., 1959. С. 209—212; Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951. С. 136.
- ²⁷ Чичуров И.С. Указ соч. С. 58.
- ²⁸ См. там же. С. 96—97.
- ²⁹ См.: Кляшторный С.Г. «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп // ДГ. 1998. М., 2000. С. 121.
- ³⁰ Чичуров И.С. Указ. соч. С. 61.
- ³¹ Altheim H. Geschichte der Hunnen. Berlin, 1960. S. 91.
- ³² Чичуров И.С. Указ. соч. С. 162.
- ³³ См.: Хоренаци М. История Армении. М., 1869. Т. 2. С. 58.
- ³⁴ См. там же. С. 65.
- ³⁵ См. там же. С. 85.
- ³⁶ См.: Патканов К. Из нового списка «Географии», приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал Министерства народного просвещения. Вып. 226. 1883. С. 27—30.
- ³⁷ См.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997. С. 67.
- ³⁸ Начиная со второй половины IV века всех кочевников южноуральского и нижневолжского происхождения называли «гуннами». Таким образом гунны как доминирующий этнос вытеснили в глазах «цивилизации» сарматов.
- ³⁹ Латышев В.В. Указ. соч. Т. 1. С. 823.
- ⁴⁰ См.: Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960. С. 102—103.
- ⁴¹ См.: Латышев В.В. Указ. соч. Т. 1. С. 843—844.
- ⁴² См. там же. С. 841—843.

- ⁴³ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 72.
- ⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 11.
- ⁴⁵ См. там же. С. 231; Кулаковский Ю.А. Указ. соч. С. 260.
- ⁴⁶ См.: Латышев В.В. Указ. соч. Т. 1. С. 265.
- ⁴⁷ Кесарийский П. Война с готами. М., 1996. С. 207.
- ⁴⁸ Чичуров И.С. Указ. соч. С. 50.
- ⁴⁹ В раннем Средневековье савиры (сувар) известны также в числе племен Среднего Поволжья, где они приняли активное участие в этногенезе волжских булгар. Но, судя по данным археологии, эти савиры не связаны напрямую с обитателями предгорий Кавказа. Пути кавказских и поволжских савир разошлись еще в начале Великого переселения народов.
- ⁵⁰ См.: Симокатта Ф. История. С. 189.
- ⁵¹ См.: Kitab al-a'lak an-nafisa VII auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh. Leiden, 1892 (Bibliotheca geographorum arabicorum. VII). P. 147.
- ⁵² Именно та группа авар, что осела в VI веке в Предкавказье, дала название наследнице Сарира — Аварии, известной на территории Дагестана в региональных хрониках начиная с XIV века.
- ⁵³ См.: Бейлис В.М. Из истории Дагестана VI—IX вв. (Сарир) // Исторические записки. М., 1963. Т. 78.
- ⁵⁴ См.: Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: В 2 т. Т. 1. М., 1962. С. 124.
- ⁵⁵ См.: Kitab at-tanbih wa'l-ischraf auctore al-Mas'udi / M.J. de Goeje. Leiden, 1894 (Bibliotheca geographorum arabicorum. — 8). P. 83.
- ⁵⁶ Чичуров И.С. Указ. соч. С. 51.
- ⁵⁷ См. там же.
- ⁵⁸ См.: Moravcsik Gy. Byzantium and the Magyars. Budapest, 1970. P. 41.
- ⁵⁹ См.: Altheim H. Op. cit. Bd. 2. S. 20.
- ⁶⁰ См.: Кесарийский П. Указ. соч. С. 388.
- ⁶¹ См., напр.: Haussig H. Theophylakt's Exkurs über die skytischen Völker // Byzantion. — 1953. № 23. S. 363; Чичуров И.С. Указ. соч. С. 107; Артамонов М.И. Указ. соч. С. 105.
- ⁶² См.: Иордан. С. 67.
- ⁶³ Симокатта Ф. История. С. 191.
- ⁶⁴ См.: Пигулевская Н.В. Указ. соч. С. 165.
- ⁶⁵ Кесарийский П. Указ. соч. С. 384.
- ⁶⁶ См. там же. С. 434—436.
- ⁶⁷ См.: Беладзори. Книга завоевания стран // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927. С. 9.
- ⁶⁸ См.: Аби Джа'фар Мухаммад бин Джарир ат-Табари. Та'рих ал-умам ва-л-мулук. Бейрут, 2003. Т.1. С. 251.
- ⁶⁹ См.: Византийские источники / Пер. с греч. Дестуниса С. СПб., 1861. С. 420.
- ⁷⁰ См.: Симокатта Ф. История. С. 190.
- ⁷¹ См. там же. С. 423.
- ⁷² См.: Кызласов Л.Р. Первый Тюркский каганат и его значение для истории Восточной Европы // Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998. С.347.
- ⁷³ Феофилакт Симокатта. История. С. 188.
- ⁷⁴ См., напр.: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII—IX вв.). М., 1995.
- ⁷⁵ См.: Маврикий. Тактика и стратегия / Пер. капитан Цыбышев. СПб., 1903. Кн. 11. Гл. 3.
- ⁷⁶ Такой путь широко известен в кочевых империях. Некоторые из них и формировались по этому пути (государство ильханов, Северная Вэй и т.п.).
- ⁷⁷ См.: Артамонов М.И. Указ. соч. С. 202—203; Кляшторный С.Г. Первый Тюркский каганат // История Востока. Т. 2: Восток в Средние века. М., 1995. С. 66.
- ⁷⁸ Изначально «пять племен нушиби» и «пять племен дулу» представляли собой соответственно западные и восточные «пять стрел» десятистрельного племенного союза Западного Тюркского каганата (См.: Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб., 2000. С. 87).

Ю.И. Лосев, И.М. Эрлихсон

ВОПРОСЫ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ
В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАКТАТАХ И ПУБЛИЦИСТИКЕ
ПЕРИОДА РЕСТАВРАЦИИ (1660—1689 ГОДЫ)

Проблемы, связанные с различными аспектами иммиграционной политики, в последнее время приобрели чрезвычайную остроту и актуальность как в национальных, так и в мировых масштабах. Это обусловлено, во-первых, тем, что глобализация, охватывающая все сферы человеческой жизнедеятельности, значительно активизировала процессы миграции и интеграции в современном мире. Во-вторых, высокий жизненный уровень и широкий спектр социальных гарантий, характерные для развитых капиталистических стран, потенциально притягательны для легальных и нелегальных иммигрантов из стран третьего мира. В-третьих, в последние десятилетия прошлого века произошли глобальные изменения геополитического пространства, связанные с распадом многонациональных государств. Это привело к серии непрекращающихся территориальных споров и вооруженных столкновений в странах «социалистического лагеря» и особенно в бывших союзных республиках. В этой связи проведение взвешенной иммиграционной политики, обеспечивающей

в первую очередь экономические, религиозные и социальные гарантии коренного населения страны и в то же время позволяющей использовать позитивный потенциал иностранных граждан, является актуальной проблемой для

любой экономически развитой страны. В рамках решения этой проблемы несомненный практический и научный интерес представляет обращение к опыту Англии, чей подход к решению проблемы иммиграции, заложенный более трехсот лет назад, исторически оправдал себя и немало способствовал ее дальнейшему политическому и экономическому процветанию.



**Эрлихсон
Ирина
Мариковна,**
кандидат
исторических наук,
ассистент РГПУ
им. С.А. Есенина



**Лосев
Юрий
Иванович,**
доктор
исторических наук,
профессор РГПУ
им. С.А. Есенина

Англия была одной из первых европейских стран, где иммиграционная политика стала предметом оживленной общественной дискуссии, в которой в равной степени приняли участие представители всех слоев английского общества: простые ремесленники, члены палаты лордов, экономисты, религиозные и общественные деятели, политические философы. Начало этой дискуссии современные исследователи относят к 50—60 годам XVII века, ознаменованным не только изменениями политического и религиозного устройства страны,

но и трансформацией экономического уклада, выражавшейся в постепенном переходе к капиталистическим формам отношений в аграрном и промышленном производстве. Именно совокупность практических проблем, связанная с формированием новой формы производственных отношений, обусловила повышенный общественный интерес к проблемам национальной экономики. «Если в период гражданской войны и протектората О. Кромвеля энергия публицистов была направлена в основном на обсуждение политических и нравственно-религиозных вопросов, то после 1660 года она вошла в более «приземленное» русло экономики»¹.

Во второй половине XVII века Англия оказалась в числе тех европейских стран, правительства которых взяли курс на поощрение роста численности населения всеми доступными им средствами. Однако в странах континентальной Европы эта тенденция определялась демографической и военной мотивацией: Франция нуждалась в людской силе для воплощения в жизнь военных амбиций Людовика XIV особенно после потери гугенотов в связи с отменой Нантского эдикта в 1686 году; Германия была буквально опустошена: в сражениях Тридцатилетней войны она потеряла почти треть своего населения; целью же Англии было увеличение численности прежде всего работоспособного населения. Процесс становления капиталистических отношений в аграрном и промышленном производстве, с одной стороны, сопровождался пауперизацией населения и ростом безработицы, а с другой — требовал расширения предложений на рынке труда. В представлении же экономистов и общественных деятелей второй половины XVII века, начинавших осознавать ценность человеческого капитала, один из основных путей улучшения конъюнктуры на рынке труда заключался в снятии иммиграционных барьеров и привлечении в страну квалифицированных иностранных работников.

Другими словами, стремление Англии к росту народонаселения объяснялось скорее экономическими, нежели военными или демографическими мотивами. По представлениям зрелых меркантилистов второй половины XVII века, для поддержания активного внешнеторгового баланса необходимо вывозить как можно больше ценных товаров, в создании которых основное значение имеет труд. Из положения «труд — источник богатства» автоматически вытекал следующий тезис: «население — величайшее сокровище страны». В 1673 году неизвестный автор писал: «Англия ни в чем так не нуждается, как в людях работающих и умелых, которые, производя сельскохозяйственные и промышленные товары, будут способствовать росту национального благосостояния»². Памфлетист К. Рейнел в произведении «Настоящий интерес Англии» жаловался на невысокую плотность населения Англии, которая, по его мнению, была причиной снижения размеров производства и покупательной способности: «Тридцать тысяч погибли за время гражданской войны, двадцать тысяч переселились в Ирландию и на плантации, еще двадцать тысяч унесла чума и другие болезни. Если мы увеличим население на миллион, мы увидим, как улучшится состояние сельского хозяйства, торговли и промышленного производства»³.

Все возрастающее значение, которое придавали экономисты второй половины XVII века человеческому фактору в процессе создания материальных благ, и тот факт, что привлечение людских ресурсов для одной страны, по их мнению, оборачивалось убытком для другой, определило их отношение к иммиграции. В частности, английские политические деятели и экономисты в большинстве своем были сторонниками широкой иммиграции иностранцев-протестантов, бежавших от религиозных преследований на родине. Многие публицисты и экономисты выступали за уравнение иностранцев в гражданских правах с англичанами. Экономист Самуэль Фортри, сам бывший потомок французского гугенота, приводил три причины, по которым иностранцы должны были, покинув родину, поселиться именно в Англии. «Во-первых, английский климат приятнее, чем в какой-либо другой стране, — писал он, — во-вторых, английские законы лучше всего обеспечивают мир и спокойствие; в-третьих, английская торговля дает трудолюбивым и предприимчивым людям прекрасный шанс разбогатеть»⁴. Но, отмечал Фортри, Англия равно, как и Голландия, станет прибежищем для всех европейских протестантов только

при условии провозглашения принципа религиозной терпимости. «Отец политической экономии» Уильям Петти также с уважением отзывался о мудрой политике голландцев, которые, принимая иностранцев, получают сразу несколько выгод. Прежде всего, они избавляют себя от самых «неблагодарных», по мнению Петти, профессий — солдат и сельскохозяйственных работников. И, наконец, они увеличивают численность населения, так как дети иностранцев становятся полноправными гражданами Голландии⁵.

В отличие от голландцев, дававших возможность иммигрантам занимать низкооплачиваемые и непрестижные профессии, некоторые английские экономисты полагали, что наибольшую выгоду принесет натурализация квалифицированных ремесленников и состоятельных купцов. Они считали, что обмен опытом и здоровая конкуренция будут поощрять развитие торговли и мануфактурного производства. Самуэль Фортри выделял фактор конкуренции в качестве стимула экономического развития страны. «Англичане такие же ловкие и умелые, как и представители других наций, — подчеркивал он, — а конкуренция с иностранцами только способствует увеличению национального богатства и в любом случае укрепит положение Англии»⁶. Его современник Роджер Коук, доказывая выгодность экономической деятельности иммигрантов, писал: «Нет нужды перечислять все выгоды, приносимые бельгийцами, которые ведут торговлю в Кентербери, Норвиче и Кольчестере, но я отмечаю следующее. Ежедневная прибыль от Мэйдстоунской ярмарки возросла с 30 до 1000 фунтов стерлингов, с тех пор как в ее работе принимают участие шестьдесят семей, прибывших из других стран»⁷.

Просветитель Д. Дефо также считал, что увеличение численности населения будет успешно способствовать развитию английской торговли. Именно поэтому он неоднократно выступал в поддержку Закона о натурализации иностранцев. «Увеличение рабочих рук в нации усиливает и обогащает страну», — отмечал публицист⁸. Опасаясь иностранной конкуренции на рынке труда, Дефо предлагал расселить иммигрантов на пустующих землях в небольших колониях, чтобы они работали только для себя. Таким образом, по мнению Дефо, они будут увеличивать общественное богатство, не лишая работы местных жителей, и спустя некоторое время ассимилируются и станут «прирожденными англичанами»⁹. Сторонником привлечения в страну возможно большего числа иммигрантов был и другой великий английский мыслитель — Джон Локк. Его мотивация последовательно сводилась к доводам об экономической выгоде натурализации. Он считал, что приток новой рабочей силы должен повысить плотность населения, снизить тем самым «...непомерно высокие заработные платы английских рабочих, что устранил безработицу и будет способствовать процветанию английской промышленности»¹⁰. Как и большинство экономистов XVII века, Локк разделял концепцию об оптимальности максимально низкой оплаты труда, считая, что это гарантирует уменьшение себестоимости производимой продукции, обеспечивает большую занятость и, следовательно, является одним из способов борьбы с безработицей.

В защиту натурализации иностранцев выступал также Дадли Норт, который вообще был убежденным сторонником высокой мобильности рабочей силы как в национальном, так и в международном масштабе. «Нельзя ожидать, — писал он, — что ленивые и завистливые ремесленники одобряют приход в Англию иностранцев, которые, как они постоянно жалуются, едят их хлеб и забирают их работу. Но для нации в целом они принесут выгоду и тем, и другим. Поэтому, если бы парламент принял акт о натурализации иностранцев, то мы получили бы преимущество перед другими странами»¹¹. Таким образом, Норт рассматривал иммигрантов не только как рабочую силу, но еще и как потенциальных потребителей, так как именно потребление, считал он, являлось главной движущей силой экономики. «И бедняки, и даже бездельники простым потреблением товаров оказывают огромную услугу для общества», — писал Норт¹². Надо отметить, что аргументы подобного рода были распространены в XVII веке и даже использовались в парламентских дебатах периода Реставрации. Так, один из депутатов палаты общин, пол-

ковник Титус в 1672 году заявил: «Англии нужны люди, чтобы есть и работать, и неважно, откуда они прибыли и какую религию они исповедуют»¹³.

Еще одно преимущество либеральной иммиграционной политики отмечал У. Петти, а именно ту выгоду, которую может принести международный обмен опытом. Так, чтобы вернуть преимущество в суконной промышленности, он предлагал совершенно «не меркантилистическую» меру: «Предположим, что голландцы превосходят нас своим искусством; в таком случае, не лучше ли будет для нас перетянуть к нам некоторое число их умелых рабочих или послать туда наиболее способных наших людей, чтобы там изучить их искусство? Если они успеют в этом, то будет очевидно, что это был более естественный путь, нежели бесконечные разговоры о сопротивлении природе, задержке ветра и моря и так далее»¹⁴.

Однако, несмотря на многочисленные публикации в защиту натурализации иностранцев, отношение к данной проблеме было неоднозначным. Позицию, противоположную взглядам У. Петти, С. Фортри, Д. Норта, Д. Локка и Р. Коука, по данному вопросу занимал видный общественный и политический деятель второй половины XVII века публицист М. Гэйл. Его трактат «Рассуждения о невыгодности натурализации иностранцев» (1664), хронологически совпавший с обсуждением в парламенте Билля о натурализации иностранцев, стал своеобразным памятником традиционализма и консерватизма в вопросах иммиграционной политики. Гэйл указывал на то, что некоторые доводы об экономической выгодности натурализации только на первый взгляд звучат правдоподобно: «Говорят, что натурализация иностранцев повлечет за собой повышение ренты и цен на землю; будет способствовать процветанию английских мануфактур и превратит Англию в центр мировой торговли. Но все эти обещания не более чем прекрасный мираж, который развеется после принятия соответствующего билля»¹⁵. Гэйл отмечал, что сторонники натурализации, заботясь об увеличении национального благосостояния, забывают о том духовном, культурном и интеллектуальном ущербе, который неизбежно понесет английское общество в случае принятия Билля о натурализации иностранцев. «Давайте предоставим гражданские права протестантам, папистам, евреям, мусульманам и язычникам, — писал он, — и они наводнят каждый второй дом; станут объектом ненависти коренного населения; отравят и, в конце концов, уничтожат основы английских законов, религии и государственности»¹⁶.

Политическая и религиозная мотивация отрицательного отношения к либеральной иммиграционной политике была обусловлена в первую очередь общественным противодействием постоянным попыткам реставрации католицизма со стороны опиравшегося на поддержку Франции короля. Подобные представления в наиболее сконцентрированном виде были выражены неизвестным памфлетистом: «Разве найдется в мире хоть один папист, который даст клятву верности и сдержит ее? Так не удивляйтесь тому, что некоторые французские купцы (притворяющиеся протестантами) действуют в интересах своего короля. По моему суждению, в один прекрасный летний день следует выслать всех французских папистов на родину, а протестантов — в Ирландию, которая давно испытывает недостаток в населении»¹⁷.

Вместе с тем, следует отметить, что после 1660 года подавляющее большинство памфлетов, направленных против натурализации, выражало чисто экономические интересы финансистов и промышленников Лондонского Сити. Они опасались иностранной конкуренции и надеялись, что режим восстановленной монархии будет менее лояльным по отношению к иммигрантам, чем режим Кромвеля, во время протектората которого несколько голландских купцов в 1657 году получили гражданские права. Так, в «Петиции королю от лондонских ремесленников» говорилось следующее: «Узурпатор Кромвель своей неразумной политикой не только поправ английские законы, но и до основания разрушил английскую торговлю. В результате иностранцы ежедневно импортируют из Франции и других стран такие запрещенные товары, как шелка, кружева, драгоценности,

продают их оптом и в розницу, нарушая королевские статуты и старинные привилегии Лондона»¹⁸. Усилия ставленников финансовой и аграрной буржуазии частично оправдались, поскольку борьба за билли, дарующие гражданские права иностранцам, продолжавшаяся в парламенте на протяжении правления последних Стюартов, была практически безрезультатной.

Такая судьба постигла зачитанный в марте 1677 года в палате лордов Билль о разрешении иностранцам, имевшим семилетний опыт в торговых делах и разделявшим протестантскую веру, вести торговлю в пригородах Лондона, в Суррее и Эссексе. В первую очередь это касалось французов-гугенотов, которые бежали в Англию, спасаясь от религиозных преследований. Билль прошел в апреле 1677 года, но затем он «застрял» в палате общин, так как депутаты предложили расширить список претендентов на натурализацию ремесленников суконной и гобеленной промышленности¹⁹. Аналогичные билли обсуждались еще несколько раз, но не проходили из-за оппозиции представителей Сити, считавших, что прибытие иностранных купцов представляет серьезную угрозу торговым интересам Англии. К тому же не последнюю роль сыграли опасения правительства лишиться солидных сумм, поступавших от сбора пошлин, которые должны были платить иностранцы. При этом следует отметить, что процедура платной натурализации, помимо источника дохода для государственного бюджета, была и серьезным сдерживающим фактором иммиграции. В частности, анонимный автор в памфлете «Великий интерес Англии» (1673), написанном в защиту прав иностранцев, писал: «Предположим, что кто-то может потратить 50—60 фунтов на себя, но его состояния не хватит на натурализацию жены и детей, а «купленные» права не подлежат дальнейшему наследованию»²⁰.

Однако выдержанные в подобном духе произведения были скорее исключением, а в целом общественное мнение периода Реставрации было настроено против натурализации иностранцев. О существовавшем в обществе негативном отношении к иммиграции свидетельствует памфлет «Настоящее положение Англии», (1683) анонимный автор которого предупреждал, что французские гугеноты могут вытеснить англичан, и жаловался на то, что «...французские собаки едят хлеб английских купцов»²¹. Очевидно, что подобные шовинистические настроения масс явились естественной реакцией на католические настроения Якова II, отношение которого к протестантизму было широко известно. Но в то же время они являлись отражением абсолютистско-монополистической формы рождающихся капиталистических отношений. Торговые, промышленные и аграрные монополии, поддерживаемые государственным аппаратом, противодействовали не только на экономическом, но и на идейном и политическом уровнях конкуренции со стороны иностранных предпринимателей.

Не случайно, что именно во время правления Якова II была развернута широко-масштабная кампания против иностранцев и натурализации. Ее организатором стал представитель Лондонского Сити, предприниматель Ричард Пирс, в 1684—1722 годах занимавший должность сборщика пошлин с иностранцев. В свет вышли многочисленные публикации, авторы которых ставили своей целью дискредитацию иностранцев и стремились настроить общественное мнение против натурализации. Натурализация иностранцев, особенно французов, писали они, разрушит английскую торговлю и мануфактурное производство, приведет к увеличению объема ввозимой продукции и нарушению торгового баланса. В послании, адресованном палате общин, неизвестный автор утверждал, что натурализация и допущение к торговле иностранцев «неразумны» по отношению к английским купцам и опасны для государства. «В истории много примеров, доказывающих, что все беды государства происходят от иностранцев, — писал он. — Так, евреи разрушили Египет, а варвары — Рим. Я молю Бога, чтобы вы открыли глаза и осознали, что проявление милосердия в отношении ненавидящих нас французов, в конце концов, приведет к печальным последствиям»²².

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

Таким образом, в ходе дискуссии о целесообразности натурализации иностранцев экономические мыслители и публицисты второй половины XVII века обозначили целый ряд отрицательных и положительных явлений, с которыми бы столкнулась Англия в зависимости от выбранного правительством курса иммиграционной политики. Доводы противников привлечения иностранцев и предоставления им гражданских прав в основном сводились к следующему:

1) иностранная конкуренция будет оказывать негативное влияние на английскую торговлю и промышленность;

2) в силу принадлежности иммигрантов к различным религиозным конфессиям неизбежно возникнут религиозные разногласия, которые будут подрывать основы англиканской церкви;

3) непреодолимость культурно-национальных различий не только затруднит процесс ассимиляции с коренным населением Англии, но также разрушит английский уклад, традиции, духовную культуру и государственность.

В свою очередь их теоретические оппоненты акцентировали внимание на следующих преимуществах либеральной иммиграционной политики и предоставления иностранцам гражданских прав:

1) произойдет рост покупательных возможностей населения за счет увеличения числа потенциальных потребителей, а следовательно, активизация экономической жизни страны;

2) расширится рынок рабочей силы, который позволит уменьшить уровень оплаты труда и снизить себестоимость производимой продукции и соответственно создаст возможности для получения максимальной прибыли от ее продажи;

3) заполнится людской вакуум, образовавшийся в результате событий гражданской войны и оттока населения в североамериканские колонии;

4) будет стимулироваться развитие английской торговли и промышленности, благодаря международному обмену опытом и конкуренции.

Таким образом, представляется очевидным, что, хотя и противники, и сторонники Акта о натурализации частично затронули культурные, национальные и духовные аспекты обсуждаемой ими проблемы, все же в их дискуссии в связи с развитием капиталистических отношений в финансовой, аграрной и промышленной сферах преобладали аргументы экономического характера. Однако, несмотря на детальную концептуальную проработку проблем иммиграции, характерных для периода Реставрации, политическая нестабильность не позволила провести либерализацию иммиграционного законодательства на государственном уровне. Только укрепление режима конституционной монархии сделало возможным через 20 лет после Славной революции принять Акт о натурализации (1709), который законодательно закрепил кодекс основных демократических свобод и гражданских прав в сфере иммиграционной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Statt D. *Foreigners and Englishmen. The controversy over immigration and population 1660—1760.* L., 1995. P. 38.

² *The grand concern of England... by a lover of the country and Well-Wisher to the prosperity both of the King and Kingdom // Seventeenth century economic documents.* Oxford, 1972. P. 742.

³ Reynel C. *The true English Interest, 1674 // Ibid.* P. 758—59.

⁴ Fortrey S. *England's interest and improvement considered in the increase of trade.* L., 1744. P. 26.

⁵ См.: Petty W. *Treatise of taxes and contributions // The economic writings of sir W. Petty together with the bills of mortality by captain John Graunt / Ed. by C. Hull.* L., 1899. Vol. 1. P. 267.

⁶ Fortrey S. *Op. cit.* P. 19.

⁷ Coke R. *Discourse of trade.* L., 1970. P. 37.

⁸ Цит по: Лабутина Т.Л. Зарождение экономической мысли в буржуазной Англии. Проекты социально-экономических реформ ранних просветителей // Индустриальное и постиндустриальное общество. Пенза, 1995. С. 27.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ Цит. по: Statt D. Op cit. P. 156.

¹¹ North D. Concerning the values of land and fall of rents // Grassby R. The English man in trade. The life and works of Sir Dudley North. Oxford, 1994. P. 315.

¹² North D. Discourse upon trade. L., 1691. P. 15.

¹³ W. Cobbett' s Parliamentary history. L., 1808. Vol. 4. P. 518.

¹⁴ Petty W. Political arithmetic / P. 268.

¹⁵ Цит. по: Statt D. Op. cit. P. 62—63.

¹⁶ Ibid. P. 63—64.

¹⁷ An humble address to the honorable House of Commons on the behalf of the Traders of England against naturalizing Aliens // Seventeenth century economic documents. Oxford, 1972. P. 748—749.

¹⁸ A petition by London craftsmen against the aliens, 1660 // Seventeenth century economic documents. Oxford, 1972. P. 735.

¹⁹ См.: Debate on the naturalization of aliens, 1677 // Seventeenth century economic documents. Oxford, 1972. P. 746.

²⁰ The grand concern of England... P. 743.

²¹ Цит. по: Statt D. Op. cit. P. 165.

²² A humble address... P. 747—748.

М.Е. Лупанова

РОЛЬ ЕКАТЕРИНЫ II В СТАНОВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

За время своего царствования Екатерина II проявляла страстный интерес к просвещению, твердо веря в то, что оно способно преобразить человеческую натуру. Со временем императрица стала считать себя крупным знатоком в этой области. Когда она пришла к власти, начальными школами — там, где они существовали, — руководили в основном приходские священники. В городах простые церковники иногда брали учеников или содержали, как умели, пансионы. Иногда обучением занимались купеческие жены или отставные унтер-офицеры. Случалось, что помещики открывали школы у себя в имениях. В некоторых дворцовых владениях тоже существовали начальные школы, где крестьян обучали грамоте и основным навыкам хозяйствования.

Основу среднего образования составляли епархиальные училища, учрежденные при Петре I по образцу классических средних учебных заведений, распространенных во всей Европе. К 1764 году в России насчитывалось 26 таких училищ, в которых обучалось примерно 6 тыс. человек в основном из духовного сословия. Случалось, что дети и из других слоев общества получали классическое образование в училищах, а потом делали карьеру в армии или составляли основу третьего сословия. Петр I повелел монастырям и церковным прихо-

дам открывать так называемые «цифирные школы» для подготовки мальчиков 10—14 лет к службе на флоте. Но эти школы не стали популярными и впоследствии слились с более удачными армейскими гарнизонными школами, дававшими начальное образование детям бедных дворян, офицер, духовных лиц, рядовых солдат, унтер-офицеров, а также бродягам и сиротам, которые затем попадали в армию.



**Лупанова
Марина
Евгеньевна,**
кандидат
исторических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
иностраных языков
ВАИ

При Академии наук в Санкт-Петербурге была открыта для всех сословий гимназия, но набирать в нее учеников оказалось трудно. Несмотря на то, что в 1747 году был принят новый устав, согласно которому Академию обязали предоставлять гимназии двадцать стипендий. Дворяне и разночинцы могли учиться в академической гимназии и на собственные средства.

Но в основном гимназия комплектовалась учениками достаточно скромного происхождения, в том числе, например, детьми слуг президента Академии Кирилла Разумовского.

Предполагалось, что гимназия будет готовить детей к университету при Академии, но затея позорно провалилась: учащихся в ней практически не было, хотя академические стипендии в 1760 году составляли 100 рублей в год. Та же необходимость учредить одновременно среднее и университетское обучение ощущалась и при создании Московского университета

в 1755 году. При нем открылись две гимназии — для дворян и для недворян, и выпускники обеих впоследствии учились вместе в университете. Условия поступления в недворянскую гимназию были более простыми, чем в Санкт-Петербурге, благодаря, несомненно, влиянию ученого-энциклопедиста М.В. Ломоносова. Гимназия была открыта для учащихся всех сословий, в том числе и для сыновей крепостных крестьян, отпущенных хозяевами на волю, чтобы учиться.

Как и в Санкт-Петербурге, на первый курс студентов Московского университета пришлось набирать из учащихся епархиальных училищ, но затем их уже готовила гимназия, хотя и в малом количестве: в среднем с 1756 по 1774 год по двадцать человек в год¹. До 1767 года университетское преподавание велось главным образом по-французски и по-латыни. Большинство студентов были родом из бедных семей, но многие из них сделали выдающуюся карьеру, например: публицист Н.И. Новиков, драматург Д.И. Фонвизин и генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин.

В 1758 году в Санкт-Петербурге была основана Академия художеств, открывшая двери для талантливых молодых людей из мещан, разночинцев и даже крепостных (если хозяин отпускал их на волю). Всех студентов в Академии художеств обучали живописи, архитектуре, скульптуре, черчению, музыке и т.д.

Кроме того, в России в середине XVIII столетия имелось несколько профессиональных военных училищ, главным образом подготовивших офицеров для вооруженных сил: Сухопутный и Морской шляхетские кадетские корпуса, Инженерное и Артиллерийское училища. Эти учебные заведения сумели отойти от первоначально разработанной для них строго утилитарной программы. В частности, Сухопутный кадетский корпус, основанный в 1731 году и рассчитанный на 200 учащихся, являлся учебным заведением, где вырастали первые поколения русской элиты². Кадетский корпус привлекал множество учеников, потому что их выпускали с офицерским званием, и в 1762 году в нем училось 600 человек.

Блага просвещения в российском обществе распространялись не только через государственные училища и частные учебные заведения. Так, среди дворянства широко привилась практика найма наставников, хотя, как правило, наставники-иностранцы слишком часто оказывались непригодными к этому занятию в нравственном отношении и в смысле образовательной подготовки.

Екатерина II, проявляя интерес к проблемам образования, в 1762 году писала, что ее целью является «создание идеального человека и безупречного гражданина». В первые годы царствования императрица находилась преимущественно под влиянием Дж. Локка (его труд «О воспитании» был переведен в России в 1759), Фенелона (его «Приключения Телемака» и «Трактат о воспитании девиц» к середине столетия переводились несколько раз), а также Энциклопедии. Влияние Руссо было неоднозначным. Екатерина II отвергала идеи Руссо, поскольку он отрицал способность официальной системы просвещения «воспитывать» людей. Считалось не требующим доказательств, что именно просвещение может служить самым действенным фактором создания «идеального человека и безупречного гражданина», поскольку никаких «врожденных идей» не существует.

В 1763 году Екатерина назначила своим главным советником по вопросам просвещения И.И. Бецкого. Он же был директором Сухопутного кадетского корпуса, президентом Академии художеств и руководил строительством дворцов и общественных зданий. Это был человек большой культуры, гуманизма и самых добрых намерений, но при этом, кажется, суетливый, тщеславный и непрактичный. Тем не менее, многие годы он оставался одним из ближайших сподвижников Екатерины II. Через него она получала информацию из России и из других стран о принципах педагогики и организации учебных заведений.

В екатерининском «Наказе» вопросы народного просвещения затронуты очень бегло. В документе лишь говорится, что оно необходимо, и высказаны некоторые общие принципы педагогики, но не самой организации системы образования. Екатерина призна-

вала, что государство не в состоянии «дать общего воспитания многочисленному народу... в нарочно для того учрежденных домах»³. Но одна из «частных» комиссий Уложенной комиссии получила задание разрабатывать план системы народного просвещения. Екатерина направила членам этой «Частной комиссии об училищах и призрения требующих» специальную инструкцию, в которой указывала, что, поскольку домашнее образование поручено вниманию другой «частной» комиссии, их задача — заниматься не «хитростями наук», а системой организации начального, среднего и высшего образования, призванного обучить детей обязанностям будущих членов общества. Инструкция предусматривала открытие начальных училищ в городах и селах, в которых будут давать элементарное образование, в частности, учить детей грамоте «попеременно из церковных книг и из тех книг, которые законодательство содержат»⁴.

«Частная» комиссия, приступив к работе в мае 1768 года, обратилась к примеру английских университетов, прусской системы народного просвещения и «ирландских школ», изучила также различные проекты первой екатерининской комиссии по образованию. Однако в 1771 году ее деятельность прекратилась и никакого документа в качестве законченного проекта она так и не представила государыне. Но если за десять лет поиски модели системы просвещения плодов не принесли, то Екатерина достигла некоторого прогресса в выработке принципов обучения, учредила несколько учебных заведений, а те, где эти принципы могли применяться на практике, реорганизовала.

12 мая 1764 года было обнародовано «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», составленное И.И. Бецким и одобренное Екатериной (а возможно, отчасти продиктованное ею)⁵. В нем формулировались принципы, теоретически предназначенные для всех российских воспитательно-образовательных учреждений. Главной задачей объявлялось воспитание «новой породы человека», нового поколения. Воспитывать предполагалось наставлениями и нравственным убеждением. Через два года Бецкой составил дополнение к «Генеральному учреждению...», касающееся физического аспекта воспитания детей от рождения до юношеского возраста. Идеи Локка о допустимости телесных наказаний отвергались⁶.

Цель издания этих предписаний была наставительной. Их надлежало напечатать и разослать по всем соответствующим государственным учреждениям России и в Святейший Синод.

Указ об основании Московского воспитательного дома с родовспомогательной больницей был подписан в июне 1763 года, а уже в апреле 1764 года открылись двери этого учреждения. Воспитательный дом был задуман как частное, а не государственное заведение, то есть подчинялся непосредственно императрице, не отчитываясь ни перед каким государственным институтом.

Воспитательный дом позволял не только проверить на деле новые педагогические теории. Его существование отвечало также политике Екатерины в отношении народонаселения в целом и в частности модному стремлению создать в России третье сословие. Воспитанников надлежало обучать каким-нибудь рукоделиям или ремеслам, а самых способных отдавать учиться дальше, в Московский университет или в Академию художеств. Воспитанницам выделяли по 25 рублей на приданое при вступлении в брак, и всем по выходе из Воспитательного дома выдавали по рублю на первое время.

Общие принципы учреждения в России воспитательных училищ были опубликованы Бецким уже в 1767 году⁷, после чего такие заведения появились в Санкт-Петербурге и в ряде других городов. После реформы местного управления в 1775 году воспитательные дома постепенно переходили в ведение приказов общественного призрения и губернаторов на местах⁸.

В мае 1764 года было основано первое в России учебное заведение для девочек. Смольный институт благородных девиц во многом воспроизводил порядки Сен-Сира мадам де Ментенон. Расписание занятий включало чистописание, а также обучение хорошим манерам и нравственному поведению, иностранным языкам, музыке и танцам. Затем

открылся Новодевичий институт для воспитания мещанских девиц. Здесь давали такое же образование, хотя опускали, например, изучение генеалогии⁹.

Затем Екатерина II обратила внимание на Сухопутный шляхетский корпус, и в 1766 году для него был разработан новый устав¹⁰. Отныне в корпус принимались дети с очень раннего возраста и обучались до 21 года. Учебную программу расширили, включив в нее естественные науки, философию, этику, историю, международное право и другие дисциплины. Хотя Сухопутный кадетский корпус оставался прежде всего училищем, готовившим профессиональных военных, он стал также школой политического и гражданского воспитания¹¹ по образцу немецких риттер-академий — учебных заведений для дворянства, таких, как Берлинская дворянская академия, но в еще большей степени в подражание знаменитому парижскому королевскому военному училищу — Эколь милитэр.

Несмотря на то, что в период Русско-турецкой войны 1768—1774 годов никакого прогресса в создании российской системы народного просвещения не наблюдалось, императрица продолжала следить за теорией и практикой образования в других странах, в частности, за работой Иоганна Базедова в Германии. В 1774 году он основал в Дессау свою школу «Филантропии», которая немедленно привлекла к себе всеобщий интерес. Простая жизнь на открытом воздухе, преподавание *Realien* — «реальных предметов», обучение в процессе игры, совместное обучение мальчиков и девочек, религиозное воспитание без различия конфессий придавали идеям Базедова поразительное современное звучание. Екатерина II помогла одному из его учеников, К.Х. Вольке, открыть такую же школу в Санкт-Петербурге, заказала много экземпляров трудов И. Базедова, которые были распространены по учебным заведениям и розданы частным лицам, пожертвовала сама, а за ней и великий князь Павел крупную денежную сумму на его филантропические учреждения¹².

В 1775 году императрица вновь обратилась к проблемам образования в связи с разработкой «Учреждений для управления губерний». Обязанность открывать училища губернского и уездного уровня была возложена на приказы общественного призрения, которые надлежало учредить на местах при участии выборных представителей трех свободных сословий. Приказы получали исходную сумму в 15 тыс. рублей, частью на прямые расходы, а частью на периодические траты из прибыли. Сверх того многие штрафные сборы, налагаемые по суду, должны были перечисляться в приказы общественного призрения на нужды учебных заведений.

По мере того как новые институты постепенно вводились в губерниях, приказы общественного призрения брали под контроль существующие школы и открывали новые. Насколько успешной была эта их деятельность, зависело во многом от местных губернаторов и от личного и финансового участия дворянства. Инспекционная поездка, которую в 1780 году предприняла государыня по северо-западным областям России, дает некоторое представление о том, чего удалось добиться за пять лет и что еще предстояло сделать. Например, в Пскове ей доложили, что дворянство сумело собрать вполне приличную сумму на свое училище, а вот школу для мещанских детей так и не открыли. Екатерина немедленно пожаловала 1000 рублей на заведение городской школы, 500 рублей — на духовную семинарию, 300 — на сиротский приют и 400 — на богадельню.

Заметные сдвиги произошли в Полоцкой губернии. Как отмечено в «Дневной записке» путешествия императрицы, в 1780 году в Полоцкой губернии было уже шесть разных училищ, где училось 300 детей дворян и 130 из мещан. В Могилевской губернии открылись 32 школы, в которых насчитывалось 858 учащихся. В Смоленской губернии появилось 12 городских школ (не считая семинарии). В Новгородской губернии имелось 10 мещанских училищ¹³.

В развитии образовательных учреждений в Санкт-Петербурге играла роль как государственная, так и частная инициатива. В 1777 году было открыто государственное Коммерческое училище для купечества. В том же году публицист Н.И. Новиков объяв-

лял, что доходы от его нового начинания — издания ежемесячного журнала «Утренний свет» — будут направляться на организацию и содержание двух столичных школ. Первая из них, которая называлась училищем Святой Екатерины, открылась в ноябре 1777 года, вторая — Александровская — открыта в августе 1778 года. В 1781 году в обеих школах насчитывалось 95 учащихся¹⁴. Эти учебные заведения до того преуспели в сборе пожертвований, что в конце концов уже они субсидировали журнал «Утренний свет», а не наоборот, как было задумано.

В Санкт-Петербурге Екатерина II на собственные средства в 1781 году основала учебные заведения при Исаакиевском соборе¹⁵. В том же году при храмах было организовано еще шесть школ на средства и под руководством приказа общественного призрения.

В конце 70-х годов Екатерина отказалась от того подхода к принципам образования, которые изложил в своем Уставе И.И. Бецкой. Она пришла к выводу, что поскольку «Учреждения для управления губерний» 1775 года требовали, чтобы во всех губернских и уездных городах открывались школы, то государство обязано выработать руководящие указания для единой всероссийской системы образования, а не пускать учреждение школ на самотек. Более того, у нее теперь пробудился интерес к педагогическим методам — этот аспект просвещения в прежних Уставах едва затрагивался. Императрица стала обращать пристальное внимание на германские модели, при помощи которых удавалось воспитывать полезных и верноподданных граждан.

В 1782 году Екатерина II учредила комиссию экспертов для изучения различных систем образования, а 7 сентября 1782 года уже вышел Указ об образовании комиссии для заведения в России народных школ под председательством П.В. Завадовского¹⁶. На комиссию было возложено создание новой сети школ, системы подготовки учителей, составление учебников. В 1783 году в Санкт-Петербурге было открыто училище, при котором имела также учительская школа.

Новая комиссия взяла под контроль все частные школы в России, чтобы добиться их соответствия общегосударственным стандартам. На протяжении 1782 года новые методы преподавания были введены в столичных школах. В 1784 году комиссия получила приказ провести ревизию всех частных школ и пансионов и проэкзаменовать их преподавателей. В результате ревизии одна школа для иностранцев была закрыта, а остальные перешли в ведение комиссии. Все русские частные школы были закрыты, а их ученикам пришлось добровольно или принудительно перейти в открывавшиеся в Петербурге и Москве начиная с 1783 года новые государственные школы. Обе школы, основанные Н.И. Новиковым и его кружком, также вошли в государственную систему просвещения. В октябре 1775 года комиссия получила распоряжение обследовать все московские школы и убедиться, что обучение ведется только по утвержденным учебникам¹⁷.

5 августа 1786 года был принят Устав народных училищ Российской империи. Он предусматривал создание двухступенчатой системы бесплатных, доступных всем свободным сословиям России «главных народных училищ» в губернских городах и «малых народных училищ» в уездных городах с совместным обучением мальчиков и девочек. Создание сельских школ не предусматривалось, хотя в ранних проектах Екатерины они значились.

Уставом в деталях предписывалось, какие предметы следует преподавать учащимся, в каком возрасте, какими методами. Малые народные училища имели два класса (каждый класс — по одному году обучения) и главные усилия направляли на чтение, письмо, арифметику, а также на религиозное и нравственное воспитание. В главных народных училищах было четыре класса, где к названным предметам добавлялись геометрия, архитектура, механика, физика, история, география, рисование, а также языки: в России — латынь, в южных губерниях — греческий, на юго-востоке татарский и арабский, в Иркутске и Колывани — китайский. Преподавание французского языка осуществлялось частными учителями; вероятно, потому, что дворяне обучались ему дома, а прочим сословиям французский был ни к чему¹⁸. В Устав входила инструкция о преподавании ино-

странных языков с подробной программой занятий. Предполагалось, что французский язык исключили из школьной программы как язык извращенной вольнодумной мысли.

В дополнение к учебникам, переведенным на русский язык стараниями комиссии, учителя получили и наставление относительно своих моральных обязанностей — «Руководство учителям». В изданном на русском языке в 1783 году в данном «Руководстве...» в мельчайших деталях, столь любезных сердцу императрицы, перечислялись качества идеального учителя: благочестивый христианин, полный любви, бодрый, терпеливый, усердный, беспристрастный и снисходительный. Он был обязан помнить, что его дело — не только прививать знания, но и «просвещать», то есть воспитывать. Поэтому каждый поступок и жест учителя должны были тщательно взвешиваться, чтобы служить этой цели.

И ученикам тоже предназначалось нравственное руководство в виде брошюры, составленной на основании «Книги о должностях человека и гражданина», изданной в 1783 году и призванной внушить юношеству уважение к закону и властям.

Несмотря на постоянное обращение к авторитету Библии, тон «Книги о должностях человека и гражданина» был светским, «язык ее был языком просвещения». Светский тон Устава 1786 года и всех опубликованных с ним материалов поразил в XIX веке министра народного просвещения Д. Толстого. В 1886 году он писал, что «во всех 113 статьях Устава церковь не упомянута вообще, как будто христианское и нравственное воспитание — это не ее дело»¹⁹. Религии в новых школах учили, но не священники, а светские учителя, причем по учебникам, исходившим от Комиссии для заведения народных школ, а не от церкви.

В 60-е годы Екатерина II имела возможность использовать церковь как инструмент для развития образования в России. В это время Комиссия по церковным имениям обращалась к ней с предложениями о реформе духовных школ, об учреждении в Москве духовного университета. Под просвещенным руководством архиепископа Платона уровень обучения в приходских училищах несколько повысился, а число выросло с 6 тыс. в момент воцарения Екатерины II до 11 329 в 1783 году²⁰. Однако духовенство в целом оставалось малообразованным, и императрица никак не могла преодолеть свое глубинное недоверие к нему и привлечь священников в качестве учителей начальной школы. Дух ее собственных педагогических сочинений, таких, как «Гражданское начальное учение», написанных ею для внуков, был светским²¹.

Еще в одном отношении педагогические взгляды Екатерины II, выраженные в Уставе 1786 года, далеко опережали принципы и практику ее времени: в школах полностью запрещались любые телесные наказания, не позволялось даже драть учеников за волосы²².

Согласно Уставу 1786 года, главам 25 губерний надлежало немедленно приступить к организации новых народных училищ, а в 1788 году было приказано открыть училища еще в 16 губерниях²³, в том числе в Прибалтике, в трех губерниях Малороссии, в Тобольской и в Иркутской губерниях. В 1786 году в России существовало уже 165 училищ, где преподавали 394 учителя и училось 10 230 мальчиков и 858 девочек. К 1792 году эти цифры почти удвоились. После смерти Екатерины II эти показатели снизились, но снова поднялись к 1800 году. В этом году училища работали, например, во всех десяти уездах Московской губернии и во всех двенадцати уездах Рязанской губернии²⁴.

Комиссия для заведения народных школ продолжала выступать как своего рода Министерство народного просвещения, хотя ее функции прежде всего были контрольными и судебными. Она ведала координацией учебных программ, следила за квалификацией учителей, их служебным продвижением, жалованьем, учебниками и т.д., а также обеспечивала училища исходными фондами. В дальнейшем их должны были содержать приказы общественного призрения. За губернаторами сохранилось попечительство над народными училищами, которыми на местах руководили директора, входившие в губернские приказы общественного призрения, а в уездах — назначаемые инспектора. При действующей в России системе автоматического продвижения по службе преподаватель губернского училища мог выслужить потомственное дворянство, то есть чин восьмого

класса за 22 года преподавания, а учитель младшей школы — за 36 лет²⁵. Таким образом, учителя составили первый учрежденный в России профессиональный корпус гражданских служащих. Чтобы предотвратить уход учителей со службы по достижении дворянского чина, тем из них, кто получил образование за государственный счет, было запрещено оставлять школы. Учителя, совершившие проступки, по составлению комиссии подвергались наказаниям, причем иногда очень суровым. Педагога, напившегося пьяным (это был обычный проступок), могли приговорить к содержанию под стражей на хлебе и воде. За более серьезные преступления он мог попасть даже в солдаты²⁶.

Одновременно с формированием новой общегосударственной системы народного образования, императрица обратила критический взор на уже существовавшие образовательно-воспитательные учреждения, открытые в 60-е годы по советам И.И. Бецкого, которые явно не сумели вырастить «новую породу людей». Комиссия по народным школам в апреле 1783 года получила указание инспектировать Смольный институт благородных девиц. По итогам проверки она доложила, что преподавание там ведется в основном по-французски, что обязательное расписание не составлено, а учителя плохо подготовлены. Комиссия взялась исправлять положение в институте: ввела для начала преподавание на русском языке, постоянное расписание, а также свои собственные методы обучения. В то же время были реформированы Сухопутный и Морской шляхетские корпуса, причем из их программы были исключены некоторые далекие от военного дела предметы, такие, как скульптура. Сократились и еженедельное количество уроков, доходившие до сорока пяти²⁷.

Каковы же были результаты этих образовательных начинаний? Что касается общественного вклада в развитие системы просвещения, то он был, конечно, неравномерным и во многом зависел от позиции губернаторов на местах. Например, рязанский губернатор выстроил на свои средства каменный дом, в котором верхний этаж отвели под дворянское собрание, балы и маскарады, а в нижнем этаже разместился пансион для дворянских детей²⁸. Несомненно, это было лучше, чем существование училища под одной крышей с кухмистерской и питейным заведением!²⁹

Итак, общество не распространяло свое попечение на образование крепостных детей, но заботилось об образовании девочек. Многие дворяне не хотели посылать своих детей в государственные школы, где обучали без деления на сословия. Это служило стимулом к развитию частного образования: в России открывалось все больше частных пансионов.

Через два года после провозглашения образовательной реформы один из членов Комиссии по заведению в России народных школ совершил инспекционную поездку, из которой вернулся с несколько удручающими результатами. Общество откликнулось на начинания правительства в сфере просвещения, но далеко не единодушно. Если дворянство и наиболее просвещенная часть городских жителей вносили на школы довольно щедрые пожертвования, то большинство купечества и мещанства считало обучение классическим языкам и словесности совершенно бесполезным. Они считали, что для получения места в гражданской службе не требуется ничего, кроме хорошего почерка. Мещанство не устраивало также и младшие школы с их новомодными педагогическими методами, в которых собирались вместе дети бедных дворян, крестьян, солдат и пр. Ощущалась острая нехватка подготовленных чиновников для инспекции школ в приказах общественного призрения.

Правы ли историки, полагающие, что русское общество равнодушно относилось к нуждам просвещения, так как власти с ним не советовались и подавляли его инициативы? Очевидно, что политика Екатерины II, проводившаяся Комиссией, была направлена на установление полного государственного контроля над системой образования и ее унификации по всей стране. Этот монополистский подход опирался на веру в то, что власть просвещеннее общества, — мнение, которое внушали императрице многие ее иностранные советники, от Дидро до Джона Брауна³⁰. С точки зрения императрицы высшим властям следовало добиваться того, чтобы предложенная ими модель воспроизводилась по-

всеместно. Частным же лицам надлежало запретить учить детей как заблагорассудится. Все это говорит о твердом намерении Екатерины посадить Россию на строгую рационалистическую диету, приправленную полезной дозой утилитарной религиозности. И все же точку зрения, согласно которой в деле народного просвещения удалось бы достичь большего, если бы русскому обществу предоставили действовать свободно и сообразно его собственным убеждениям и взглядам, отстаивать трудно. Ведь до 1786 года оно достигло в этой сфере весьма немногого, а инициативу властей с самого начала встретило на удивление хорошо.

Означает ли выбор австрийской модели, что императрица потеряла былой интерес к воспитанию как к средству развивать безупречного разностороннего человека и склонилась в пользу системы, учившей, что цель воспитания — выращивать смиренных и полезных членов общества? В поисках альтернативы традиционной зубрежке классических текстов в гимназиях Екатерина выбрала не «естественное» воспитание по Локку или Руссо, но германский по духу режим дисциплины, повторения и порядка. Но мы можем задать вопрос: а разве где-нибудь реально существовала хотя бы одна школа, не говоря уже о целой системе просвещения, построенная на учении Руссо? Екатерина не видела, почему невозможно совместить воспитание «совершенного человека» с выращиванием добрых и полезных граждан, готовых честно трудиться каждый на своем месте. Принципы, которые она стремилась насадить посредством «Книги о должностях человека и гражданина», должны были приучить подданных проявлять покорность властям и не выступать против общественного строя. Эта брошюра до 1819 года переиздавалась еще одиннадцать раз, пока митрополит Филарет не запретил ее, полагая, что сознание долга должно основываться на религиозной, а не на светской морали³¹.

Выбор унифицированной системы образования логически вытекал из того умонастроения, которое руководило Екатериной II при разработке «Учреждений об управлении губерний». Подобно тому, как в Малороссии устанавливалась система управления без учета давних местных традиций, новая школьная программа и педагогические принципы внедрялись по всей Российской империи, в частных и государственных школах, независимо от языка обучения — русского, немецкого, татарского³².

Воплощались ли в жизнь педагогические принципы, заложенные в Уставе? Действовал ли запрет на телесные наказания? Для рассуждений на эти темы мы не располагаем достаточным материалом, хотя, например, барон Штейнгель, будущий декабрист, с чувством описывал дурное обращение, которому подвергался в Морском шляхетском корпусе в 80-е годы XVIII века³³. Помня о главной слабости русских учителей — пьянстве, можно полагать, что грубое обращение с детьми не прекратилось, да и в Европе того времени оно было общепринятым.

Учениками новых народных училищ никак не исчерпывалось число российских учащихся, получавших начальное и среднее образование вне дома. Около 1980 кадетов обучалось в военных училищах, примерно 12 тыс. в гарнизонных школах. Вместе с техническими училищами, семинариями, приходскими школами к концу екатерининского царствования в 549 государственных учебных заведениях обучалось около 62 тыс. детей³⁴. Никаких цифровых данных о сельских образовательных учреждениях нет, но, конечно, они действовали, хотя и не периодически. Приведенное нами число учащихся кажется ничтожно малым на фоне реальной численности населения России. Но развитие народного образования — процесс очень длительный, и начало ему в России было положено. Урожай же от семян, посеянных Екатериной, собрал ее внук Александр I.

В рассматриваемое время еще не делалось никаких попыток создания новых университетов. Императрица предложила Школьной комиссии разработать планы учреждения университетов в Пскове, Чернигове и в Пензе с медицинскими факультетами, но без богословских, как было принято в России³⁵. Однако из этих планов ничего не вышло, поскольку, видя, как трудно было набирать нужное количество студентов в Московский университет, казалось гораздо разумнее сначала сосредоточить ресурсы на развитии

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

нижних ступеней системы образования³⁶. В продолжение всего екатерининского царствования русские дворяне, разночинцы, сыновья духовенства непрерывным потоком отправлялись (на средства родителей или за казенный счет) учиться в иностранные университеты. Русские студенты учились в Лондоне, Лейпциге, Париже, Вене, Страсбурге. Например, в 1785 году в Страсбургском университете учились 44 русских студента, а в 1796 году, когда император Павел I отозвал из-за границы всех русских студентов, 65 учились в Вене и 36 в Лейпциге. Развивать университеты в России выпало императору Александру I.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1759 году в Московский университет поступило 18 учащихся, в 1760 году — 20, в 1763 — 25, в 1764 — 23, в 1769 — 18, а всего за период 1756—1775 годов — 318 студентов.

² Среди его выпускников в середине XVIII века были поэты А.П. Сумароков и М.М. Херасков, И.П. Елагин и А.В. Олсуфьев (оба впоследствии стали секретарями Екатерины II).

³ Мадариага де И. Россия в эпоху Екатерины Великой: Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 778.

⁴ Там же. С. 778.

⁵ См.: Полное собрание законов (ПСЗ). Т. 17. № 12103. 1764. 12 март.

⁶ См. там же. Т. 17. № 12785. 1766. 16 нояб. Ст. 88.

⁷ См. там же. Т. 18. № 12957. 1767. 13 авг. («Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества» Ч. 2, 3).

⁸ С точки зрения П.М. Майкова такой официальный надзор не мог не означать сокращения общественного участия в воспитательных домах и последующего их упадка. Но принять этот вывод без дальнейшего исследования невозможно.

⁹ См.: ПСЗ. Т. 16. № 12154. 1764. 5 мая. В этом документе также подробно развернуты организационные принципы. Девочек надлежало принимать в институт с 6 лет, и родители должны были обещать не забирать их домой до 18 лет.

¹⁰ См. там же. Т. 17. № 12741. 1766. 11 сент. Были составлены также новые инструкции для училища при Академии художеств.

¹¹ См. там же. № 12338. 1765. 7 март.

¹² К.Х. Вольке содержал один из самых престижных пансионов в русской столице с 1784 по 1801 год.

¹³ См.: Русское историческое общество: Сб. СПб. Т. 1. С. 384 и т.д. («Дневная записка путешествия ее императорского величества через Псков и Полоцк в Могилев...»). На каждой остановке Екатерина раздавала щедрые денежные пожалования на содержание школ и благотворительных учреждений, а также на развитие каменного строительства.

¹⁴ В 1780 году на школу Св. Екатерины было израсходовано 499,9 рубля, а на школу Св. Александра — 1398 рублей.

¹⁵ См.: ПСЗ. Т. 21. № 15121. 1781. 16 февр.

¹⁶ См. там же. № 16507. 1782. 7 сент.

¹⁷ См. там же. Т. 22. № 16058. 1784. 5 сент.; № 16275. 1785. 7 окт.

¹⁸ См. там же. № 16421. В Устав входила инструкция о преподавании иностранных языков с подробной программой занятий. Предполагают, что французский язык исключили из школьной программы как язык извращенной вольнодумной мысли.

¹⁹ Толстой Д.А. Городские училища в царствование Екатерины II // Записки императорской Академии наук. СПб., 1887. Т. 54. Прил. №1. С. 1—213.

²⁰ См.: Мадариага де И. Указ. соч. С. 791.

²¹ См.: Российская азбука для обучения юношества. СПб., 1781; Продолжение начального учения. СПб., 1783.

²² Руководство учителям первого и второго разряда. С. 106. (Запрещались также дурацкие колпаки, ослиные уши и т.п.)

²³ См.: ПСЗ. Т. 22. № 16726. 1788. 3 нояб.; ср.: там же. № 16147.

²⁴ Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVII—XIX вв. СПб., 1912. Т. 1. С. 606.

²⁵ См.: Устав 1786 г.; ПСЗ. Книга штатов. Т. 44. С. 200; Т. 22. № 16930. 1790. 16 дек.

²⁶ См.: Рождественский С.В. Указ. соч. С. 584 и т.д.

²⁷ См.: Толстой Д.А. Указ. соч. С. 22 и т.д. Другие государственные учебные заведения, такие, как Морской шляхетский корпус, Артиллерийское и Инженерное училища, Пажеский корпус, Горное училище и медицинские школы, которые сначала состояли при больницах, были реформированы в 80-х годах и приведены в соответствие с основными характеристиками нового плана.

²⁸ См.: Историческая записка Рязанской мужской гимназии. Рязань, 1904. С. 6.

²⁹ См.: ПСЗ. Т. 22. № 16443. 1786. 22 окт. (указ с распоряжением немедленно это прекратить).

³⁰ См., напр., у Дидро: «Ее величество имеет перед собой обширное поле, пространство, лишенное всяческих препятствий, на котором она может строить по своему усмотрению...» (Мадариага де И. Указ соч. С. 797.)

³¹ См.: Желваков Н.И. Хрестоматия по истории педагогики. М., 1938. Т. 4. Ч. 1. С. 172 и т.д.; С. 197 (прим. 10).

³² Большинство национальных языков Российской империи еще не имело собственной письменности или только вырабатывало ее. Поэтому не могло быть и речи о переводе и печатании учебников на этих языках, за исключением, пожалуй, татарского. Правда, в Остзейских провинциях русский язык в школах не преподавался.

³³ См.: Записки барона Штейнгеля // Общественные движения в России в первую половину XIX века / Под ред. В.И. Семевского. СПб., 1905. Т. 1. С. 283 и т.д. Кроме того, в Кронштадтском морском кадетском корпусе старшие кадеты помыкали младшими, в чем, возможно, отразилось сильное британское влияние на российский флот.

³⁴ По другим подсчетам, в 1782—1800 годах через государственные школы прошло 176 730 учащихся, 7 процентов из которых (12 595 человек) составляли девочки (См.: Мадариага де И. Указ соч. С. 799.)

³⁵ См.: ПСЗ. Т. 22. № 16315. 1786. 29 янв.

³⁶ Возможно, что все шаги в этом направлении были отложены из-за начала Русско-турецкой войны в 1787 году.

А.М. Родригес

МУСУЛЬМАНСКИЕ ДИАСПОРЫ В ЕВРОПЕ: ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

За три месяца до своей смерти (3 июня 1989 г.) религиозный иранский лидер Хомейни призвал мусульман всего мира казнить автора романа «Сатанинские стихи» С. Рушди. Эта ошеломляющая фетва стала настоящим политическим завещанием аятоллы, завершив 1989-й год и вместе с ним десятилетие расцвета исламистских движений, начало которому было положено исламской революцией в Иране в 1979 году. Фетва Хомейни явилась результатом столкновения двух противоположных символических направлений и событий. Тегеран был вынужден пойти на прекращение длительной войны с Ираком, продолжавшейся с 1980 до 1988 года, и расстаться с надеждами на свержение Саддама Хусейна. А Саудовской Аравии удалось сохранить гегемонию на выражение ислама, несмотря на попытки дестабилизации со стороны Ирана. В данном контексте фетва представляла собой попытку перехватить инициативу в этой области. Хомейни выступил в роли защитника всех мусульман, оскорбленных появлением романа, расцененного как покушение на мусульманскую честь, достоинство, религию и культуру, в то время как ни Эр-Рияд, ни зависимые от него организации не смогли помешать выходу в свет этой книги. Кроме того, фетва с 14 февраля 1989 года пере-

мешала сферу исламистского протеста, которой в 1980-х годах являлась Юго-Западная Азия, за пределы традиционных исторических границ сообщества правоверных, в Западную Европу, где проживал Салман

Рушди и выходцем из которой он являлся. Фетва против Рушди означала распространение *дар аль-ислам*¹ на весь мир, вовлекала в него мусульман-эмигрантов, делая из них заложников, а затем и участников борьбы противоборствующих сил за верховенство в мировом исламском пространстве. В течение следующего десятилетия в это пространство окажется втянутым и Запад, превращенный исламистами в новое поле битвы².

Одновременно с появлением короткого текста фетвы, «приговаривавшей к смерти» автора и издателей «Сатанинских стихов» и призывавшей «каж-

дого правоверного мусульманина немедленно привести приговор в исполнение, где бы он их ни повстречал», телевидение показало осаду Американского культурного центра в столице Пакистана Исламабаде 12 февраля 1989 года, в результате которой погибли пять человек и десятки были ранены. Среди раненых оказался и лидер партии деобандских улемов Мавлана Фазлур Рахман. Показывались также сцены, снятые месяц назад в Бред-форде (Йоркшир), где по инициативе городского Совета мечетей было устроено пуб-



**Родригес
Александр
Мануэлович,
доктор
исторических наук,
профессор, заведующий
кафедрой истории
стран Востока и Запада
МПУ**

личное аутодафе романа, на котором присутствовала многочисленная пакистанская община этого города³.

Разгул насилия, направленный против художественного произведения, напоминавший фанатизм эпохи испанской инквизиции и нацистские костры в Германии, вызвал недоумение и возмущение на Западе. Бредфордские активисты заявляли, что роман, изображавший женщин, в котором узнавались жены Пророка, как проституток, оскорблял честь ислама, представлял собой издевательство над его вероучением. Для них было не важно, что Рушди написал вымышленную историю, сюжет которой состоял в перевороте представлений и ориентиров в ходе оседания мусульманских иммигрантов в Европе в последней четверти XX века. Положение писателя осложнялось и его мусульманским происхождением, которое в глазах его противников делало из богохульника вероотступника, то есть преступника, которого шариат обрекает на смертную казнь, если он не покается.

В первые месяцы с момента публикации романа Рушди в сентябре 1988 года и до аутодафе в Бредфорде 14 января 1989 года тон задавали последователи Маудуди⁴, которые повели кампанию сначала в Индии и Пакистане, а затем в Англии через свое британское представительство «U.K. Islamic Mission». Они действовали через саудовские структуры с целью оказания давления на Лондон, дабы наложить запрет на эту книгу, но усилия не приносили результата. Во второй период — от аутодафе до появления фетвы — на сцену вышли последователи мусульманских школ деобанди⁵ и барелви⁶. Они будоражили массы, в Англии и Пакистане поднимая их против романа и его автора в отличие от дипломатии Эр-Рияда, остерегавшейся стихийных народных выступлений. Наконец, на третьей фазе, начавшейся 14 февраля с благословения Хомейни, мобилизация масс была дополнена демаршами на международной арене и угрозами терактов. На каждом из этих этапов руководящая роль переходила от одного исламистского течения к другому: к соперничавшим между собой саудовским ваххабитам, «Джамаат-и ислами» и «Братьям-мусульманам»⁷, с одной стороны, и Ираном — с другой, присоединился третий конкурент — индо-пакистанские улемы, прежде всего последователи школы деобанди: в 1990-е годы их влияние на международной исламистской сцене значительно возросло и из их среды вышли талибы.

Первая фаза мобилизации масс прошла с меньшим размахом, чем ожидалось. Собирались подписи под петициями с требованием запрета романа. Он был осужден влиятельными исламскими фондами (Лейчестерский в Великобритании и др.), запрещен его ввоз в Индию и т.п. Однако в конце декабря 1988 года генеральный прокурор Соединенного королевства отклонил требование о судебном преследовании романа.

Неудачный исход первой фазы кампании открыл путь народным манифестациям ассоциаций деобанди и барелви. Роман, вышедший на английском языке и повествующий о том, что находилось за рамками повседневной жизни этих британцев-мусульман, был им не интересен. Не руководствовались они и какими-либо геополитическими соображениями, а реагировали прежде всего на то, что считали оскорблением их веры и надругательством над исламом, то есть строгими правилами повседневного поведения, внушенными им в их родных медресе. Для руководителей этих ассоциаций, власть и авторитет которых зависели от абсолютной веры их адептов в непреложность и незыблемость догматических устоев ислама, любой текст, способный заронить сомнения — особенно в умах молодого поколения, более подверженного западному влиянию, — представлял опасность. Тем более что речь шла о Великобритании, где власть мулл как главных посредников между мусульманской общиной и властями королевства определялась степенью ментальной, языковой и культурной закрытости, отгораживавшей их паству от окружающего общества и препятствовавшей их прямому доступу в него. Оставленное без опоры «богохульство» «Сатанинских стихов» грозило вылиться, как и у героев романа, в пересмотр молодыми индо-пакистанцами традиционного образа мышления, а также правил подчинения и послушания религиозным лидерам деобанди и барелви. Кампания против Рушди служила для мулл своего рода защитой завоеваний: вот почему они подня-

ли своих сторонников, устроив сожжение романа в Бредфорде, а затем попытавшись поджечь Американский культурный центр в Исламабаде. Однако ярость — символическая или реальная — этих манифестаций, собиравших огромные толпы народа, не имела прямого политического последствия и выхода на сильных мира сего в отличие от кампании маудудистов, поддержанной саудовскими кругами, но не вызвавшей отклика у обывателей⁸.

Выпустив фетву сразу же после волнений в Исламабаде, Хомейни подхватил эту народную инициативу, придав ей столь недостающий политический размах: в одно мгновение она приобрела международный масштаб. До сих пор кампания велась против романа и лишь иногда сопровождалась нападками на автора с требованиями его смертной казни. Отныне, призывая казнить автора, британского подданного (не имевшего к тому же никакого отношения к Ирану), тегеранский вождь представал как неоспоримый лидер всех оскорбленных и униженных мусульман планеты, а кампания, что главное, выходила за традиционные границы мира ислама. В самом деле, согласно юридической доктрине ислама фетва не имела силы вне *дар аль-ислам* и таким образом Хомейни своим блистательным ходом ставил под свою юрисдикцию весь мир. Он не только навязывал свое лидерство всем шиитам и суннитам за пределами Ирана, но и выставлял себя в качестве высшего судьи для эмигрантов, живших в Европе, включив их в «территорию ислама». Этот двойной переворот имел серьезные последствия для соотношения сил в мусульманском мире и его взаимоотношений с Западом.

Хомейни удалось восстановить свой авторитет на всем исламском пространстве. В Иране, несмотря на робкие попытки «прагматического» течения во главе с председателем парламента Хашеми Рафсанджани, пытавшегося после бесславной войны против Ирака восстановить связи с Западом, Хомейни вновь ужесточил идеологическую пропаганду, доведя до предела радикализма политическую риторику. Обращаясь к обездоленным массам, разочарованным и дезориентированным, иранский вождь предлагал им вступить в грандиозную борьбу, основанную на морали и религии и способную отвлечь их от социального недовольства в стране, где растущая пауперизация масс сопровождалась стремительным обогащением религиозной буржуазии, людей базара, связанных с муллами.

«Сообщества», на которые стремился распространить свою власть иранский вождь, в значительной части состояли из иммигрантов в странах Западной Европы. Этот миграционный поток, начавшийся еще в первые десятилетия XX века, имел своей причиной поиск работы. Европейская промышленность нуждалась в дешевой рабочей силе, а иммигранты — в живых деньгах, которые они могли привезти на родину. В этой миграции не было ничего специфически «исламского», она не была связана ни с верой, ни с ее экспансией: так же поступало христианское население Южной Европы, отправлявшееся на заработки в северные страны. После Второй мировой войны, а затем в период после обретения независимости большинством мусульманских стран этот поток увеличился из-за возросших в Европе потребностей в рабочей силе, когда был приведен в действие план Маршалла и активно шла послевоенная реконструкция, а также из-за демографического взрыва в странах «третьего мира». До середины 1970-х годов те, кого называли тогда «иммигрировавшими рабочими», в своем большинстве были трудоустроены — в принимающих странах уровень безработицы был низок. Процесс пожизненного оседания иностранцев на новых местах еще не начался: «заинтересованные» организации (и европейские правительства) хотели видеть в них лишь «иммигрировавших» (а не «иммигрантов»), которые рано или поздно, как только достигнут своих целей, покинут страну, а на их место придут другие в соответствии с разумной «миграционной ротацией». Франция и Великобритания поощряли иммиграцию из своих бывших колоний: Франция — из стран Магриба и Западной Африки, Англия — с Индийского субконтинента. В Германии основную массу иммигрантов составляли турки. До октябрьской израильско-арабской войны 1973 года, называемой также войной Киппура или Рамадана, ислам, как мы уже упоминали, не представлял еще серьезного фактора и не являлся реальной силой в странах «третьего мира», где в то время господствовала националистическая идеология в ее

различных проявлениях. Выходцы из этих государств определяли себя в первую очередь в соответствии со своей недавно обретенной национальной принадлежностью, особенно если это право было завоевано в результате длительной национально-освободительной борьбы, как, например, в Алжире. Что же касается тех, кто воспринимал мир через призму религиозных категорий, то для них Западная Европа — это как *дар аль-куфр* («земля безбожия»), часть вселенной, находившаяся под игом немусульман, где в отличие от *дар аль-ислам* законы шариата не действовали. Это означало, что во Франции и Германии набожность иностранных пришельцев была практически незаметна их посещаемость: мечетей и молельных залов оставалась на низком уровне. Мусульмане в минимальной степени соблюдали некоторые запреты, касавшиеся употребления свинины или алкогольных напитков (последнего, кстати, в меньшей степени), совершали ежедневную молитву и постились в месяц Рамадан. Однако индивидуальный характер этой практики и отсутствие интереса к ней не позволяли давать ей количественные оценки. Лишь индо-пакистанские мусульмане Великобритании составляли в этом плане исключение: на протяжении столетия они привыкли, в частности, благодаря опыту деобанди и барелви, жить своим окружением, общиной, проникнутой религиозным духом, под властью немусульманского правительства, на полуострове, составляя лишь пятую часть его населения (в отличие от магрибинцев, африканцев и турок, приехавших из стран, преимущественно или целиком мусульманских). Они жили по шариату сами, без вмешательства государства. Прибыв в Великобританию после Второй мировой войны, многие из них переносили на английскую почву модель, выработанную в индуистском окружении.

Становление ислама в Европе с начала обоснования мусульман на новом месте жительства после октябрьской войны 1973 года и до 1989 года в значительной степени определялось политической расстановкой сил в странах, откуда они прибывали. Укрепление ислама зависело также от того, насколько тяжелым был период адаптации для рабочих-иностранцев. К условиям безработицы, мешавшей социальной интеграции и повышению профессиональной квалификации, добавлялись трудности семейного быта. Жены иммигрантов, совсем недавно воссоединившиеся с мужьями, не знавшие языка, были вынуждены вести затворнический образ жизни. Перед ними вставала задача невысочайшей сложности по социальной адаптации в новом обществе с чуждыми для них нравами и обычаями. Дети, получившие образование на французском, английском, немецком и голландском языках, бросали обществу иной вызов: оказавшись посредниками в общении с окружающим обществом, они нарушали иерархию поколений и обесценивали национальные культурные традиции своих родителей.

Именно в этих нестабильных условиях, когда традиционные ориентиры казались анахронизмами, а принимающее общество — непроницаемым или враждебным, формировалась новая исламская идентичность. Она отвечала чаяниям людей, которые когда-то приехали в Европу и теперь пытались найти себе. Потребность в самовыражении была особенно настоятельной в среде наиболее социально незащищенных, малообразованных иммигрантов, в первую очередь пострадавших от безработицы. На помощь им в этих условиях пришли исламистские движения, которые внесли четко установленные правила в обиход повседневной жизни, положив конец неопределенности. Наряду с новыми достижениями деобанди и барелви в Великобритании и во Франции усилилась активность «Таблиг», религиозного индийского движения, жестко регламентировавшего жизнь своих приверженцев, требуя от них неукоснительного соблюдения строжайшей дисциплины. Именно «Таблиг» подтолкнул их порвать с индуистским окружением и помочь покинуть родные места. Во Франции «Таблиг» удалось проникнуть даже в среду выходцев из стран Магриба, где традиционно это движение было представлено очень слабо. Многие переселенцы из Западной Африки оказались под плотной опекой братств Муридий и Тиджанийя, защищавших своих последователей (талибэ) от дестабилизирующих последствий миграции — ценой жизни, прожитой в рабочих общежитиях, похожих на гетто. Среди

турок Германии аналогичную роль играли братства Нурджу, Накшбандийя и Сулейманджи, которые в государстве, основанном Ататюрком, подвергались гонениям⁹.

До исламской революции в Иране европейские правительства имели поверхностное представление об исламе. Они считали его консервативной религией, чуждой любым революционным идеям и враждебно настроенной по отношению к коммунизму. Власти видели в исламе фактор стабилизации мусульманской части населения, которая, как они тешили себя надеждой, вернется однажды на родину предков. Во время массовых забастовок иностранных рабочих во Франции 1975—1978 годов администрация негласно поощряла открытие молельных помещений, которые вскоре заполнили проповедники «Таблига». В этом администрация видела противоводействие против левацкого радикализма и ключ к восстановлению социального мира. Однако возвращение Хомейни в Тегеран, распространение на французского «малого сатану» анафемы, которой предавался американский «большой сатана», насилие, приписывавшееся иранским «студентам, верным линии имама», обучавшимся в европейских университетах, — все это полностью перевернуло представления об исламе. Теперь благодаря тележурналам он ассоциировался с муллами, потрясавшими автоматами на демонстрациях в Тегеране. В этот же период Лига исламского мира, подконтрольная Саудовской Аравии, приступила к открытию своих филиалов в Европе. Их целью было финансирование строительства мечетей через местные исламские организации, которые Королевство Саудовской Аравии рассчитывало вовлечь в идеологическую орбиту ваххабизма путем втягивания в финансовую зависимость. В начале 1980-х годов зарождавшийся мир европейского ислама стал объектом конкуренции между различными идеологическими направлениями за лидерство в мировом исламском пространстве.

В европейском исламе этих лет исламистская интеллигенция была представлена студентами из стран мусульманского мира. Некоторые из них посвятили себя проповеднической деятельности и прозелитизму, но им было трудно привлечь на свою сторону иммигрантов-рабочих или безработных, с чьим жизненным опытом они не были знакомы. Первое поколение испытывало тяжесть эмиграции и ее последствий. После 1973 года оно жило под постоянной угрозой сокращения рабочих мест «синих воротничков» (разнорабочих) и было озабочено тем, как дать образование своим многочисленным детям, впитывавшим непонятную для них культуру. В религиозном плане для этого поколения пиетистские формы ислама были более привлекательны, нежели выступления активистов, поборников исламского государства, являвшихся источником всевозможных беспорядков и представлявших правителей своих стран как безбожников.

Положение изменилось в 1989 году, когда на смену старшему поколению иммигрантов пришли поколения, ассимилированные в европейской среде. Многочисленные социальные трудности, с которыми им пришлось столкнуться, в том числе закрытый доступ на рынок труда, привели к тому, что впервые на европейской земле появилась неимущая городская молодежь мусульманского вероисповедания. В отличие от своих родителей, они более внимательно прислушиваются к речам радикальных исламистских активистов — студентов из стран Магриба, Ближнего Востока, Турции, Индии, Пакистана, которые, будучи в том же возрасте, располагали богатым интеллектуальным капиталом, хорошо владели языком и прекрасно знали обычаи и нравы своих стран. Хотя дети иммигрантов имели о них весьма смутное представление, тем не менее, они слушали с огромным интересом рассказы о родине предков, с удивлением открывая для себя в некоторых деталях повествования знакомые им с детства истории, свидетельствовавшие об общности их генеалогических корней. Успех исламистской идеологии в молодом поколении объяснялся также несбывшимися надеждами 1980-х годов.

В складывавшихся условиях, благоприятствовавших исламистской *дава* (араб. «призыв», «проповедь»), ассоциации, связанные с движением «Братьев-мусульман», пакистанской «Джамаат-и ислами» и турецкой партии «Рефах»¹⁰, действовавшие в Европе, приспособили свою идеологию к запросам неимущей городской молодежи, которая каза-

лась им уже созревшей для прозелитизма. Этим объяснялся расцвет пропагандистской литературы на французском, английском, немецком и других языках, на которые переводились проповеди, читавшиеся в мечетях, брошюры с текстами Сайида Кутба¹¹ и Маудуди. Все это контрастировало с предыдущим десятилетием, когда языки стран происхождения были главным средством распространения исламистских идей. Кроме того, до 1989 года европейские государства были объявлены исламистскими движениями «заповедной» территорией: эти страны служили всего лишь местом вербовки активистов и сторонников, которые должны были вернуться в свои страны, чтобы вести единственную стоящую борьбу — против безбожных режимов. Было сделано все, чтобы избежать конфликта с местными властями. Высылка из страны активистов-хомейнистов, попытавшихся спровоцировать беспорядки в среде иностранных рабочих в начале 1980-х годов, стала ярким свидетельством того, что соотношение сил было явно не в пользу исламистов. В европейском исламе социальный план проповедничества был отделен от политического. Благотворительная деятельность, помощь нуждавшимся, моральная поддержка, то есть все проблемы повседневной жизни, были возложены на религиозные группы и аполитичные братства при поддержке консульств и «официальных» имамов, которые организовывали курсы по религиозному воспитанию детей иммигрантов. Исламистские же движения занимались вербовкой кадров для идеологической борьбы против алжирского, марокканского, тунисского, турецкого правительств, а также против индийского присутствия в Кашмире, но остерегались оказывать какое-либо давление на власти стран пребывания.

Таким образом, первые поколения европейской молодежи мусульманского вероисповедания коренным образом изменили ситуацию. Их родители, в большинстве своем так и не сумевшие вжиться в новую, чуждую для них культурную среду, часто несли на себе груз пережитков колониальной эпохи. Напротив, их дети стали уверенными в себе и в своих силах людьми, способными отстаивать свои права, различать врагов, добиваться своих целей в странах, гражданами которых они являлись и на языке которых говорили. Во Франции, Англии и Германии на образование, юстицию и полицию возлагалась ответственность за отчисление из школ, проблемы доступа на рынок труда, слишком частые задержания «за внешность» и т.д. Эти проблемы уже поднимались антирасистскими организациями в 1980-х годах, однако к концу десятилетия они встали с особой остротой, так как к этому времени антирасистское движение утратило свой престиж, а новые поколения становились все более многочисленными. Исламистская интеллигенция устремилась в эту брешь. Расставшись со стратегией «неприкосновенности» Европы, она решила вторгнуться на европейское политическое пространство, взяв на себя роль выразителя интересов неимущей городской молодежи, которую они по этому случаю назвали «исламской общиной». Смена стратегического курса подкреплялась теоретическим обоснованием: если мусульмане являются гражданами европейских государств, то эти страны уже нельзя более причислять к категории *дар аль-ахд*, то есть «территории договорного мира». В исламской доктрине этот термин служит для обозначения той части *дар аль-куфр* («территории безбожия», антипод *дар аль-ислам*), на которой верующие могут жить спокойно. В давние времена *дар аль-ахд* охватывал территории, правитель которых подписывал мирный договор с повелителем правоверных: последние — торговцы, путешественники, моряки — могли мирно предаваться здесь своим занятиям. В пределах *дар аль-куфр дар аль-ахд* противопоставлялся *дар аль-харб* («территории войны»), на котором мусульмане обязаны были вести джихад. На протяжении 1980-х годов только представители ливанской «Хизбаллах»¹², совершившие ряд террористических актов в Париже в 1985 и 1986 году, действовали так, будто Франция являлась частью *дар аль-харб*. Большинство же исламистов, обосновавшихся в Европе, вплоть до конца 80-х годов рассматривали ее территорию как *дар аль-ахд*. Следовательно, на «территории договорного мира» не подобало требовать применения законов шариата, поскольку правитель этих земель являлся *кяфиром*, «безбожником». Таким образом, исламистские организации, выступавшие от имени «общины», не могли действовать в данных условиях. В 1988 году

они объявили Европу территорией *дар аль-ислам*, так как проживавшее там многочисленное мусульманское население обрело гражданство европейских государств. Мусульмане могли объединяться в этих странах в исламские сообщества, практиковавшие законы шариата и имевшие полное право на политическое представительство¹³.

В Германии, Великобритании, Нидерландах эволюция исламистской доктрины не вызвала заметных изменений: каждое из этих государств согласно конституционным законам предоставляло этническим «меньшинствам» право на самоорганизацию в сообщества, даже поощряло их к этому. В Германии, где законы о натурализации делали чрезвычайно затруднительным получение гражданства турками и даже если они родились и получили образование в этой стране, общинная логика служила компенсацией за отказ в общественной интеграции, даваемой предоставлением гражданства. Не имея шансов стать немцами, эти люди были тем более вынуждены вести замкнутый образ жизни, говорить только на родном языке, покупать продукты в «этнических» магазинах, устраивать пикники в общественных парках и заставлять своих женщин ходить в платках. Умножая проявления своей «инаковости», это население усиливало позиции сторонников «права крови» в их жестком определении понятия «*Heimat*» (нем. — родина).

В Соединенном королевстве, где, напротив, на протяжении многих лет можно было легко получить британское подданство, особенно для выходцев из стран Содружества, даже если они не знали английского и не проявляли стремления к вживанию в культурную среду страны пребывания, правительство больше поощряло общинный образ жизни, чем индивидуальную интеграцию. Таким образом, английские власти продолжали «коммуналистскую» традицию Британской империи в Индии, при которой конфессиональная принадлежность индусов, мусульман или сикхов определяла их политическое представительство, а руководитель каждой религиозной общины становился выразителем интересов своих единоверцев во властных структурах. Так, в Бредфорде, Бирмингеме и других городах муниципалитеты передавали советам мечетей целый ряд посреднических функций во взаимоотношениях с их паствой: регулирование безработицы, благотворительную деятельность и др. В ответ на оказываемое доверие имамы агитировали своих прихожан голосовать за того кандидата от лейбористской или консервативной партии в парламент, который брал на себя обязательство поддерживать создание школ для девочек, чтобы не допускать для учениц-мусульманок смешения полов, считавшегося запретным, обеспечивать наличие *халляльных* блюд в школьных столовых и прочее, что способствовало бы общинной замкнутости и могло бы укреплять авторитет религиозных деятелей¹⁴.

Напротив, во Франции, где сразу две традиции — светскости и якобинства — противились введению религии в общественную сферу и созданию общинных перегородок между гражданином и государством, новый курс, выбранный исламистами-интеллектуалами, быстро выродился в конфликтную ситуацию вокруг ношения платка в учебных заведениях. В соответствии с республиканской логикой интеграции все учащиеся, невзирая на социальное, этническое или религиозное происхождение, были равны в праве на получение знаний и в своих гражданских правах. Учащиеся не должны были публично проявлять свою конфессиональную принадлежность, которая подчеркивала бы их отличия от всех остальных, вместо того чтобы стремиться к поиску точек соприкосновения. Исламисты же считали, что, с тех пор как Франция стала считаться *дар аль-ислам*, ученицам-мусульманкам должно было быть разрешено соблюдать предписание шариата (в их интерпретации последователями Сайида Кутба и Маудуди) и носить хиджаб. Обосновавшиеся на территории континентальной Франции исламистские движения, которые первыми выступили с этим требованием, подхватили удобный лозунг, позволивший им начать процесс контролируемого развода с государством. В глазах их адептов и сторонников «закон Бога», то есть шариат, должен был стать уставом французских колледжей и лицеев, требования которых отодвигались на второй план. Тем самым исламисты стремились изменить культурный расклад сил между бедной («обездоленной») городской молодежью из иммигрантской среды и «наглыми» учреждениями государства. Заставив по-

следнее отступить и вынудив его изменить свое определение светскости, исламистские активисты рассчитывали навязать себя в качестве представителей общины, завоевав немалый авторитет у молодежи, для которой они организовывали летние лагеря и образовательные курсы. Перехватив инициативу у слабеющих коммунистов, исламисты активно занимались социальной деятельностью и создавали программы летнего отдыха по модели египетских «*джамаат исламийя*», в которых культивировались нормы «чистой исламской жизни».

Первое «дело о платке» возникло осенью 1989 года, за ним последовали другие, и так продолжалось вплоть до начала 2000-х годов. Руководители Союза исламских организаций Франции играли в них главную роль. Союз входил в движение «Братья-мусульмане», которое пользовалось благосклонностью Саудовской Аравии, и находился под высоким покровительством египетско-катарского шейха Юсефа аль-Карадави. Союз приобрел замок в предместье Парижа, в котором готовились имамы для проведения проповеднической деятельности среди европейской мусульманской молодежи. Ежегодно в конце декабря он проводил большое собрание, которое позволяло ему привлекать к себе общественное внимание. На собрание, помимо деятелей мирового исламизма, приглашались университетские профессора и представители духовенства, которые обращались к тысячам молодых жителей предместий, приезжавших на специально арендованных для этой цели автобусах. Втянувшись в конфликт вокруг проблемы ношения платка, Союз преследовал стратегическую задачу выставить себя перед властями в роли полномочного представителя исламских общин. В обмен на уступки со стороны правительства Союз брал на себя обязательство держать «в рамках» обездоленную и потенциально нестабильную молодежь, бороться с правонарушениями, токсикоманией и склонностью к насилию¹⁵.

Тактика проникновения в мусульманские общины, наряду с признанием Франции территорией *дар аль-ислам*, имела целью превратить контроль над европейским исламом в политическую ставку французской внешней политики, вменив в обязанность внешнеполитическим органам посредническую миссию в конфликтах между исламистами и властями стран Магриба и Ближнего Востока. Не являясь более частью *дар аль-куфр* («территории безбожия»), Франция должна была иметь гарантию, что ни один джихад не будет развязан на ее территории, — что было поставлено под сомнение терактами, совершенными в 1995 году по инициативе алжирской ВИГ. Европейские исламские организации, проводившие активную деятельность в 1989 году, стремились укрепиться в среде неимущей молодежи пригородов, преследуя долгосрочные перспективы, в которых была исключена стратегия насилия. Напротив, исламисты пытались заручиться поддержкой «демократических слоев» французского общества, которому дело о платке было преподнесено в аспекте требований, относившихся к свободе выражения и вероисповедания. При выступлениях в средствах массовой информации исламистская интеллигенция отводила первую роль девушкам в платках, которые высказывались за получение современного образования при сохранении нерушимых ценностей своей религии и защите их от любых посягательств. Для этих девушек, как и для их «братьев», культивировавших в качестве мужского религиозного отличительного признака ношение бороды по примеру Пророка, привлекательность общинного образа жизни объяснялась неудачами индивидуальной интеграции республиканского типа. За доказательствами далеко ходить не приходилось: подавляющее большинство молодых людей мусульманского вероисповедания, хорошо знавших культуру своей новой родины и даже ассимилированных французским обществом благодаря полученному школьному образованию, были невестребованы этим обществом, подвергались тяжелому прессингу безработицы и нищеты и в конце концов скатывались к общественно-государственному нигилизму. Внутри общины царил взаимовыручка. Общинная солидарность, усиливавшаяся религиозной идентичностью исламистского образца, превозносившей изгоев и развенчивавшей сильных мира сего, казалась тогда многим детям иммигрантов панацеей от всех бед. В результате даже стал на-

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

бирать силу процесс обращения в ислам некоторых молодых чистокровных французов, англичан и немцев.

Вот в таких условиях и вышла в свет фетва аятоллы Хомейни, приговаривавшая к смертной казни Салмана Рушди. В это время европейский ислам переживал период перемен. Как и случившаяся десятью годами ранее иранская революция, совпавшая по времени с сооружением первых мечетей на территории Франции, фетва вызвала скорее обратный процесс: она спровоцировала рост антагонизмов между коренным населением и мусульманами, которые стали ассоциироваться с насилием и фанатизмом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Дар аль-ислам* — часть пространства, которая находится под властью мусульманского правителя и на которой в принципе соблюдаются нормы шариата.

² *Cristion Science Monitor*. 1989. 6 June.

³ Там же. № 32.

⁴ Маудуди — пакистанский религиозный идеолог (1903—1979), создавший в 1941 году партию «Джамаат-и ислами» («Ассоциация ислама») на основе принципов деобанди.

⁵ Деобанди — радикальное исламское движение, возникшее в г. Деобанд (территория нынешнего Пакистана). Контролирует сеть медресе по подготовке улемов, «способных издавать фетвы». Предписания ислама толкуются в самом ригористском, пуританском духе. Эта школа контролирует партию «Джамият-улама-и-ислам» (ДУИ) (Ассоциация улемов ислама). Она сыграла решающую роль в становлении движения «Талибан».

⁶ Барелви — радикальная мусульманская школа, несколько более терпимо относящаяся к ненавистным деобандцам, мистицизму и культу святых. Также контролирует сеть медресе и партию «Джамият улама-и Пакистан» (ДУП) (Ассоциация улемов Пакистана).

⁷ «Братья-мусульмане» — создана в 1928 году Хасаном аль-Бинна (1906—1949) на принципах «исламского образа мысли и действия» в XX веке. Как исламская организация противопоставила себя национализму Насера и была разгромлена в 1954 году.

⁸ *Foreign Reports*. 1990. 26 July.

⁹ Аль-Иктисад аль-Амаль. Бейрут, 1990.

¹⁰ «Партия благоденствия», основанная Н. Эрбаканом, премьер-министром Турции с 1996 года.

¹¹ С. Кутба — теоретик современного исламизма, преемник аль-Бинка в качестве лидера «Братьев-мусульман»; повешен в Египте в 1966 году.

¹² «Хизбаллах» — партия и в то же время боевая организация, созданная в Ливане при поддержке Ирана в 1982 году.

¹³ *Cristion Science Monitor*. 1991. 16 March.

¹⁴ См. там же. 1998. 28 Aug.

¹⁵ См. там же. 1999. 9 Dec.

В.В. Страхов

К ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСКИХ ВКЛАДАХ
В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ КАССАХ
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вопрос о причинах, факторах и особенностях беспрецедентного увеличения в годы Первой мировой войны крестьянских вкладов в государственных сберегательных кассах, как правило, не привлекает к себе внимания авторов работ, посвященных анализу положения крестьянства и ситуации в сельском хозяйстве России в 1914—1917 годах. Делая преимущественно акцент на общей деградации сельского хозяйства страны в период мировой войны, многие исследователи ограничиваются указанием на искусственный характер роста объемов и количества крестьянских вкладов в сберкассах, связывая это с влиянием главным образом возросшей ускоренными темпами инфляции и высокими ценами на сельскохозяйственную продукцию. Однако подобная констатация вряд ли может быть признана в достаточной мере отражающей суть указанного явления.

Будучи одними из наиболее динамично развивавшихся институтов кредитной системы, сберегательные кассы накануне Первой мировой войны играли чрезвычайно важную и постоянно возрастающую роль в финансово-экономической жизни Российской империи. Аккумулируя для нужд государства значительную часть на-

родных сбережений, они одновременно оказывали немалое воздействие на рост благосостояния наименее обеспеченных слоев населения, и прежде всего крестьянства. Сберкассы не только гарантировали со-

хранность, тайну и увеличение вкладов (на 3,6 % ежегодно), не только производили операции по страхованию, но и являлись, по сути, главным инструментом популяризации идеи сбережений, средством формирования у малоимущих слоев устойчивой внутренней мотивации и привычки к накоплению мелких сумм (минимальный размер единовременного вклада составлял 25 копеек) в целях их дальнейшего производительного использования¹.

О масштабах «освоения» русской деревни сберегательными кассами накануне мировой войны свидетельствуют следующие данные. Из существовавших

к 1914 году 8553 сберкасс около половины располагалось в сельской местности, главным образом при почтово-телеграфных отделениях, железнодорожных станциях, волостных правлениях. Самой многочисленной категорией вкладчиков (почти 30 %) были лица, занимавшиеся, согласно официальной статистике, «земледелием и сельскими промыслами». Им принадлежало свыше 2,5 млн сберегательных книжек, 46 процентов суммы взносов, составлявших поч-



**Страхов
Василий
Вячеславович,**
кандидат
исторических наук,
доцент РГПУ
им. С.А. Есенина

ти полмиллиарда рублей². Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что средняя сумма вклада в деревне была выше, чем в городе: 190 и 173 рубля соответственно. На уровне региона наиболее высокий уровень сбережений, приходившихся на одного жителя, наблюдался в Московской губернии, наименьший — в Средней Азии. Почти одна треть вкладчиков сберкасс была неграмотной.

Не вызывает сомнений, что возравставшие ускоренными темпами объемы операций сберкасс, их активное «приближение» к «сельским людям малого достатка» и прямая финансовая поддержка кредитной кооперации (по закону от 21 июня 1910 г.) являлись одним из факторов успешной в целом реализации столыпинской аграрной реформы. Однако роль сберегательных касс в процессе модернизации сельскохозяйственного сектора экономики Российской империи в предвоенный период остается до сих пор недостаточно исследованной.

Начало военных действий привело к вполне закономерному в подобных случаях усиленному изъятию населением вкладов, особенно мелких, из сберегательных касс. Впрочем, по-прежнему, хотя и в гораздо меньшем объеме, чем ранее, поступали и новые взносы. В целом же в июле 1914 года выдача превысила поступления на 41 млн рублей³. По сравнению с масштабами изъятий вкладов из коммерческих банков, а также из аналогичных структур в европейских странах указанная сумма была незначительной, что свидетельствовало, помимо всего прочего, о высоком «кредите доверия» россиян к сберкассам. Важно также подчеркнуть, что выдачи в начале войны, которые, как правило, были связаны с изъятием вкладов мобилизованными в армию, прошли в отличие от западных стран, и в частности Франции, без паники, ажиотажного спроса на наличные, каких-либо задержек и ограничений. Некоторые сложности имели место лишь в приграничных районах западных губерний, что было обусловлено необходимостью срочной эвакуации сберкасс и учреждений Госбанка.

Однако уже в конце 1914 года начинается, по оценкам современников, «совершенно исключительный приток денег» в сберкассy⁴, в особенности в сельской местности, что стало полной неожиданностью как для Министерства финансов, так и для ведущих российских экономистов, считавших, что из-за резкого падения объемов экспорта сельскохозяйственной продукции и значительного сокращения численности рабочих рук, деревня должна была впасть в состояние глубокого кризиса. Именно усиленный рост вкладов крестьянства на рубеже 1914—1915 годов привел к появлению в печати мнений, суть которых сводилась к тому, что «война обогатила Россию», и в первую очередь деревню.

О масштабах дальнейшего увеличения ресурсов сберегательных касс можно судить по следующим цифрам. Если к 1915 году объем размещенных в них вкладов наличными исчислялся в 1835 млн рублей, к 1916 году — 2449 млн, к 1917 году — 3890 млн, то к октябрю 1917 года достиг огромной цифры в 4916 млн рублей. К этому следует добавить и вклады ценными бумагами, главным образом облигациями внутренних военных займов, которые в указанные периоды составляли соответственно 401, 664, 1336 и 1989 млн рублей⁵.

Постоянный рост взносов в сберкассy, которые в полной мере шли на финансирование военных расходов, и стремление Министерства финансов к еще большей мобилизации «мелких капиталов» для нужд войны обусловили появление 23 октября 1915 года закона, предусматривавшего значительное расширение в империи сети государственных сберегательных касс. Примечательно, что еще в августе 1915 года министр финансов П.Л. Барк сравнивал роль сберегательных касс в аккумуляции денежных средств населения с закрытыми в начале войны казенными винными лавками. Увеличение числа первых до существовавшего ранее количества вторых было, по его словам, насущной задачей финансового ведомства⁶.

На основании указанного законодательного акта только в конце 1915 и в 1916 году при вновь образованных почтово-телеграфных отделениях было открыто свыше 4500 сберегательных касс, главной задачей которых являлось «обслуживание сельских местностей». Кроме того, в этот же период было создано около 600 приходских сберкасс, в основном в Петроградской, Московской, Орловской, Самарской, Вятской и Енисейской епархиях⁷. Подобная практика была продолжена и во время нахождения у власти Временного правительства. В конечном итоге к октябрю 1917 года в стране действовали 15 202 сберкассы⁸.

В связи с вышесказанным возникает вопрос: каким образом невиданный рост суммы и количества вкладов в годы мировой войны был связан с крестьянским хозяйством; являлось ли это показателем повышения товарности последнего.

Ответ на поставленный вопрос следует предварить замечанием о непосредственном участии крестьянства в увеличении объемов ресурсов сберкасс. Изучение различных источников, а также наблюдений видных экономистов той поры, в первую очередь профессора С.Н. Прокоповича⁹, дает основания говорить о том, что в общем объеме прироста вкладов его роль составляла примерно 25—28 процентов. По сравнению с другими социальными и профессиональными группами населения крестьянство являлось в этом отношении абсолютным лидером. Именно представители крестьянского сословия составляли и большинство владельцев сберкнижек, которых к осени 1917 года насчитывалось почти 13 млн.

Следует также иметь в виду, что годы войны стали подлинным «золотым веком» российской кооперации, прежде всего потребительской и кредитной, имевшими преимущественно сельское основание. Более того, сотни тысяч крестьян начиная с октября 1915 года являлись подписчиками на облигации военных займов, чему активно способствовало развертывание в стране массированных агитационных кампаний¹⁰. Наконец, нельзя забывать о легендарной крестьянской «кубышке», заполнение которой денежными знаками, вероятно, предшествовало в военное время всем иным размещениям «капитала». Другими словами, немалая часть крестьянских накоплений, сделанных в годы войны, объективно «проходила» помимо сберегательных касс. Однако в финансово-экономическом плане направление сбережений по тем или иным каналам определялось во многом сходными причинами и обстоятельствами.

Вопрос о причинах ускоренного возрастания крестьянских вкладов в сберкассах, а также общего «обогащения» деревни стал активно дискутироваться в России в первой половине 1915 года, причем не только в центральной, но и в провинциальной печати. Как правило, большинство авторов, обращавшихся к данному вопросу, основную причину видимого роста благосостояния широких масс связывало с экономией, «получившейся от запрещения продажи водки и закрытия трактиров»¹¹.

Особый интерес в этой связи представляет глубокое исследование видного экономиста, профессора С.А. Первушина, опубликованное в 1916 году в четвертом выпуске трудов «Комиссии по изучению современной дороговизны», функционировавшей при обществе имени А.С. Чупрова в Московском университете¹². Основываясь на анализе данных обследований ряда губернских земств (Костромского, Владимирского, Симбирского, Московского и т.д.) и разнообразных статистических сведениях, связанных с влиянием запрета продажи «питей» на социально-экономические аспекты жизни различных групп населения, С.А. Первушин приходит к однозначному выводу, что благодаря «полунатуральному характеру» крестьянского хозяйства и аграрному перенаселению «те факторы, которые парализовали в городе благотворное влияние трезвости, в деревне отразились сравнительно слабо, и в конечном итоге положение сельскохозяйственного населения в 1-й год войны заметно улучшилось»¹³. Именно с этим он связывал основную причину увеличения доходов крестьянского бюджета и соответственно

рост вкладов деревни в сберегательных кассах. О существенном повышении товарности крестьянского хозяйства ученый не упоминает. Думается, что в данном случае есть все основания согласиться с указанным выводом. Попутно заметим, что в современных исследованиях подобный взгляд нередко подвергается критике, а само введение «сухого закона» несправедливо, на наш взгляд, расценивается как мероприятие, носившее «явно демагогический характер», не способное «принести никаких положительных результатов»¹⁴.

«Великое отступление» весной — летом 1915 года, постоянный рост инвестиций государства в частную промышленность с целью обеспечения ее мобилизации, а также численное возрастание российской армии сыграли решающую роль в стимулировании активного развития инфляционных процессов. Это обстоятельство, усиленное значительным и резким сокращением промышленными предприятиями производства продукции гражданского назначения, в сравнительно короткие сроки привело к изменению важнейших причин, определявших глубинные источники увеличения денежных накоплений в крестьянском хозяйстве и рост вкладов сельского населения в сберегательных кассах. Можно с уверенностью говорить, что с последних месяцев 1915 года главной причиной выступал так называемый отложенный спрос, формировавшийся преимущественно на следующих двух основаниях. Во-первых, на внутренней психологической неподготовленности крестьянина к широкому приобретению необходимых товаров по значительно возросшим ценам, причем данная неподготовленность в определенной степени «подпитывалась» внутренним протестом против практически непрерывного увеличения разрыва между темпами удорожания промышленных товаров и продуктов сельскохозяйственного производства. Во-вторых, на еще существовавшей определенной уверенности в возможности возврата после окончания войны к прежней или близкой к ней покупательной способности бумажных денег.

Немалую позитивную роль в нарастании потока крестьянских вкладов в сберкассы на данном этапе играло и активное «приближение» последних к держателю денежных накоплений, а также резкое сокращение сделок, связанных с куплей-продажей земли.

Что касается непосредственно товарности крестьянского хозяйства, то в условиях дальнейшего сокращения рабочих рук, особенно после призыва в армию ратников второго разряда, усилившегося спада производства, повышения неэквивалентности экономического взаимодействия между городом и деревней, а также ускоренного развития практики реквизиций и таксирования цен, говорить о ее сохранении на прежнем уровне не приходится.

На следующем, третьем, этапе, который, как представляется, начинается в конце 1916 года решающим фактором дальнейшего увеличения крестьянских вкладов в сберегательных кассах в первую очередь выступает прогрессирующая инфляция, многократно усилившаяся, как известно, в период правления Временного правительства. На этом этапе не только еще резче проявились все негативные явления и тенденции, характерные для предыдущего периода, но и получили развитие относительно новые процессы, главными из которых, на наш взгляд, являются интенсивная натурализация крестьянского хозяйства, его своеобразная локализация вследствие ускоренного падения покупательной способности денег, снижение хозяйственной мотивации обращения к рынку, сжатие возможностей для прибыльного вложения накоплений. Суть данного этапа довольно ярко, по нашему мнению, запечатлена в следующем сообщении провинциальной прессы, появившемся в феврале 1917 года: «За последнее время деревня стала неузнаваема. Первое, что бросается в глаза, это обилие денег. Деньги у всех: у женщин, у детей и деньги больше уже рубля не считаются за деньги. Но никогда деревня так бедно не жила, как живет сейчас»¹⁵.

Таким образом, рост крестьянских вкладов в государственные сберегательные кассы в период Первой мировой войны имел довольно сложный, многоплановый характер. На разных этапах неодинаковыми были и ведущие факторы, определявшие этот рост, который по большому счету был обратно пропорционален товарности крестьянского хозяйства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Галяшкин Я. Сберегательные кассы // Энциклопедический словарь «Гранат». 12-е изд. Т. 37. Стб. 418—419.

² См.: Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1913 год. СПб., 1914. С. 11.

³ См.: Война и сберегательные кассы // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1917. № 43. С. 507.

⁴ См.: Березин Д. Государственные сберегательные кассы во время войны // Речь. 1915. 2 апр.

⁵ См.: Война и сберегательные кассы. С. 507.

⁶ См.: Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. 2-е изд. М., 1918. С. 108.

⁷ См.: Известия государственных сберегательных касс. 1917. № 1. С. 159—160.

⁸ См.: Война и сберегательные кассы. С. 509.

⁹ См.: Прокопович С.Н. Указ. соч. С. 254—258.

¹⁰ См.: Страхов В.В. Внутренние займы в России в Первую мировую войну // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 28—43.

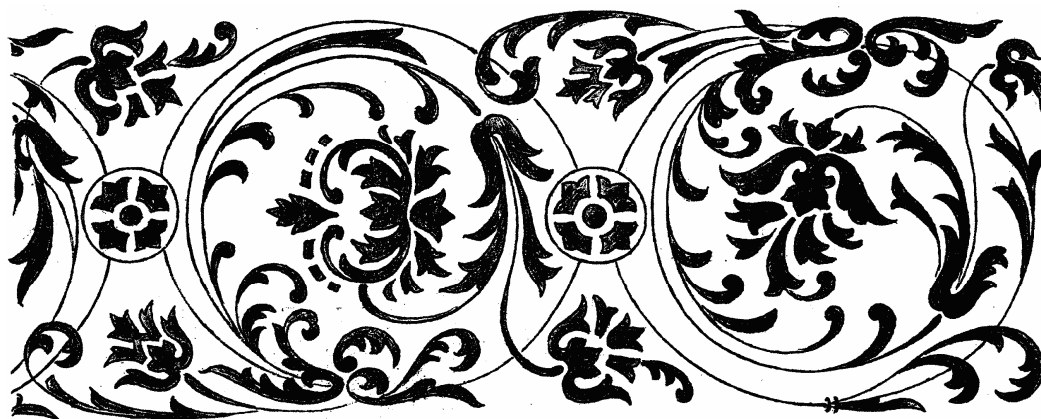
¹¹ Березин Д. Указ. соч.

¹² См.: Первушин С.А. Прекращение продажи питей, как один из факторов современной дороговизны // Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. 4. М., 1916. С. 87—118.

¹³ Там же. С. 92.

¹⁴ Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914—1917 гг. СПб., 2002. С. 197. См. также: Страхов В.В. [Рецензия] // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 161—164. Рец. на кн.: С.Г. Беляев. П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914—1917 гг. СПб., 2002.

¹⁵ Рязанская жизнь. 1917. 17 февр.



III. НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ДИССЕРТАНТЫ

О.И. Боярченкова

А.А. БЕЗБОРОДКО: ДЕТСТВО И ЖИЗНЬ В МАЛОРОССИИ

Александр Андреевич Безбородко происходил из Малороссии. Его семейство, как и многие другие, искавшие в России лучшей жизни, было «не богато родовитостью»¹. Считается, что фамилия Безбородко ведет свое начало от польского рода Ксенжницких. Прадед Александра Андреевича, Демьян Ксенжницкий, владел поместьем в Полтавской губернии и служил в Малороссийском войске. По-видимому, предки Безбородко являлись выходцами из так называемых банитов — польских шляхтичей, изгнанных из отечества за своевольный и буйный нрав. Отличавшиеся отчаянной храбростью, баниты шли на службу к украинским гетманам и сражались на их стороне против своих же поляков и турок. За боевые подвиги они получали на Украине маестности — поместья.

Многие из них крестились в православную веру и переменили свои старинные дворянские фамилии на малороссийские прозвища. Давать друг другу прозвища, заимствуя их из случайных обстоятельств повседневной жизни, вполне было в духе Малороссии. В России, да и в других странах, до сих пор распространено подобное происхождение многих фамилий. Н.М. Карамзин в своем труде пишет о том, что многие фамилии родов получили название по каким-либо нравственным качествам.



Боярченкова Оксана Игоревна,
аспирантка кафедры
средневековой и новой
истории Отечества
РГПУ им. С.А. Есенина

Фамилия Безбородко, скорее всего, тоже происходила от такого прозвища. По преданию, в одной из битв с поляками, Демьян Ксенжницкий был обезображен: ему отрубили подбородок². С тех пор он получил прозвище «безбородый», которое впоследствии перешло на весь род и закрепилось как фамилия — Безбородко.

Отец будущего государственного канцлера Андрей Яковлевич Безбородко был человеком неглупым и ловким. Начав службу у своего родственника, гетмана Апостола, он скоро получил должность старшего войскового канцеляриста³. Возможно, Александр Андреевич унаследовал от своего отца одно очень нужное для карьерного роста качество: Андрей Яковлевич умел общаться с начальством, знал, как угодить тогдашним правителям Малороссии. Продвижению по службе не помешали даже многочисленные жалобы пострадавших от непомерного взяточничества Андрея Безбородко, хотя он был отправлен в отставку, а по факту взяточничества заведено уголовное дело. Он оправдывался тем, что делал все по поручению своих правителей, а не по собственной инициативе. Следствие шло очень медленно и в 1751 году в конечном счете решено было в пользу Андрея Безбородко. Все это, а также покровительство гетмана А.Г. Разумовского обеспечило ему получение должности генерального судьи, считавшейся в Малороссии второй по значимости после гетмана⁴.

Из пятерых детей Андрея Яковлевича Безбородко Александр был старшим. День 14 марта 1747 года не был ознаменован какими-либо особенными событиями, если не считать, что в семье малороссийского генерального писаря и судьи родился ребенок. «Крестины мои сопровождалась, как говорят, особой торжественностью. Меня крестили в знаменной зале, под знаменами, в присутствии архиерея, значительных лиц в городе и депутатов от разных народов: персиян, индейцев, киргизов, калмыков... Мне всегда твердили в семействе о каких-то предвещениях, относящихся к какой-то блестящей будто бы будущности. <...> Говорят, что я с трехлетнего возраста начал уже просить, чтобы меня учили грамоте, но так как все говорили, что еще рано, то я выучился ей сам без всякой посторонней помощи... когда мне было четыре года, я пришел к отцу в день его именин и сделал ему сюрприз, начав читать ему книгу... при моей памяти я никогда не записывал... и у меня не было даже тетрадей, да доску свою я всегда отдавал другим, кто не мог удерживать всего в памяти и вынужден был записывать... многие... прославляли мой ораторский талант, мое красноречие и особенно, как многие говорили, мою непобедимую логику... в суждениях обо мне не боялись даже в моем присутствии приписывать мне не только ум, но и серьезность не по летам...»⁵.

На самом деле Александр Андреевич Безбородко никогда нигде ничего подобного не писал и не рассказывал. Этот образец автобиографии оставил потомкам Дмитрий Иринархович Завалишин. Безбородко же предпочитал о себе не говорить.

О дате рождения А.А. Безбородко свидетельствует надпись на надгробном памятнике в Александро-Невской лавре. В верхней части памятника под бюстом князя выбито: «Родился 1747 года, 14 марта; скончался 1799 года, 6 апреля»⁶. Вверху памятника, на вделанной в стену медной доске (это было сделано, когда строилась церковь во имя Сошествия Святого Духа в 1819—1822 гг.) перечислены должности, занимаемые А.А. Безбородко при жизни, где сказано: «...родился в городе Глухове марта 17 дня, 1747 года». Косвенным доказательством того, что А.А. Безбородко родился все-таки 14, а не 17 марта может служить тот факт, что в Думницком монастыре, которому покровительствовала семья Безбородко, а в большей степени Александр и Илья, особо чтились дни 14 марта и 16 февраля — дни рождения братьев. Приделы соборной церкви, построенной в 1806 году, также освящены в их честь: один — в честь святого мученика Александра Пресвитера, память которого празднуется 14 марта, а другой — мученика Ильи Египтянина, празднуемого 16 февраля. Церковь построена в честь святых, имена которых носили оба брата. Это подтверждает и князь И.М. Долгоруков, описывая в своем сочинении имение графа Ильи Андреевича Безбородко: «В селе Ильинске выстроена каменная церковь во имя Александра-Пресвитера и в честь патрона князя Безбородки»⁷. Однако в спорах о точной дате рождения А.А. Безбородко точка еще не поставлена.

Свидетельство о рождении А.А. Безбородко не найдено, хотя в это время такие записи уже велись. Дело в том, что не была еще введена обязательная отсылка метриче-

ских записей в консисторские архивы. Поэтому многие из них или терялись, или, что чаще, истреблялись пожарами. Н.И. Григорович в своей работе делает предположение, что подобная участь постигла и метрики города Глухова, горевшего дважды. Н.И. Григорович также приводит выписки из исповедных росписей, высказывая сомнение в их достоверности. Он находит не лишним представить как доказательство неточности записей отрывок из исповедной росписи Березинской протопопии за 1765 год⁸. Если верить этой «росписи», то Александр Безбородко появился на свет в 1745 году. Эту информацию подтверждает и друг отца Безбородко Яков Маркович. В своих «Записках» он отмечает, что 2 апреля 1745 года он посещал больного и заехал к Безбородко, у которого был банкет по случаю крестин сына. Всего в семье Андрея и Евдокии Безбородко было пятеро детей: Анна, Ульяна, Александр, Татьяна и Илья⁹. От секретаря Черниговской консистории Н.И. Григорович узнал, что в их архиве хранятся метрические книги Глуховского уезда лишь с 1785 года¹⁰. Но все же в большинстве случаев мы встречаем дату рождения А.А. Безбородко — 14 марта 1747 года.

Таким образом, вопрос о дате рождения Александра Андреевича остается открытым. Нет каких-либо документальных подтверждений и о раннем возрасте А.А. Безбородко, о котором можно говорить лишь общими фразами. Отец участвовал в воспитании и образовании сына. Известно также о быстром развитии умственных способностей и о трудолюбии у ребенка, которые впоследствии развились академическим воспитанием и в продолжение всей последующей жизни отличали его от других людей. Н.И. Григорович сообщает, что маленький Александр часто гостил у старшей сестры в селе Диканька, где она жила с мужем П.В. Кочубеем¹¹.

Следуя древнему правилу воспитания, отец сам начал учить сына славянской грамоте, переходя от букваря к Часослову и Псалтыри. Затем они перешли к чтению Библии. Говорят, что молодой Безбородко должен был трижды прочитать отцу всю Библию от начала до конца¹². Мальчик, одаренный от природы удивительной памятью и способностью углубляться в библейские тексты и чтение Священного писания, жадно впитывал богатства и силу церковнославянского языка. Именно благодаря этому речь Безбородко приобрела ясность, четкость и убедительность, которые впоследствии составили отличительную черту его пера и мысли и подняли над многими деятелями того времени. Вполне естественно, что для одаренного юноши, каким был А.А. Безбородко, домашнего образования вскоре оказалось недостаточно, тем более что на Малороссию тогда было обращено особое внимание правительства и перспектива быть замеченным не могла не привлекать внимания.

Местом для обучения своего сына Андрей Яковлевич выбрал Киевскую академию, которая в то время являлась сосредоточением умственного образования и для малороссиян, и для многих россиян, хотя в основном в ней воспитывались дети из богатых малороссийских фамилий. В каком именно году А.А. Безбородко был определен воспитанником в эту академию, определить теперь невозможно: пожар 1811 года уничтожил весь нижний город, академический архив и саму обитель. Чудом удалось сохранить обширную библиотеку, которая собиралась в течение 150 лет. В нескольких уцелевших списках студентов 1763 года фамилия Безбородко не встречается. Тем не менее, Киевская духовная академия считает светлейшего князя Безбородко своим учеником и чтит его память. В одном из парадных залов помещен портрет А.А. Безбородко как воспитанника академии. Но документальных подтверждений этому нет¹³.

В период с 1755 по 1765 год в академии преподавались такие науки, как богословие, философия, риторика, поэзия, всеобщая и естественная история, география, математика, иностранные языки (латинский, немецкий, еврейский, греческий, французский). Вероятно, именно в академии А.А. Безбородко научился изящно и четко выражать свои мысли. Во время учебы воспитанникам приходилось писать церковные поручения и выступать с ними в академическом зале; также там проводились публичные диспуты, из ко-

торых он вынес способность выступать перед публикой и убеждать слушателей в своей правоте. С 60-х годов XVIII века уровень образования в академии начал снижаться, что было связано с уменьшением количества известных профессоров в преподавательском составе университета, таких, как Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Георгий Конисский и др. Приблизительно в это же время окончательно сформировался новооткрытый Московский университет со светскими науками и целой плеядой замечательных профессоров. Но, тем не менее, и из Киевской академии как ранее, так и в период предполагаемого обучения в ней А.А. Безбородко выходили люди, чьи имена стали известными не только соотечественникам.

Во время учебы однокурсники Безбородко устраивали ему испытания: будили его посреди ночи и спрашивали, когда произошло то или иное событие. Отвечая сквозь сон на их вопросы А.А. Безбородко ни разу не ошибся. По настоянию тех же друзей ему приходилось читать им наизусть целые главы из церковнославянской Библии¹⁴. Благодаря цепкой памяти, Безбородко в совершенстве овладел церковнославянской речью, а тщательное изучение древних классиков еще больше усовершенствовало его перо, внесло правильность и ясность в изложение мыслей¹⁵.

В 1765 году А.А. Безбородко закончил академию, но и впоследствии, достигнув высот государственной службы, он никогда не забывал того, где он получил образование: по его просьбам императрица периодически помогала Киевской академии.

В ноябре 1764 года гетманство было ликвидировано. Правителем Малороссии был назначен граф П.А. Румянцев-Задунайский. Екатерина уполномочила его составить доклад о мерах по улучшению жизни края. Румянцеву для этих целей понадобились способные и готовые разделить его труды люди. Как только он поселился в Глухове, к нему поспешила местная аристократия, к числу которой принадлежало и семейство генерального судьи Безбородко. Старый Безбородко представил Румянцеву своего старшего сына Александра, 18-летнего юношу. Он был записан в бунчуковые товарищи и прикомандирован к канцелярии графа.

Не заметить способности молодого Безбородко было невозможно, и граф Румянцев приблизил его к себе. Здесь Безбородко приобрел первые навыки служебной деятельности и деловой переписки. Несмотря на молодые годы, всех поражала необъятность его памяти. К этому времени относится следующий рассказ: «Однажды в обществе, где находился Безбородко, зашел разговор об одном пожилом офицере, незадолго до того назначенном на какую-то незначительную крепость. Безбородко, рассказывая все ему известное об этом офицере, тут же перечислил и всех прежде бывших комендантов в этой крепости, назвал их по имени и чинам, указав точный срок времени, сколько каждый из них находился в этой должности. Один из присутствовавших усомнился в справедливости сказанного, записал слова рассказчика и, справясь в Военной коллегии, к величайшему удивлению, убедился, что Безбородко не ошибся ни в чем»¹⁶. При такой памяти было нетрудно обратить на себя внимание Румянцева, и без того питавшего доверие к молодому человеку. Вскоре он получил более самостоятельную должность, став судьей в генеральном суде.

В сентябре 1767 года Малороссийский Генеральный суд был преобразован, вместо ежегодно избираемых депутатов были назначены постоянные сотрудники в составе 3—5 человек, кроме первенствующих генеральных судей. Безбородко вошел в число этих 5, но в новом звании пробыл только один год. В это время началась Русско-турецкая война и Безбородко, сопровождая своего начальника, графа П.А. Румянцева, отправился на театр военных действий, где, к чести своей, проявил себя еще и отважным воином.

Он попеременно отличался: Малороссийском, Неженском, Лубенском, Миргородском и Компанейском в полках, с отрядами которых преследовал неприятеля до рек Буга и Днестра. Когда Румянцева назначили Главнокомандующим действующей армией,

Безбородко с тех пор разделял с ним воинские труды и, находясь при нем неотлучно, во всех его сражениях с рвением молодого воина не щадил своей крови. В Ларгской битве (1770), предвозвестившей Кагульскую, он был в числе передовых смельчаков. В кагульский день, покрывший венцом бессмертия Румянцева, Безбородко проявил огромное мужество.

Кагульский бой есть верх славы П.А. Румянцева: он подтвердил одну из неоспоримых истин, что не число воинов, но ум полководца ведет к трофеям: 17 000 русских поразили 150 000 турок»¹⁷. В 1773 году, перейдя Дунай и осадив Силистрию, П.А. Румянцев и здесь проявил храбрость при штурме «Силистрийского ретрашамента».

Но не одними воинскими подвигами прославился А.А. Безбородко в эту войну. Поражая неприятеля мечом, он в то же время искусно владел пером дипломата: граф Румянцев вверил ему свою секретную переписку.

За десять лет службы при графе Румянцеве Безбородко за выслугу лет был награжден чином коллежского асессора. Из протоколов заседаний Государственного совета видим, что 11 февраля 1772 года читалась реляция графа Румянцева от 27 января «о пожаловании бунчукового товарища Безбородко полковником в Киевский Малороссийский полк» и 7 октября 1773 года, при реляции от 26 сентября, фельдмаршал вновь ходатайствовал о пожаловании асессора Безбородки полковником»¹⁸. Ходатайство графа П.А. Румянцева было принято, и именным указом Правительствующему Сенату от 22 марта 1774 года Безбородко был пожалован чином полковника. Существует и иная версия причины получения этого звания. Во время переговоров о мире, которые вел П.А. Румянцев министр Н.И. Панин обратил внимание на принимавшего активное участие в этих переговорах А.А. Безбородко и наградил его за дипломатические заслуги чином полковника.

В мае 1775 года А.А. Безбородко выехал в Москву для празднования мира с Турцией, где и состоялось его знакомство с императрицей, открывшее новую страницу в его жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Григорович Н.И. Князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. СПб., 1879. Т. 1. С. 1.

² См.: Терещенко А. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. Ч. 2. Канцлеры. СПб., 1837. С. 167.

³ Должность эта была достаточно высокая и ответственная, так как по долгу службы он был в курсе всех дел тогдашнего правительства.

⁴ Назначение произошло уже при Петре III одновременно с увольнением в отставку: место генерального писаря тогда понадобилось для близкого к гетману человека — Василия Туманского. Но Андрей Безбородко продолжал активно участвовать в общественной и политической жизни своего края. Он был выбран предводителем депутатов для сочинения проекта нового Уложения.

⁵ См.: Сафонов М. Алмаз в коре // Родина. 1999. Март. С. 44.

⁶ Григорович Н.И. Указ. соч. С. 12.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ См. там же.

⁹ См.: Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 1. А—Д. Киев, 1908. С. 41—46; Очерки малороссийских фамилий: Материалы для истории общества в XVII и XVIII веках / Собираемые П.М. Лазаревским // Русский Архив. 1875. № 3. С. 311—314. В разных источниках встречается разное количество детей в семье Андрея и Евдокии Безбородко — от 4 до 6. Н.И. Григорович в своей работе называет шестерых детей: Анну, Ульяну, Александра, Якова, Татьяну, Илью. В указанных родословниках имена всех детей, кроме Якова, встречаются. Судя по ним, Яков был не сыном Андрея и Евдокии Безбородко, а зятем — мужем младшей дочери Татьяны. Это был Яков Леонтьевич Бакуринский.

¹⁰ См.: Григорович Н.И. Указ. соч. С. 210.

• РЯЗАНСКИЙ ИСТОРИК 2005 № 3 •

¹¹ См.: Географический статистический словарь Российской империи, составленный П.П. Семеновым. СПб., 1865. Т. 2. С. 60—61.

¹² См.: Словарь достопамятных людей Русской земли / Сост. Д. Бантыш-Каменский. М., 1836. Т. 1. С. 103.

¹³ См.: Григорович Н.И. Указ соч. С. 16.

¹⁴ См.: Егоров А.Д. Лицей России. Опыт исторической хронологии. Лицей князя Безбородко: В 5 кн. Кн. 2. Иваново, 1904. С. 26.

¹⁵ См.: Грибовский А.М. Записки об императрице Екатерине Великой А.М. Грибовского. 2-е изд., доп. М., 1864. С. 10.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 168.

¹⁸ Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. 1. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1762—1796). Ч. 1. Стлб. № 148—149, 261.

И.А. Дмитриева

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДИАСПОРЫ
В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ
(ЧЕХОСЛОВАКИЯ, ЮГОСЛАВИЯ, БОЛГАРИЯ)
В 20—30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Литературная жизнь зарубежной России в славянских странах находила отражение на страницах различных сборников и таких многозначущих журналов, как «Воля России», «Своими путями», «Студенческие годы» (Чехословакия), «Славянский глас», «Русская мысль», «Зарницы» (Болгария), «Новое время», «Луч света» (Югославия).

Культурная жизнь русской диаспоры в Чехословакии бурно процветала не только в Праге, но и в Брно, Братиславе, а также в Черношицах, Вшенорах, Мокропсах, Ржевнице и других местах, где проживали беженцы из России. Огромное содействие русской эмиграции в развитии национальной культуры оказывали в Чехословакии организации и учреждения, ставившие перед собой цель чехословацко-русского сближения. Так, организованная 28 апреля 1919 года чешско-русская Еднота имела следующие главные задачи:

- а) содействовать развитию чешско-русской взаимности;
- б) изучать русскую жизнь во всех ее проявлениях и углублять знания о ней в чехословацком народе;

в) знакомить русское общество с жизнью в Чехословакии¹.

Еднота стала официальным и первым местом духовных радостей и морального отдыха от тяжелых переживаний изгнания. Русские писатели испытывали отградное чувство, делясь плодами своей художественной деятельности с чешским обществом. Лекции по литературе читали Е.П. Аничков, Г. Ашкинадзи, А.Л. Бем, Г. Бечка, В.Ф. Булгаков, Е.А. Ляцкий, С.К. Маковский, В.А. Мякотин, М.Л. Слоним, Ф. Степун, А.А. Тескова и др.²



**Дмитриева
Ирина
Александровна,
аспирантка кафедры
истории России
РГПУ им. С.А. Есенина**

Другим таким официальным местом был Русский Очаг, открытый 26 ноября 1925 года. Русский Очаг состоял из двух отделов. В одном была просторная библиотека-читальня. В другом — помещения, в которых проходили учебные занятия, Работали семинарии, читались лекции и доклады, проводились литературные собрания. Пользование помещением Очага и его библиотеки-читальни, как правило, было бесплатным. Они были открыты ежедневно, кроме праздничных и воскресных дней, с 8 утра до 7.30 вечера. Русский Очаг сыграл большую роль в проведении Дней русской культуры.

Важную роль в развитии русской литературы в Чехословакии сыграл Комитет Дня русской культуры. Это был официальный орган эмигрантских организаций. В 1925 году Объединение русских учительских организаций, Союз русских академических организаций, Педагогическое бюро по делам низшей и средней русской школы за границей и Объединение русских эмигрантских студенческих организаций³ обратились с предложением ко всем русским организациям за границей установить ежегодное празднование Дня русской культуры, приурочив его ко дню рождения А. С. Пушкина. Русские организации немедленно откликнулись на этот призыв, и в 1925 году был организован Комитет Дня русской культуры⁴. Уже в год создания Комитета в день рождения А.С. Пушкина было устроено первое празднование Дня русской культуры. Во-первых, праздник имел научное значение. В его первую часть входило утреннее торжественное заседание представителей русских общественных организаций. Программа включала речь представителя исполнительного комитета, доклад, посвященный памяти А. С. Пушкина, выступление общестуденческого хора. Во-вторых, в празднике были отображены русские национальные традиции. Во второй его части предусмотрено дневное народное гуляние, массовые игры, лапта, выступления общеказачьего хора, реальной гимназии и т.д. И, в-третьих, было видно, что русские эмигранты гордятся своей культурой и открыто это демонстрируют. Вечером для всех проходили спектакли, музыкально-вокальные выступления, чтение отрывков из произведений А.С. Пушкина и других русских писателей. В этот день витрины магазинов украшались художественными декорациями, продавались розетки и национальные флажки. К этому празднику приобщались и русские колонии в провинциях, куда Пражский исполнительный комитет направил своих лекторов. Комитет Дня русской культуры занимался развитием русской культуры и зодчества, балета, оперы, музыки, литературы и т.п. Он имел свою редакционную комиссию. Уже в 1925 году была издана ежедневная газета «Русская культура». В 1926 году при содействии издательства «Пламя» вышел сборник статей — «Зодчие русской культуры», в 1927 году брошюра профессора А.А. Кизеветтера — «Московский университет и его традиции».

Главными центрами литературной жизни «русской» Праги 1920—1930-х годов были Союз писателей и журналистов, а также творческие объединения «Далиборка» и «Скит поэтов». Союз и «Скит» являлись двумя крупными литературными сообществами с разной степенью организованности, но с определенным статусом членства. Союз был основан летом 1921 года сначала как Союз русских журналистов и писателей. Первым его председателем был З.Г. Ашкинадзи, которого позже сменил С.К. Маковский. Затем, 17 октября 1922 года, после внутренних противоречий он преобразовался в Союз русских писателей и журналистов⁵ и просуществовал до 16 октября 1941 года, объединив в своих списках 250 литераторов. Поочередно функцию председателя Союза выполняли П. Сорокин, С. Завадский, В. Булгаков, Н. Могиланский, Н.И. Астров, С. Варшавский, М. Новиков⁶. Цель организации заключалась в «объединении русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословацкой Республике, для улучшения их правового и материального положения, содействия их культурной работе»⁷. Союз оказывал материальную и юридическую помощь своим членам. Он занимался организацией ссудной кассы, защищал авторские права, выступал с ходатайством о субсидиях, визах и льготах. «Союз» осуществлял свою деятельность с Комитетом по улучшению быта русских писателей и журналистов, который существовал в 1922—1932 годах и субсидировался правительством Чехословакии. Однако Союз не ограничивался только профессиональными целями и задачами. Он организовывал литературные и литературно-музыкальные вечера с привлечением широкой русской и чешской публики. На них отмечались юбилейные даты А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского, М. Салтыкова-Щедрина, Н. Некрасова и т.д., вечера памяти А. Аверченко, П. Потемкина, Е. Чирикова и др. На собраниях Союза читались доклады на литературные и общественные темы, сопровождавшиеся оживленными диспутами. Члены Союза печатались в 174 изданиях, в том числе в 87 чешских и в 56 иностранных. За 10 лет существования организации издано 36 беллетристических и 113 научных книг его членов⁸. Союз проделал немалую работу по переводу русских

писателей на чешский язык. Происходило постепенное взаимопроникновение культур. Особое значение для понимания позиции русских писателей в Чехословакии имел прошедший в мае 1937 года «спор о наследстве Пушкина», где С.И. Варшавский предложил прочтение жизни поэта, отрицающее его «бунтарство»⁹. В диспуте участвовали Л. Бем и И.И. Лапшин. Среди документов РГАЛИ имеются извещения, афиши о совместных вечерах Союза и Русской драматической труппы в Праге в виде литературно-судебных диспутов. Так, 10 апреля 1935 года прошел «судебный процесс» «Убийство Шатова» (по роману Ф. Достоевского «Бесы»).

Таким образом, как видим, жизнь Союза была ярким творческим процессом, в котором наблюдался уклон к классической русской литературе. Но не только Пушкин и Достоевский были в центре внимания организации. Союз занимал умеренную позицию по отношению к советской литературе. В выступлениях молодежи членов Союза (А. Туринцев, Д. Лухотин, В. Ильинский) все чаще звучала мысль о том, что судьба русской литературы решается в России, хотя эта идея постоянно корректировалась старшим поколением. Союз проводил заседания, посвященные современной русской литературе без разграничения ее на советскую и эмигрантскую. Можно предположить, что Союз русских писателей и журналистов испытывал сильное влияние сменовеховства и евразийства, искал пути сближения с литературной метрополией.

Деятельность литературных эмигрантских кружков и организаций в Чехословакии тесно переплеталась. Те, кто состоял в правлении Союза русских писателей и журналистов одновременно руководили «Скитом поэтов» (А.Л. Бем) и «Далиборкой» (П.А. Кожевников). Часто трудно было различить, какая организация проводила то или иное мероприятие.

«Скит поэтов», объединявший молодых русских литераторов, возник в Праге 26 февраля 1922 года, руководителем которого был вышеупомянутый литературовед А.Л. Бем. Так как в 1928 году в его состав входили и прозаики, организация стала именоваться просто «Скит». Объединение носило замкнутый характер и сравнительно небольшое официальное число членов — 36 человек¹⁰. У «скитовцев» не было своей собственной эстетической программы, но их связывала ориентация на одни и те же традиции. А. Бем внушал им идею единого литературного потока, несмотря на политическое размежевание нации. В связи с этим в их творчестве традиции Серебряного века тесно соприкасались с достижениями советского авангарда. «Скит» был своеобразной творческой лабораторией, где начинающие литераторы учились художественному ремеслу. Основной его задачей было чтение и критический разбор произведений членов объединения, а также их переводов на чешский язык. Критические суждения о прочитанных произведениях имели откровенный, бескомпромиссный характер и нередко побуждали к острым словесным поединкам. В прениях принимали участие не только «скитовцы», но и приглашенные гости — чешский поэт Йозеф Гора, эмигрантские литераторы Н. Берберова, А. Ладинский, И. Северянин, Вл. Ходасевич, М. Цветаева и др. Кроме рабочих собраний, «Скит» ежегодно проводил одно или два публичных собрания совместно с Союзом. Отношения этих двух организаций строились на уровне «отцы и дети». И, несмотря на совместность действий и одинаковое эмигрантское положение, Союз не всегда шел навстречу «Скиту». Например, Союз отказал М. Мыслинской в помощи получения гонорара из редакции газеты «За свободу», так как она была членом «Скита».

Родственный кружок «Далиборка» был основан летом 1924 года четырьмя писателями, жившими в Праге: С.К. Маковским, Д.Н. Крачковским, В.А. Амфитеатровым-Кадашевым и П.А. Кожевниковым. В отличие от Союза и «Скита» этот кружок не был местом жарких словесных прений и диспутов. Отношение старших писателей к молодым в «Далиборке» было всегда товарищеским, не содержало в себе никакого учительства. Даже название кружок получил от кофейни «Далиборка» на Летне, в которой он первоначально собирался. Писатели пили чай, кофе и беседовали на литературные темы. Целями кружка было создание в Праге литературного очага для общения писателей, чтения оригинальных произведений, их критика и обсуждение, знакомство с чешской литературой и сближение с чешскими писателями, литературная поддержка молодежи. Товарище-

ская конкуренция побуждала молодежь не забрасывать свои рукописи, а доводить до конца. Указания и поправки делались, чтобы помочь молодому автору найти самого себя, свой стиль. В Праге имелось много литературных центров. «Угельный трг» — помещение редакции «Воля России», где два-три раза в месяц собирались молодые пражские писатели и поэты, некоторые ближайšie сотрудники «Воли России». Порой чай превращался в непринужденную беседу на литературную тему, разбиралось творчество какого-нибудь современного писателя или его последняя книга, читались и подвергались разбору собственные произведения¹¹. Главными вдохновителями были М. Слоним, С.П. Постников, Н.Ф. Мельникова-Папоушкова и В.И. Лебедев. Сюда приходили члены «Скита» и «Далиборки» и др.

Незабываемыми были и збраславские пятницы, представлявшие своеобразие жизни литературной диаспоры в Збраславе в 1923—1925 годах. Первоначально это был небольшой кружок русской интеллигенции, численность которого со временем выросла до 100 и более посетителей. Популярность збраславских пятниц зависела от успешно соединившихся в них интимного, семейного и в то же время серьезного, научного и литературного элементов. Начиналось с чая, все размещались за общим столом, украшенным букетами цветов. Очередные «хозяин» и «хозяйка» радушно угощали и занимали присутствующих. Тут же встречались и дети. Затем со столов убирали посуду, детей уводили на совместную прогулку, а собравшиеся переходили от непринужденной беседы к заслушиванию очередного доклада или литературного чтения¹², причем доклады и чтения были обязательны.

Такие же кружки можно было встретить в Ченошицах, Ржевнице, во Вшенорах и Мокропсах. Их зачинателями были все те же участники «Далиборки», збраславских пятниц и т.п.

Литературная диаспора в Чехословакии была достойным конкурентом эмиграции в Париже. И Союз, и «Скит», и другие литературные центры составляли основу развития творчества русских писателей и поэтов в эмиграции.

Творческий литературный процесс материализуется в издании произведения. У писателей и поэтов должны быть свои читатели. Однако для русского эмигранта-литератора важным было не только моральное удовлетворение, но и материальный достаток. Русская литературная Прага была достойным конкурентом русскому литературному Парижу, следовательно, издательская деятельность развивалась там достаточно интенсивно. В 20-е годы в Праге существовали такие русские издательства, как «Наша речь», «Пламя», «Кремль», «Воля России», «Крестьянская Россия». Самым крупным из них было «Пламя». Издательства выпускали тысячи книг, которые расходились по всему миру. Это были произведения русских классиков, учебники, научные труды и т. д. Немало в Праге выходило и русских периодических изданий. Вопросам культуры посвящали свои страницы еженедельники «Огни» и «Неделя», толстые журналы «Воля России», «Студенческие годы», «Своими путями». Все они создавали благоприятные условия для работы находившихся в Праге русских литераторов. Самой большой популярностью пользовались сочинения В. Немировича-Данченко, А. Амфитеатрова, М. Алданова и П. Краснова. Большая их часть публиковалась частями на страницах журналов. Новые произведения И. Бунина, Д. Мережковского, А. Ремизова, Б. Зайцева, А. Куприна и И. Шмелева всегда находили свой, пусть небольшой, рынок сбыта. У писателей же молодого поколения возникали большие сложности с публикацией своих книг. Даже целые объединения, такие, как «Скит» и Союз, с большим трудом находили возможность печатать и издавать свои сборники.

Немного иначе сложилась ситуация в Королевстве сербов, хорватов, словенцев. Здесь не было проведено широких правительственных акций по сохранению русской культуры и искусства. Реальная помощь стала оказываться лишь с учреждения в 1928 году Комитета русской культуры. Комитет имел возможность поддержать все жизненные культурные начинания русского интеллигентного человека¹³. 1 октября 1925 года был основан Союз русских писателей и журналистов в Югославии. Если в Чехословакии в основе Союза лежало товарищество, взаимопомощь и никакой политики, то в Белграде задачами Союза являлось предоставление возможности выступать публично на общест-

венно-политические темы в «Устной газете», работа против коммунистической пропаганды и идейная работа за освобождение России. Но, несмотря на это, Союз все-таки стремился объединить русских писателей и журналистов, оказывал им моральную и материальную поддержку, защищал авторские права. На собраниях члены «Союза» читали свои произведения, а затем шло их обсуждение. Союз принимал участие в деле издания и распространения журналов и газет, выпускал серию книг на сербском языке «Славенски класици», располагал библиотекой. Постепенно он сделался культурным центром, вокруг которого объединились не только литераторы, но и русские профессора, артисты, художники. В помещениях Союза располагались кружок молодых поэтов, кружок «Беседа», драматическая студия, редакция журнала «Бизанта», кружок «Поэзия и проза» и Союз ревнителей чистоты русского языка. Союз русских писателей и журналистов организовал три литературных конкурса, выставки, спектакли¹⁴. За 16 лет своего существования, до немецкой бомбардировки Белграда 6 апреля 1941 года, несмотря на то, что не все в Союзе протекало гладко, что обходилось без политических разногласий и интриг, многим русским он предоставлял объективную своевременную информацию и давал возможность принимать участие в общественной жизни, сохранить себя русскими.

Издательская деятельность в Югославии в межвоенные годы развивалась не менее интенсивно, чем в Чехословакии. Эмигрантские издательства и книготорговые предприятия находились главным образом в столице Королевства. По приблизительным данным, список русских газет и журналов, издававшихся на территории государства, насчитывал от 148 до 200—220 наименований¹⁵. Из них литературе посвящали свои страницы «Медуза», «Луч света», «Наше будущее», «Русский Архив», «Маяк». В Белграде работало около 20 издательств, выпускавших книги русских эмигрантских авторов независимо от места их жительства. Самым старым из них было книгоиздательство «М.И. Стефанович», основанное в 1910 году и специализировавшееся на выпуске произведений славянской литературы. Издательство напечатало книги А. Куприна, К.С. Попова, П. Тутковского, Е. Чирикова и др. В 1921 году возникло издательство «Святослав», работавшее в Белграде и в городе Нови Сад. Оно выпускало произведения популярной беллетристики, в том числе романы и повести Н. Брешко-Брешковского («Под звездой дьявола», 1923; «На золотом троне», «Печать проклятая», 1925), В. Варгунина («Утопия мечты», 1925), Л. Изломовой («Женщина на распутье», «Хмель жизни», 1928), Е. Пасынкина («Свет-победитель», 1925), П. Тутковского («Перст Божий», 1924). В типографии В.Ф. и С.Ф. Филоновых (Белград и Нови Сад) в 1923—1942 годах издавалась серия «Русская литература». С 1928 по 1936 год было выпущено разными издательствами более 50 новых книг русских писателей-эмигрантов. В серии «Русская библиотека» вышли произведения М. Алданова, А. Амфитеатрова, К. Бальмонта, И. Бунина, З. Гиппиус, Б. Зайцева, А. Куприна, В. Ладыженского, И. Лукаша, Д. Мережковского, В. Оболенского, А. Ремизова, Н. Роцина, И. Северянина, Е. Чирикова, Н. Тэффи, И. Шмелева. В следующей серии — «Детская библиотека» — было опубликовано 11 книг, в том числе произведения В. Булич, В. Черного. В серии «Библиотека для юношества» вышло только два издания. Книги писателей-эмигрантов предлагали читателям также работавшие до 1940 года издательства «Меркур» и «Слово». Несколько книг русских авторов — Е. Вадимова, Е. Журавской, Е. Спекторского, В. Хабарова — выпустил в 1929—1930 годах в своем издательстве писатель и театральный деятель Н. Рыбинский. Кроме того, книги эмигрантских поэтов и прозаиков издавали литературные кружки, общество галлиполийцев и другие организации.

Итак, как видим, издательская деятельность в Югославии отражала полноту творческой жизни русской литературной диаспоры, однако, судя по публикациям, повторяются имена Н. Рыбинского, А. Ренникова, А. Погодина, А. Амфитеатрова, М. Алданова, К. Бальмонта, И. Бунина, А. Куприна, И. Северянина, Е. Чирикова, Д. Мережковского и т.п. Это еще раз доказывает, что печатались в основном те, кто уже имел известность в литературном мире и чьи произведения пользовались спросом у читателей. Начать литературную карьеру молодому писателю или поэту было достаточно тяжело. Еще труднее было тем, кто начал писать в середине 30-х годов. В этот период снижается правительст-

венная поддержка русских эмигрантов. Закрываются многие русские издательства. Тяжело было и новаторам, творцам модернистского стиля. Средний читатель русского зарубежья, истощенный каждодневной борьбой за хлеб насущный, отдавал предпочтение художественной беллетристике, романам знакомых классиков и современных писателей, а не авангардной литературе.

В отличие от Чехословакии и Югославии Болгария так и не смогла стать более значительным культурным и литературным центром русской диаспоры. Во многом это было связано с ограниченными экономическими возможностями, установившимися дипломатическими отношениями с СССР и поднявшейся в конце 1920-х и начале 1930-х годов волной национализма. Но именно в Болгарии наиболее ярко проявились идеи славянского братства и возрождения славянизма. Об этом говорят и деятельность журнала «Славянски глас», и идеи Союза русских журналистов и писателей, и деятельность профессоров Софийского университета М.Г. Попруженко и Г.В. Ильинского, и взаимоотношения и работа К. Бальмонта с журналом «Славянски глас» и многое другое.

В 20—30-е годы в Болгарии выходило значительное количество русских периодических изданий, как правило, с малым сроком существования. В разное время в этой славянской стране проживали и посещали ее русские писатели и поэты. По сути, для большинства русских литераторов Болгария была лишь кратковременной остановкой на пути в другие центры эмиграции.

В 20—30-е годы здесь также существовал Союз русских писателей и журналистов. Его возглавлял Александр Федоров (1868—1949), писатель-реалист школы А. Чехова и И. Бунина, с которыми он был лично знаком и творчески связан¹⁶. Главную роль в Союзе играли также Е.Ф. Волошин, Н.И. Плавинский, Е.М. Астров, Н.И. Дубянский, Н.В. Долинский, Н.П. Ругковский, И. Солоневич, Б. Солоневич и др. Его членами были известные писатели: М.М. Карпов, Ю.К. Раппопорт, Л.Н. Столица, И.Э. Дуван-Торцов, Е.А. Полевицкая, граф Николай Зубов и др.¹⁷ Известно, что одной из главных задач организации было единение болгарских и русских писателей. Здесь так же, как в Чехословакии и Югославии, подробно изучалось творчество русских классиков Н. Гоголя, А. Чехова, Ф. Достоевского, И. Тургенева и др. Ряд произведений посвящались диктаторской власти РКП(б) и террору в России. Тема России, борьбы против большевиков и «Совдепии» — самая обширная, ею охвачена большая часть творчества каждого автора¹⁸.

Тот факт, что в Болгарии печатались произведения видных деятелей культуры, работавших в западных столицах, И. Бунина, В. Немировича-Данченко, П. Милюкова, П. Струве и других, говорит об общем направлении в развитии национальной русской культуры.

В 1920—1930-х годах в Болгарии публиковалось значительное количество русских периодических изданий — 87 газет и журналов¹⁹. Особенностью литературной жизни в Болгарии являлось то, что редакции газет и журналов становились центрами общественной, политической и творческой жизни. Литературное творчество в кругах русской эмиграции непосредственно связано с журналистикой. Почти все газеты печатали рассказы, романы, стихи, помещали другие литературные материалы, а некоторые отводили им целые литературные страницы. Такие газеты, как «Изгнанник» (1922), «Кнут» (1923), «Молодое слово» (1932—1937), «Казалия» (1935—1937) имели подчеркнутую литературную направленность. Среди «толстых» журналов большую роль в развитии русской литературы играли «Русская мысль» (1921), «Зарницы», «Славянски глас». В Болгарии было развито и русско-болгарское книгоиздательство, но печатали по большей части классиков: Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Ю. Лермонтова, А. Пушкина, А. Толстого и др. В 20-е годы функцию издательства русских книг взяла на себя редакция газеты «Русь», а в 30-е годы — «За Россию». Популярную беллетристику публиковало издательство «Зарницы». Существовали также малоизвестные книгоиздательства: «Акция», «Балкан», «Голос», «Художник» и др. Анализируя издательскую деятельность в Болгарии, можно сделать те же выводы. Как и в Чехословакии, в Югославии преимущество в напечатании своих работ в основном имели популярные писатели-современники.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что и в эмиграции существовала и развивалась русская национальная культура. Ее особенностью было деление на различные цен-

тры в Праге, Белграде, Софии, а также в Париже, Берлине и т.д. Географическая расчлененность становится объективной причиной своеобразной, но в чем-то похожей жизни русских национальных диаспор, что, возможно, также является причиной развернувшихся внутренних полемик и диспутов. Помимо идейных разногласий, шли жаркие споры внутри кружков и союзов. И в эмиграции не избежали извечной проблемы «отцов и детей». Все споры, разногласия и, наоборот, следование одной идеи внутри русских литературных диаспор в славянских странах говорят об их развитии. Славянские страны стали плацдармом возрождения единой национальной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Постников С.П. Русские в Праге 1918—1928 гг. Прага, 1928. С. 117.

² См. там же. С. 122.

³ Объединение русских учительских организаций было образовано в апреле 1923 г. Педагогическое бюро по делам низшей и средней русской школы за границей образовалось в апреле 1923 г. Во главе бюро стоял президиум, состоявший из 4 человек: В.В. Зеньковского, В.Н. Святозарова, кн. П.Д. Долгорукова и А.Л. Бема. Объединение русских эмигрантских студенческих организаций было создано в октябре 1921 г. с целью защиты академических, правовых, культурно-национальных и материальных интересов русских студентов-эмигрантов. (См.: Русский заграничный исторический архив в Праге. Межархивный путеводитель / Отв. ред. Т.Ф. Павлова. М., РОСПЭН, 1999. С. 44—47, 165—170, 176—237.

⁴ Комитет Дня русской культуры состоял из представителей различных русских общественных и культурных организаций г. Праги. Исполнительным органом Комитета являлся президиум, избираемый общим собранием представителей всех организаций, входящих в Комитет. Бюджет организации создавался из добровольных ассигнований русских организаций, входящих в Комитет, и от продажи билетов на вечера и собрания, устраиваемые Комитетом. Президиум избирался на один год. Со времени возникновения председателем была С. В. Панина. В состав президиума входили В.Г. Чириков, В.Ф. Булгаков, казначеем был П.Д. Долгоруков, секретарем И.Н. Заволоко, членами исполнительного комитета С.И. Варшавский, В.Г. Гонгарь, Е.В. Емельянов, пр. С.В. Завадский, В.А. Лазаревский, пр. И.И. Лаппо, пр. М.М. Новиков, В.А. Харламов. (См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5850, оп. 1, д. 4, л. 7.

⁵ См.: Белошевская Л. «Скит» и русская литературная Прага // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами: Сб. статей. Прага, 1995. С. 280.

⁶ См.: Русская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х гг.: Учебное пособие / Е.И. Пивоваров и др. М., 1994. С. 116.

⁷ Постников С.П. Русские в Праге 1918—1928 гг. С. 149.

⁸ См.: Аганесов В.В. Союз русских писателей и журналистов в ЧСР (по материалам Пражского архива в РГАЛИ и коллекции периодической печати Славянской библиотеки в Праге) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. С. 739.

⁹ Там же. С. 743.

¹⁰ См.: Русская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х гг. С. 118.

¹¹ См.: Постников С.П. Русские в Праге 1918—1928 гг. С. 140.

¹² См. там же. С. 141.

¹³ См.: Маевский Вл. Русские в Югославии. Нью-Йорк, 1966. Т. 2. С. 46.

¹⁴ Арсеньев А. Русские организации в Югославии // Русская культура XIX века: метрополия и диаспора: Сб. Тарту, 1996. С. 323.

¹⁵ См.: Русская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе в 20-х гг. С. 144; Арсеньев А. Союз русских писателей и журналистов в Белграде (русские в Белграде). Белград, 1996. С. 318.

¹⁶ См.: Русская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х гг. С. 135.

¹⁷ См.: Даскалов Д. Издательская деятельность русской эмиграции в Болгарии // Славяноведение. 1996. № 5. С. 85.

¹⁸ См. там же.

¹⁹ См. там же. С. 84.

С.В. Ковалёв

ВЛИЯНИЕ ИРАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1979 ГОДА
И ИРАНО-ИРАКСКОГО КОНФЛИКТА
НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АРАВИЙСКИХ МОНАРХИЙ

Антимонархическая исламская революция 1979 года в Иране оказала (и будет оказывать в обозримом будущем) значительное влияние не только на международные отношения в бассейне Персидского залива, но и на внутривнутриполитическую обстановку в странах региона.

Для народов аравийских монархий важнейшим уроком иранской революции было то, что она убедительно показала присущую феодально-монархическим режимам этого района внутреннюю слабость, отсутствие явной связи между исламской идеологией и безальтернативностью монархического режима правления.

Не менее серьезным уроком (как для правящих элит, так и для народов монархий Залива) стало осознание того факта, что ислам не всегда может служить идеологическим оружием в руках правящих элит в их борьбе с антимионархическими проявлениями. В определенные исторические периоды ислам может превратиться в «обоюдоострое оружие», используемое и против самих правящих элит.

Влияние иранской революции на внутривнутриполитическую обстановку в странах Персидского залива усиливалось сущест-

вованием шиитских общин, которые часто играли заметную роль в экономической жизни этих стран. Так, в Саудовской Аравии шииты составляли большинство населения Восточной провинции — основном нефтеносном районе страны¹. В Кувейте они составляли около 30 процентов населения и в 1982 году имели четырех представителей в кувейтском парламенте², в Бахрейне — 75 процентов, в Омане — 50 процентов, в Дубае — 30 процентов, в Абу-Даби и Катаре — 20 процентов населения³. Этот фактор усугублялся для правящих элит этих стран более тесными связями, установившимися между шиитскими и палестинскими общинами после иранской революции.

Как писал журнал «Foreign Affairs», после революции в Иране «руководители монархических государств и западные нефтяные компании, действующие в этом районе, должны будут считаться с потенциальным революционным влиянием как палестинских, так и шиитских элементов в этих странах»⁴.

Насколько опасным может оказаться пример иранской революции для правящих кругов, показали, в частности, события осени 1979 года в Саудовской Аравии, когда группой религиозных фундаменталистов был осуществлен захват главной мечети Мекки Аль-Харам.



**Ковалёв
Сергей
Владимирович,**
аспирант кафедры
новой и новейшей
истории стран
Востока и Запада
МПГУ

В 1980 году произошли волнения шиитов в Восточной провинции Саудовской Аравии, в Кувейте, Бахрейне и в других княжествах. В этих условиях правители Саудовской Аравии и княжеств Залива начали поиск стратегии, направленной на противодействие влиянию иранской революции.

Значительные возможности в этой связи открылись перед ними с началом ирано-иракского конфликта в сентябре 1980 года.

Не останавливаясь на подробном анализе причин и хода этого конфликта, имевшего продолжительную историю, необходимо указать на основные факторы, приведшие к его возникновению. Одним из таких факторов было серьезное беспокойство иракских руководителей относительно влияния иранского духовенства на шиитское население страны.

Шииты в Ираке составляют большинство населения (60 %), тогда как ключевые позиции в руководстве страны занимали сунниты. После революции 1979 года иранское духовенство заняло откровенно враждебную позицию по отношению к иракскому руководству, поощряя оппозиционные настроения среди иракских шиитов и оказывая им всевозможную поддержку, что грозило дестабилизацией внутривосточной обстановки в стране.

Ирак, взявший в конце 70-х годов курс на всестороннее развитие отношений с Саудовской Аравией и княжествами Персидского залива, в свою очередь стремился укрепить позиции в регионе за счет ослабления Ирана. В этих целях Ирак возобновил поддержку курдского движения за автономию в Иране и объявил о поддержке «стремления населения Арабистана (имеется в виду иранская провинция Хузистан, где проживает основная часть арабского меньшинства в Иране) к самоопределению»⁵.

В условиях, когда близкие к новому руководству Ирана религиозные лидеры заявляли о своем намерении «экспортировать» революцию в соседние страны и призывали шиитское население Кувейта и Бахрейна свергнуть существующие режимы, у иракского руководства все более четко проявлялось стремление продемонстрировать роль лидера в регионе.

В 1975 году между Ираном и Ираком был заключен Договор об урегулировании пограничных проблем и добрососедстве. В соответствии с этим договором Ирак был вынужден пойти на значительные уступки Ирану. Договор с самого начала рассматривался в Ираке как вынужденный и неравноправный.

После революции Иран столкнулся с серьезными внутривосточными трудностями. Была ослаблена центральная власть, возобновились бои в Иранском Курдистане, страна стояла на грани гражданской войны. В этой обстановке внутри иракского руководства созрело решение в пользу необходимости и возможности изменения статус-кво в отношениях между двумя странами и во всем регионе в целом.

Первым шагом в этом направлении стало аннулирование договора 1975 года, тем более что шахское правительство выполнило не все взятые на себя в рамках договора обязательства, в частности, удерживало под контролем некоторые территории, которые должны были перейти к Ираку. Территории не были возвращены Ираку и после революции в Иране. Кроме того, Ирак считал, что иранская сторона после 1979 года своими призывами к свержению режима и поддержкой шиитской оппозиции в Ираке нарушает алжирское соглашение 1975 года.

Выступая на исламской конференции в верхах в Эль-Таифе в январе 1981 года, президент Ирака Саддам Хусейн заявил, что Иран после 1979 года «не только не проявлял уважения к договору 1975 г., а напротив иранские ответственные деятели неоднократно заявляли, что они не признают этот договор и характеризовали его как не соответствующий интересам Ирана. <...> Все эти действия... не оставили камня на камне от алжирского соглашения»⁶. В силу этих причин, по заявлению С. Хусейна, «возврат к договору 1975 г. абсолютно исключается»⁷. 17 сентября 1980 года Ирак официально объявил об аннулировании договора 1975 года.

Активную роль в возникновении конфликта сыграли США и их креатура из числа бывших приближенных иранского шаха, а также праволиберальные иранские круги, заинтересованные в свержении режима Хомейни в Иране и в ослаблении Ирака. По сообщению «New York Times», бывшие премьер-министры Ирана Бахтияр и Овейси посетили Багдад накануне конфликта, а бывшие офицеры шахской армии «возможно передали Ираку данные о радиолокационных установках в Иране»⁸.

Немаловажную роль в развязывании конфликта сыграли феодально-монархические режимы, которые, подталкивая Ирак на конфликт с Ираном, стремились, как указывали многие авторы, к ослаблению как Ирака, так и Ирана⁹. Сразу же после начала конфликта они в той или иной форме демонстрировали свою поддержку Ираку. В те дни, когда иракская армия одержала первые победы, близкая к правящим кругам кувейтская «Ас-Сияса» писала, что к военному успеху Ирака причастны и страны Персидского залива, которые внесли свой вклад, оказав Ираку моральную поддержку. Необходимо отметить, что Саудовская Аравия и княжества Персидского залива (так же, как и Иордания) оказывали Ираку не только моральную, но и материальную поддержку. Через порты этих стран осуществлялось снабжение Ирака продовольствием, медикаментами и другими материалами (в том числе военными). Эти страны оказывали Ираку и солидную финансовую помощь. По некоторым подсчетам, к середине 1982 года один только Кувейт предоставил Ираку 6 млрд долларов на закупку военного и другого снаряжения¹⁰. Финансовая помощь Саудовской Аравии Ираку в период с сентября 1980 года по июль 1982 года оценивается в 10 млрд долларов¹¹. Общая сумма финансовой помощи аравийских монархий Ираку с начала конфликта до середины лета 1982 года оценивается различными источниками от 16 до 24 млрд долларов. Общая сумма финансовой помощи аравийских монархий Ираку, по оценкам западной печати, к середине 1984 года достигла 35 млрд долларов¹¹.

Вместе с тем аравийские монархии воздержались от формальных деклараций поддержки Ирака и отклонили просьбы Багдада о возможности использования их морских портов и аэродромов в военных целях в самом начале войны (ранее, в сентябре 1979 года, Бахрейн и Кувейт не приняли воинские контингенты Ирака, предлагавшего в преддверии назревающего конфликта «обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность» этих стран).

Необходимо отметить, что ирано-иракский конфликт вызвал серьезный раскол в арабском мире. В то время как аравийские монархии выступили в поддержку Ирака, такие страны, как Сирия, Ливия, Алжир, Народная Демократическая Республика Йемен, недвусмысленно встали на сторону Ирана.

Хотя аравийские монархии и оказывали Ираку солидную финансовую помощь в войне с Ираном, они, как показали дальнейшие события, преследовали совершенно другие, нежели Ирак, цели. В то время как Ирак стремился к ведущей роли в Заливе, эти страны, и в первую очередь Саудовская Аравия, ставили цель ослабить как Иран, так и Ирак, создав ситуацию, наиболее благоприятствующую интересам самих аравийских монархий. Они надеялись (и не без оснований), что ослабленные войной Ирак и Иран надолго будут заняты восстановлением разрушенной и подорванной войной экономики, остро нуждаясь в их финансовой помощи.

Наибольшие политические выгоды от этой войны, не отвечавшей интересам Ирака и Ирана, получила Саудовская Аравия. С самого начала, подталкивая Ирак на конфликт с Ираном, она преследовала собственные далеко идущие цели. Так, саудовские правящие круги рассчитывали, что в условиях, когда Ирак и Иран будут заняты борьбой между собой, удастся «выключить» этих двух основных соперников Саудовской Аравии из борьбы за влияние на малые княжества Залива, закрепить за собой роль лидера, как можно теснее привязав к себе эти княжества.

Дальнейшие события показали, что Саудовской Аравии во многом удалось достичь поставленных целей.

Наиболее важным достижением Королевства в этом плане следует считать создание Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ).

На протяжении 1970-х годов между Саудовской Аравией, Ираном и Ираком шла постоянная борьба за лидерство, за влияние на княжества в Персидском заливе. Эта борьба велась также в рамках обсуждения вопроса о создании в регионе военного блока. Идея создания такого блока была выдвинута британцами в преддверии вывода английских войск из Персидского залива. Однако тогда англичанам не удалось сформировать военный блок, причем основными препятствиями к этому стали противоречия между Ираном и Саудовской Аравией (Иран претендовал на Бахрейн) и отрицательная реакция большинства арабских стран.

В 1970-х годах инициатором создания подобного блока выступил Тегеран. Иран постоянно поднимал этот вопрос на переговорах с Саудовской Аравией и другими государствами Залива. Так, в январе 1971 года во время переговоров министров иностранных дел Саудовской Аравии и Ирана последний предложил создать военный блок с участием Саудовской Аравии, Ирана, Кувейта и Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ). Саудовская Аравия отвергла этот план. Отказ Саудовской Аравии был, видимо, вызван возможностью усиления позиций Ирана в Заливе, что противоречило интересам королевства.

После заключения известного Алжирского соглашения между Ираком и Ираном последний стал привлекать Ирак к переговорам о создании пакта.

В июле 1975 года в Джидду на конференцию мусульманских стран собрались министры иностранных дел государств Персидского залива. Иран выдвинул предложение о создании пакта безопасности, который предусматривал участие всех стран Залива в этом блоке. Однако единственной страной, которая поддержала Иран, был Ирак. Этот, на первый взгляд, парадоксальный факт можно, по-видимому, объяснить следующим обстоятельством: Иран и Ирак по-разному представляли себе содержание такого пакта; кроме того, Ирак, участвуя в переговорах, мог предложить собственный план укрепления безопасности в Заливе.

На следующей встрече министров иностранных дел Персидского залива осенью 1975 года в Нью-Йорке, во время сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций было заявлено, что «желательна какая-то система безопасности, хотя и не обязательно официальный пакт о безопасности»¹².

Одним из препятствий к сближению между Ираном и арабскими странами Залива было военное присутствие Ирана в Омане. По мере того как становилось ясным, что военное присутствие Ирана в Омане приобретает долговременный характер, менялось отношение и Саудовской Аравии к этому присутствию. Тем не менее, министру иностранных дел Кувейта было предложено подготовить новое совещание для обсуждения вопроса о безопасности в Персидском заливе. После долгих предварительных переговоров было объявлено, что конференция стран Персидского залива состоится осенью 1976 года в Маскате — столице султаната Оман. Уже задолго до начала конференции Кувейт заявил, что возражает против планов создания какого-либо военного блока и предложил ограничиться формированием общего флота для защиты Персидского залива. Свой отказ Кувейт объяснил приверженностью политике неприсоединения¹³.

Вопросом безопасности Персидского залива неожиданно заинтересовался Египет, предложивший собственное видение проблемы. Накануне конференции Иран и Ирак направили своих представителей в страны Залива с тем, чтобы обеспечить поддержку собственных планов. Таким образом, когда в конце ноября в Маскате открылась конференция, то на рассмотрение делегаций было представлено три проекта пакта о безопасности: иранский, иракский и египетский.

Маскатская конференция закрылась через 24 часа после открытия, так и не приняв никакого решения. Однако совещание в Маскате не было безрезультатным — оно дало толчок поискам новых решений.

В условиях, когда создание военного блока без участия Ирана и Ирака оказалось невозможным, Саудовская Аравия сделала ставку на развитие двусторонних отношений с княжествами Залива. Ирано-иракский конфликт предоставил Саудовской Аравии и ее союзникам уникальную возможность создать систему коллективной безопасности, под которой подразумевалась в первую очередь безопасность правящих семей от возможной дестабилизации их власти без участия Ирака и Ирана. Сразу же после начала ирано-иракского конфликта в конце 1980 года, Саудовская Аравия предложила княжествам Залива план, который предусматривал сотрудничество на основе следующих принципов:

1. Коллективная безопасность этих стран может быть обеспечена только в том случае, если в каждой из них обеспечены внутренняя стабильность и безопасность. Если под угрозой окажется безопасность одного или нескольких государств, то это скажется на безопасности всех остальных.

2. Коллективная безопасность этих стран может быть обеспечена только в том случае, если они откликнутся на просьбу других, чья безопасность оказалась под угрозой, оказав им содействие в борьбе против подрывной деятельности местного происхождения или деятельности, инспирированной извне, а также если они установят сотрудничество на международном уровне с тем, чтобы не допустить проникновения в какое-либо арабское государство международных преступников.

3. Серьезное значение имеет укрепление сотрудничества между силами полиции этих государств. Под этим следует понимать постоянную связь между ними, обмен информацией общего характера о преступниках и преступных актах, выработку единого курса и координации действий.

4. Саудовская Аравия настоятельно призывает к сотрудничеству в деле создания структуры коллективной безопасности с тем, чтобы закрыть доступ в эти страны каких-либо международных преступных и подрывных элементов, не допустить их укрывательства на территории арабских стран.

5. Саудовская Аравия готова оказать любую помощь остальным странам и сотрудничать с ними в борьбе с преступностью в любых ее проявлениях¹⁴.

В плане также указывалось, что сотрудничество между государствами Персидского залива неизбежно по стратегическим соображениям.

Таким образом, в представленном плане Саудовская Аравия основное значение придавала совместной борьбе против любых антимонархических проявлений, за консервацию имеющихся общественно-политических институтов.

В январе 1981 года Саудовская Аравия предложила княжествам Залива подписать двусторонние соглашения о безопасности, которые предусматривали бы и военное сотрудничество.

Однако итоги этих переговоров и создание ССАГПЗ показывают, что наиболее дальновидные представители правящих кругов княжеств Залива понимали всю потенциальную опасность создания под эгидой Саудовской Аравии военно-политического блока, ожидая негативной реакции Тегерана и Багдада, тем более что такие страны, как Кувейт и ОАЭ не были заинтересованы в гегемонии ни Ирана, ни Ирака в Персидском заливе. Наоборот, они стремились к сохранению равновесия сил между этими странами, что в наибольшей степени отвечало целям и задачам их внешней политики. Видимо поэтому Саудовской Аравии пришлось отказаться от планов создания военно-политического блока в «чистом виде». Вместо этого был взят курс на создание многоцелевой организации, где военно-политическое сотрудничество было бы «растворено» в разностороннем сотрудничестве для решения проблем экономического и социального характера.

Таким образом, Саудовская Аравия и ее союзники стремились к созданию такой организации, которая, выдвинув сначала на первый план сотрудничество в решении социально-экономических проблем, могла бы постепенно и по мере «созревания» расширить свои функции и в сфере военно-политического сотрудничества.

Такой механизм в результате интенсивных переговоров был создан в мае 1981 года и получил название Совета по сотрудничеству арабских государств Персидского залива. В него вошли Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ, Бахрейн, Катар и Оман.

В совместном коммюнике о создании ССАГПЗ страны-участницы заявили: «Сознавая, что особые отношения, сходные условия и режимы объединяют их; будучи убежденными в важности установления широкого сотрудничества во всех сферах, в особенности в области экономики и в решении социальных проблем; веруя в общность судеб и единство целей; стремясь к установлению сотрудничества, интеграции и тесных взаимоотношений во всех областях, Объединенные Арабские Эмираты, государство Бахрейн, королевство Саудовская Аравия, султанат Оман, государство Катар и государство Кувейт приняли решение создать организацию, которая будет способствовать углублению и расширению тесных взаимоотношений, связей и сотрудничества между своими членами в различных сферах»¹⁵.

Высшим органом ССАГПЗ был объявлен Высший совет, который будет созываться два раза в год на уровне глав государств. Чрезвычайная сессия Высшего совета может быть созвана по требованию одного из членов, если это требование поддерживает как минимум еще один член организации.

В рамках организации были созданы также Совет Министров и Генеральный секретариат. Совет Министров будет состоять из министров иностранных дел и в его задачу входит определение основной линии работы Генерального секретариата и подготовка встреч Высшего совета. На Генеральный секретариат возлагаются исполнительные функции. Первым Генеральным секретарем ССАГПЗ был назначен Абдалла Бишара (Кувейт).

В первых официальных документах организации основное внимание уделялось стремлению стран-членов к сотрудничеству в решении проблем экономического и социального характера. Созданию впечатления, что ССАГПЗ является только подобием Общего рынка, способствовало и обилие материалов об экономическом сотрудничестве и интеграции в рамках этой организации, которые публиковались в западной и местной печати.

«Мы не хотим делать упор на совместное решение политических проблем, а хотим делать упор на решение экономических проблем», — заявлял в 1981 году Генеральный секретарь ССАГПЗ А. Бишара¹⁶, однако это не соответствовало истине. С момента возникновения ССАГПЗ страны-члены стремились к проведению координированной политики в отношении ближневосточного конфликта, ирано-иракского конфликта, согласованию позиций по иным внешнеполитическим вопросам, в первую очередь затрагивающим безопасность стран «аравийской шестерки».

Так, в 1983 году тот же А. Бишара на просьбу одного из журналистов перечислить достижения ССАГПЗ за два года ответил так: «Мы сделали первые шаги в направлении создания конфедеративной системы. Это проявляется в первую очередь в политической координации. Во-вторых, мы начали координацию в области безопасности и обороны. В-третьих, мы начали претворение в жизнь первого раздела экономического соглашения об унификации... В политической области мы открыто координируем нашу политику. В военной области мы уже заложили основы для такой координации»¹⁷.

Сотрудничество стран-членов ССАГПЗ в военно-политической области развивалось довольно быстрыми темпами. Так, уже к началу 1982 года Оман, ОАЭ, Бахрейн и Катар подписали с Саудовской Аравией (в рамках ССАГПЗ) договоры о «безопасности». Начиная с 1983 года вопросы сотрудничества в военной и политической области заняли ведущее место на регулярных совещаниях в верхах стран ССАГЗ; уже в октябре 1983 года на территории Абу-Даби (ОАЭ) были проведены совместные военные маневры под названием «Щит полуострова».

Создание ССАГПЗ стало важным событием в международных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке. Влияние этой организации на ход последующих событий в регионе трудно переоценить.

Можно заключить, что создание ССАГПЗ явилось значительной вехой во взаимоотношениях Саудовской Аравии с княжествами Персидского залива, в развитии интеграционных процессов в этом регионе. С созданием Совета сотрудничества Саудовская Аравия значительно расширила возможности влияния на внутреннюю и внешнюю политику княжеств Залива, включив их в орбиту своей внешней политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Middle East Economic Digest. (L.) 1982. № 24. С. 30.
- ² См. Ibid.
- ³ См.: Foreign Affairs. (L.) 1979. № 5. С. 1019—1020.
- ⁴ Ibid. С. 1021.
- ⁵ Christian Science Monitor. (Boston.). 1980. 25 Sept.
- ⁶ Ас-Сира' аль-араби аль-фарси. Париж, 1981. С. 219—229.
- ⁷ New York Times. 1980. 27 Sept.
- ⁸ См.: David L. The Persian Gulf. An introduction to its people, politics and economics. Boulder, 1976.
- ⁹ См.: Current Affairs Bulletin. (Sydney.) 1982. Май. Прилож.
- ¹⁰ См.: International Herald Tribune. (P.) 1982. 8—9 июля. Прилож.
- ¹¹ См.: U.S. News and World Report. (Wash.) 1984. 18 June.
- ¹² Раствахиз. (Тегеран.) 1976. 7 мая.
- ¹³ См.: Foreign Report. (L.) 1975. 18 Nov.
- ¹⁴ См.: Middle East Economic Digest. (L.) 1982. № 24. С. 16.
- ¹⁵ Коммюнике о создании Совета по сотрудничеству арабских стран Персидского залива // Там же. 1981. № 78. С. 10.
- ¹⁶ Раствахиз. (Тегеран) 1981. № 75. С. 36.
- ¹⁷ Народы Азии и Африки. (М.) 1980. № 5.

Ю.В. Трифанкова

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ ДИПЛОМАТИИ
В РОССИИ ПРИ ПЕТРЕ I И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ
В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Б.И. КУРАКИНА

По мере расширения и укрепления российского централизованного государства происходило становление профессиональной дипломатической службы. Хронологические рамки этого процесса охватывают XV—XVII столетия и совпадают с общеевропейскими.

К началу XVIII века Россия достигла значительных успехов в организации профессиональной дипломатической службы, причем по ряду показателей даже опережала страны Западной Европы¹. Но только во время правления Петра I на русской почве утверждается современная модель дипломатии.

Стоит сразу отделить понятие «современная модель дипломатии» от других, сходных с ним. Современная модель дипломатии возникла как функциональное выражение международных отношений нового типа. Она сложилась на Апеннинском полуострове в эпоху Возрождения и постепенно была воспринята другими государствами. Эта модель основывается на светском суверенитете и системе равновесия или баланса сил. Ее характерными чертами являются институт постоянных дипломатических представительств и усиление роли международного права.

Современная модель дипломатии не могла возникнуть в России раньше по

ряду причин. Во-первых, постоянные внешние угрозы и вызываемая ими сверхцентрализация препятствовали независимому существованию отдельных княжеств и налаживанию между ними дипломатических

отношений, как это произошло в Италии. Другой причиной являлся сам принцип государственного устройства, основанный на единстве «священства» и «царства»². Универсализм христианского сознания преграждал путь светскому пониманию суверенитета правителя. Русское государство представлялось центром притяжения всех православных. Любопытно, что само понятие «патриот» появилось в России только при Петре I. Деятели церкви оказывали значительное влияние на внешнеполитический курс русских самодержцев³. Дипломатической службе допетровской России были присущи основные

черты византийской модели. Последняя же, при всей своей изощренности, не пошла по пути создания постоянных дипломатических представительств. Одной из основных ее характеристик являлась направленность на христианизацию окружающих империю варварских народов. Поэтому и международным задачам России часто придавался религиозный характер. Например, одним из обоснований внешней политики на западных рубежах была защита православного населения от наступления католи-



**Трифанкова
Юлия
Викторовна,**
аспирантка кафедры
средневековой и новой
истории Отечества
РГПУ им. С.А. Есенина

цизма, а присоединение новых земель неизменно сопровождалось обращением местных народов в свою веру. В России до XVIII века отношения с другими государствами устанавливались только после тщательной проверки, в противном случае державам могли и отказать в установлении таковых⁴. Отношение к светским концепциям дипломатии было весьма подозрительным.

Петр I упразднил институт Патриарха, подчинил церковь Государственному Синоду, радикально реформировал саму систему власти, претворив в жизнь принципы секуляризации государственного устройства. Это позволило ему самостоятельно, без церкви, решать международные вопросы, приняв за основу европейскую концепцию дипломатии.

При Петре I была образована широкая сеть постоянных дипломатических представительств России за рубежом: к 1724 году их количество достигло 21. Две главные цели — приобретение для России естественных границ и обеспечение для нее достойного положения в Европе — определяли те государства, с которыми устанавливались постоянные контакты. Так, после вступления англичан в союз со шведами император предписывает Б.И. Куракину «всемерно гишпанской стороны искать»⁵, для чего предлагает обменяться с этой страной постоянными посольствами.

В рамках сохранения системы европейского равновесия представители России участвовали в многосторонних международных конференциях и конгрессах, посреднических акциях, разработке и принятии различных договоров и соглашений. Таким образом, идея баланса сил была в XVIII веке усвоена русскими дипломатами. Еще в 1706 году Б.И. Куракин запланировал написание книги «Политика государств к содержанию монархии Московской, с которыми потентаты должно лианс держать и против кого»⁶. Принцип политического равновесия был санкционирован на Утрехтском конгрессе в 1713 году, где его провозгласили «лучшим и наиболее прочным основанием дружбы и продолжительного согласия держав»⁷. В Утрехте русской дипломатии во главе с князем Борисом Ивановичем Куракиным удалось уничтожить единый блок морских держав в северном вопросе, при дружественной поддержке Голландии помешать вмешательству западноевропейских держав в северные дела.⁸ Еще большему вовлечению России в систему европейского равновесия способствовало подписание Амстердамского договора 1717 года, по которому она обязалась действовать против нарушителя Утрехтского договора вплоть до применения вооруженных сил.

Смена внешнеполитической концепции России вызвала к жизни как прогрессивные изменения, так и определенные проблемы в дипломатической службе страны.

Россию далеко не сразу восприняли как равноправного члена международного сообщества. Возникло множество вопросов с титулатурой Петра. По завершении римской миссии Б.И. Куракину пришлось уехать без отправной грамоты, так как Папа отказался именовать в ней царя «величеством». «И грамоты отсель противно мне будет нельзя взять, для чего не хотя должной чести отдать в титуле и «величества» написать», — писал князь П.П. Шафирову⁹.

В Старой Европе послы представляли собой державы первого ранга. За Россией это право еще не было признано, и положение ее дипломатических представителей было подчас не определено. Однако при Петре I представители России впервые становятся членами дипломатического корпуса. Если в 1600 году Микулину, отправлявшемуся в Англию, запрещалось согласно наказу даже садиться за один стол с послами других государств¹⁰, то теперь русские дипломаты не чуждаются иностранцев, а стремятся наладить с ними контакты. Б.И. Куракин понимал, что для успеха дипломатической миссии использование только официальных путей было недостаточным. Для установления разносторонних связей и дружественных отношений с государственными деятелями, влиятельными лицами и иностранными послами он использовал систему дипломатических представительств, устраивал балы, званые обеды, приемы, на которые приглашались министры, иностранные послы, преподносились подарки. Общительный по своему характе-

ру, прекрасно владевший языками, он легко устанавливал связи с важными персонами и широкими кругами общества.

Особое внимание в начале XVIII века российские дипломаты стали уделять соблюдению этикета. До появления института постоянных дипломатических представительств, когда послы приезжали и уезжали, у них не было возможности, да и необходимости вдаваться во все его тонкости. Теперь же они осознали необходимость изучения профессионального этикета. По словам Куракина, «...между посольских дел паче всего церемония, для чего, чем может великий урон чести государственной учинить»¹¹. В церемониале для него не было мелочей, он вникал во все его нюансы¹². Благодаря стараниям Б.И. Куракина элементы европейской дипломатической практики переносились на российскую почву. Детальные описания дипломатического этикета, сделанные Борисом Ивановичем, заменили учебник не одному поколению российских дипломатов. В «Дневнике и путевых заметках» Б.И. Куракина есть сведения, например, о том, как в Риме принято рассаживаться в карете согласно занимаемому положению, перед кем позволено ходить в перчатках, а перед кем это будет «значить непочтение», кому следует провожать кардинала до ворот, а кому «аж до самой кареты»¹³.

В условиях включения России в систему европейского равновесия особенно важным становится осведомленность ее представителей за рубежом как о внутренних делах различных стран, так и о международной ситуации в целом. Б.И. Куракин в самом начале своей дипломатической карьеры, будучи в Риме, отмечает недостаток информированности российских дипломатов. Со свойственной ему скрупулезностью он даже пишет записку под названием «Для своего остерегания на память», в которой перечисляет события, о которых его не оповестили из России, но в курсе которых ему следовало быть, чтобы правильно и своевременно действовать, а подчас, чтобы не выглядеть нелепо в глазах окружающих¹⁴. Вот типичный пример из этого списка: «Когда арцибискуп львовский взят был в неволю, и об нем как протестовали от Речи Посполитой, и что при нашем дворе делалось, — о том знать не дано. А здесь об том и слово было от министров, чтоб его свободить»¹⁵. Куракин обращается с просьбой о более частой корреспонденции к Г.И. Головкину, А.А. Матвееву, П.П. Шафирову, фон Литту¹⁶. Со временем русские послы наладили эффективную систему взаимного оповещения. Кроме того, Борис Иванович, долгое время проживавший в Гааге, создал там нечто вроде информационного центра, в который стекались сведения со всей Европы. За советом к Куракину обращались не только российские дипломаты, но и представители дружественных стран, что свидетельствовало о его высоком авторитете.

С распространением института постоянных представительств становится регулярной переписка дипломатов с отечественным правительством. В 1722 году Куракин учил сына, назначенного министром во Францию, «ко двору писать по вся недели поединожды. А когда нужное дело бывает или новина должная, сообщить, тогда и вдругоредь писать»¹⁷.

В то время необходимости поддерживать постоянную дипломатическую переписку не было, так что организация доставки корреспонденции оставляла желать лучшего. Депеши посылались с почтой, нарочными и курьерами¹⁸. Письма шли долго, например, письма от Матвеева из Гааги Куракин получал в Риме примерно через месяц после отправки.

В России, как и раньше, действовала система выдачи жалования дипломатам из государственных средств. В связи с организацией постоянных представительств в целом ряде стран, необходимостью поддержания статуса посольства великой страны, расходы на содержание дипломатического корпуса увеличивались. Успешная деятельность дипломатов в XVIII веке во многом зависела от их материальной обеспеченности: нужно было тратиться на приемы, благодарить за услуги¹⁹. Жалование российским послам было небольшим и составляло в среднем 5—6 тыс. рублей в год, в то время как представители

других государств получали в 3—4 раза больше. Кроме того, порой оно приходило с задержкой на год и более. Хотя богатство вряд ли было решающим фактором при назначении на дипломатическую должность, возможно Петр I принимал в расчет тот факт, что состоятельные персоны смогут поддерживать за границей блеск и достоинство русского двора, приплачивая к царскому жалованию немалый процент своих доходов. Послы, как правило, проживали большие суммы из личных средств. Подобная практика подорвала материальное благосостояние Б.И. Куракина настолько, что в 1723 году он решился обратиться к императору с просьбой о повышении жалования до 11 тыс. рублей в год. Свою «дерзость» князь объясняет безвыходностью положения: «...ныне нахожу себя в крайнем разорении от таких великих прожитков долговременной бытности»²⁰.

Говорить о том, что религия, много веков пронизывавшая внешнюю политику России, вдруг перестала влиять на нее, неверно. Например, важной задачей Б.И. Куракина во время его пребывания в Лондоне было решение вопроса о строительстве там православной церкви²¹. Но в контексте формирования современной модели дипломатии в России, ставшей возможной лишь после установления приоритета светской власти, представляет интерес следующий факт. Куракин как истинный дипломат сумел отступить от религиозных предрассудков и умилил Папу Римского, поцеловав его ногу, как того требует обычай, отметив при этом, что в Риме обычаю целовать понтифику ноги придают очень большое значение и особо себе в заслугу вменяют, когда «кто иностранной и не их религии ногу поцеловал»²².

В новых условиях дипломатической службы, когда посол не отбывал на родину, выполнив свою миссию, стало невозможным предусмотреть ход событий в далекой перспективе и выдать ему подробные инструкции. К тому же, как отмечалось выше, оперативную связь со своей страной делало невозможной и упомянутое состояние почтовой службы. В связи с этим послам предоставлялась гораздо большая свобода действий и инструкции, получаемые ими при назначении, часто заканчивались подобными формулировками: «Прочее разсуждению и благоразумию его, господина Куракина, вручается»²³. Постепенно установился принцип, впоследствии принятый и в теории, и на практике, по которому способный дипломат не нуждается в подробных наказах, какие выдавались прежде послам Московского государства. Это налагало на представителей России большую ответственность, требовало осведомленности в международных делах, знаний дипломатического этикета, языков, культурных особенностей других стран, а также инициативности, решительности, самостоятельности. Теперь к выбору послов государю приходилось подходить гораздо тщательнее. Они уже были не просто людьми, которые оглашали царскую волю и на все, что не прописано в наказе, отвечать отказывались. Не случаен поэтому тот факт, что дипломатическая история допетровского времени практически безымянна — внешнюю политику вершили преимущественно правители. В начале же XVIII века выдвигается целая плеяда талантливых дипломатов. Хотя почти все дипломатические посты при Петре I занимали выходцы из дворян, наряду с происхождением учитывалась и выслуга. Ничуть не умаляя определяющей, направляющей роли Петра Великого во внешней политике России²⁴, все же отметим, что многие его современники — выдающиеся дипломаты — не были слепыми исполнителями воли своего правителя. Реяции Б.И. Куракина, например, представляли собой не просто докладные записки; в них, кроме изложения фактов, содержались широкие обобщения и глубокий анализ событий. Многие иностранцы отмечали его образованность и проницательность²⁵.

С.М. Соловьев подчеркивал, что русские дипломаты времен Петра I прошли большую и тяжелую школу, они действовали в трудное время, и то, что они сумели успешно справиться со своими задачами, делает им большую честь.

Петровская эпоха стала знаковой для истории русской дипломатии. В это время утверждается концепция дипломатии как системы взаимоотношений между суверенными государствами, основанной на взаимном обмене постоянными дипломатическими пред-

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

ставителями, воплощающими суверенитет своего правителя. В результате Россия смогла создать современную дипломатическую службу и стать активным действующим лицом в системе европейского, а затем и мирового равновесия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее об этом см.: Зюнова Т.В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. М., 2003. С. 25—29.

² См.: Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. М., 1995. С. 162.

³ См.: Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России, СССР за 1000 лет. М., 1995. С. 159.

⁴ См. там же. С. 228.

⁵ Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 11.

⁶ Там же. Кн. 3. СПб., 1892. С. 168.

⁷ Даневский В.П. Системы политического равновесия и легитимизма. СПб., 1882. С. 7.

⁸ См.: Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 5. Саратов, 1894. С. 1—224 (материалы к истории Утрехтского съезда).

⁹ Там же. Кн. 3. С. 356.

¹⁰ См.: Русское историческое общество: Сб. СПб., 1886. Т. 38. С. 291.

¹¹ Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 1. С. 199.

¹² См. там же. Кн. 1. С. 186—190, 193, 211—212; Кн. 3. С. 262—275.

¹³ Там же. Кн. 1. С. 186—187.

¹⁴ См. там же. Кн. 3. С. 185—188.

¹⁵ Там же. С. 185.

¹⁶ См. там же. С. 342, 343, 347.

¹⁷ Там же. С. 79.

¹⁸ См.: Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. 1. Варшава, 1897. С. 352—359.

¹⁹ См.: Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 3. С. 205—206.

²⁰ Там же. Кн. 1. С. 288—290.

²¹ См.: Александренко В.Н. Указ. соч. Т. 2. Материалы. Варшава, 1897. С. 43—45.

²² Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 1. С. 212.

²³ Там же. Кн. 2. С. 9.

²⁴ Подробнее об этом см.: Молчанов Н.Н. Петр I. М., 2003; Александренко В.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 15—16, 117.

²⁵ См.: Русское историческое общество: Сб. СПб., 1886. Т. 50. С. 305, 447; Сен-Симон. Мемуары: полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве / Пер с фр. Ю.Б. Корнеева. М., 1991. С. 350; Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. 4. Саратов, 1893. С. 121—122.



VI. В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ

А.Ф. Палаев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ. БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (XII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIV ВЕКА) (МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ)

История русских земель XII—XIV веков известна студентам неисторических специальностей не настолько хорошо, чем, к примеру, эпохи, близкие к современности: революционные события в начале XX века, история Великой Отечественной войны, послевоенное время.

Особую актуальность в связи с распадом Советского Союза на суверенные государства приобретает политическая раздробленность Древней Руси. У студентов возникает немало вопросов, на которые они смогут получить ответы при изучении данной темы и сопоставить процессы, проходившие в те далекие времена, и исторические события современности на постсоветском пространстве.



Палаев Александр Фёдорович,
кандидат исторических наук,
доцент РГПУ им. С.А. Есенина

Для раскрытия темы предлагается следующий план семинарских занятий, рассчитанный на два часа:

1. Причины, характер, содержание и последствия политической раздробленности Древней Руси.

2. Основные русские земли и княжества: Новгородская феодальная республика и Владимиро-Суздальское княжество. Особенности их развития.

3. Борьба русского народа против иноземных захватчиков в XIII веке.

Список рекомендуемых источников

Воскресенская летопись. Т. 2. Рязань, 1998.

Слово о полку Игореве. (Любое издание.)

Хрестоматия по истории России: В 4 т. Т. 1: С древнейших вре-

мен до наших века / Сост. И.В. Бабич, Н.В. Захаров, И.Е. Уколова. М., 1994. С. 59, 77, 94—117.

Список рекомендуемой литературы

- Бушуев С.В., Миронов Г.Е. История государства Российского: Историко-библиографические очерки. Кн. 1. IX—XVI вв. М., 1991.
Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1995.
Горский А.А. Русские земли в XIII—XIV вв.: пути политического развития. М., 1991.
Гумилев Л.Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. М., 1992.
История России с древнейших времен до конца XVII века / Отв. ред. А.Н. Сахаров, А.П. Новосельцев. М., 1996.
Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М., 1984.
Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. Т. 1. М., 1987.
Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987.
Мартышин О.В. Вольный Новгород: Общественно-политический строй и правители феодальной республики. М., 1992.
Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993.
Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. М., 1983.

После смерти сына Владимира Мономаха, Мстислава Великого в летописи под 1132 год записал: «И раздрася вся Русская земля...» На месте единого Древнерусского государства образовались самостоятельные, суверенные княжества, по своим масштабам равные западноевропейским королевствам. Начался период политической раздробленности, длившийся на Руси с первой трети XII до конца XV века. Государство с единым центром в Киеве распалось к середине XII века на 15, к началу XIII века — на 50, а к XIV веку — почти на 250 княжеств. Политически Древняя Русь стала похожа на лоскутное одеяло.

Приступая к изучению первого вопроса семинарского занятия, студенты должны, прежде всего, уяснить, какие причины вызвали процесс дробления единого государства на десятки самостоятельных княжеств? Какие факторы явились определяющими в этом процессе?

Анализируя причины политической раздробленности, необходимо понять, что не политические причины и не кровавые княжеские усобицы лежали в основе этого явления.

Главная, определяющая причина политической раздробленности Руси находилась в условиях экономического развития. Раннему феодализму свойственно было господство натурального хозяйства, отсутствие устойчивых экономических связей между городами и землями. В русских землях сложилось крупное феодальное землевладение: княжеское, боярское и церковное. Каждое из них в экономическом отношении стало вполне самостоятельным комплексом угодий, группировавшихся вокруг двора феодала. Почувствовав экономическую силу и самостоятельность, феодалы стали сосредоточивать в своих руках всю административную, судебную и военную власть. К концу XII века они выросли и окрепли настолько, что смогли начать самостоятельную жизнь.

Во-вторых, не менее существенной причиной раздробленности Руси явилась позиция местных княжеских династий, которых поддерживало боярство. Бояре были недовольны «данями» и «уроками» в пользу киевского князя, его вмешательством в их дела. Сепаратизм местных князей поддержали и ставшие соперниками Киеву города Новгород, Суздаль, Чернигов, Смоленск, Полоцк. В стольных городах князя основали свои династии: в Чернигове — Ольговичи, на Волыни — Изяславичи, в Полоцке — Брянчиславичи, во Владимире на Клязьме — Юрьевичи.

В-третьих, политической раздробленности способствовало изменение характера княжеской власти. Если раньше князя охотно меняли свои уделы, занимая княжение по-

сле смерти следующего по старшинству князя, то теперь они цепко держались за свои «отчины», думали о расширении и укреплении своих княжеств. Местные князья стремились не истощать свое княжество излишними поборами, чтобы оставить его наследникам в хорошем состоянии. По свидетельству летописцев, они советовались с боярами «о строем земленем, и о ратях, и о уставе земленем».

Однако единение местных князей и бояр продолжалось недолго. Князья стремились к полной власти. Конечный исход борьбы между князьями и боярами определялся реальным соотношением сил в каждом княжестве. В Новгородской земле боярство полностью подчинило князей, превратив Великий Новгород в своеобразную «боярскую республику».

Во Владимиро-Суздальском княжестве, где феодальные отношения сложились несколько позже и боярство еще не достаточно окрепло, княжеская власть сделала крупные шаги к «самовластью». Борьба между княжеской властью и боярством была основным содержанием политической жизни русских княжеств со второй половины XIII века.

В-четвертых, существенной причиной дезинтеграции Руси был рост и усиление городов как центров политической и экономической жизни. К концу XIII века в стране насчитывалось около 300 городов. Они становились торгово-промышленными центрами для окрестных земель, производя все необходимое для хозяйства, торговли, войны и украшения быта. Постепенно некоторые крупные города становились административными центрами более сильных княжеств. Их появление способствовало обособлению отдельных земель от Киева, экономическому и политическому дроблению страны.

В-пятых, обособлению отдельных княжеств способствовал геополитический фактор. Раньше других от Киева отделились именно те земли, которым не угрожала опасность со стороны кочевников. Это были Новгород и Полоцк, которые установили тесные торговые связи с Западной Европой, стали центрами внешней торговли с ганзейским Союзом, что способствовало самостоятельности этих городов, появлению сепаратизма.

Окраинное положение, близость к Венгрии и Польше способствовали отделению Галича, Волыни, Чернигова.

И, наконец, распаду Древней Руси способствовала ее столетняя борьба против кочевников, которая истощала народные силы, замедляла общий прогресс, обрекала страну на отставание. Преимущество в своем развитии получили другие земли, которые не испытывали мощного давления со стороны кочевых народов.

Изучив материал, раскрывающий причины политической раздробленности Древней Руси, студенты должны понять, к каким историческим последствиям привели эти события.

Во-первых, важно усвоить то обстоятельство, что с точки зрения исторического развития политическое дробление Руси явилось закономерным этапом на пути будущей централизации страны и ее экономическому и политическому подъему на новой цивилизационной основе. Переход к раздробленности не сопровождался упадком Руси, напротив, он был ознаменован крупными сдвигами в социально-экономическом, политическом и культурном развитии. Власть стала более эффективной, она получила возможность своевременно реагировать на кризисные ситуации. В эти годы набирала силу и крепла Русская Православная церковь. Из кругов духовенства в это время вышло немало замечательных литературных, философско-богословских трудов.

Вместе с тем необходимо акцентировать внимание студентов и на негативных последствиях политической раздробленности.

Прежде всего, разделение Руси на самостоятельные княжества резко усилило раздоры и междоусобные войны между отдельными территориями.

Во-вторых, суверенные княжества сами начали дробиться на более мелкие образования.

В-третьих, внутренняя политическая жизнь самостоятельных княжеств отличалась большой нестабильностью. Наиболее характерными были конфликты между князьями и боярской оппозицией.

И, наконец, в-четвертых, — и это самое главное, — дезинтеграция, политическая раздробленность резко ослабили обороноспособность Древнерусского государства. Утрата единства страны, сопровождавшаяся княжескими усобицами, ослабляла и разъединяла ее военные силы перед лицом иноземной агрессии. Русские феодальные княжества и земли стали жертвой монголо-татарских завоеваний.

Заканчивая изучение первого вопроса, важно обратить внимание студентов на то обстоятельство, что дробление Древней Руси не привело к распаду русской народности, исторически сложившейся языковой, территориальной, экономической и культурной общности. В русских землях продолжало существовать единое понятие Русской земли. «О Русская земля, ты уже за холмом!» — патетически провозглашал автор «Слова о полку Игореве».

Политический распад Руси никогда не был полным. Сохранялись центростремительные силы, которые противостояли центробежным. К этим силам относились власть киевских князей, влияние Русской Православной церкви, которая всегда выступала за единую Русь. Следовательно, идея единения русских сил в борьбе с общим врагом, отсутствие культурной разобщенности, общее религиозное сознание и единство церкви — все это замедляло процесс обособления и создавало условия для будущего воссоединения русских княжеств и земель. К такому выводу должны прийти студенты в результате изучения материала о причинах политической раздробленности Древнерусского государства.

При изучении второго вопроса семинарского занятия важно уяснить то обстоятельство, что среди десятков русских княжеств, образовавшихся к концу XII века, определилось три политических центра, каждый из которых оказывал решающее влияние на политическую жизнь окрестных земель и княжеств. Какие это центры?

Для Северо-Восточной и Западной (а также в немалой степени для Северо-Западной и Южной) Руси это было Владимиро-Суздальское княжество; для Южной и Западной Руси — Галицко-Волынское княжество; для Северо-Западной Руси — Новгородская феодальная республика.

Необходимо обратить внимание на то, что эти центры выбраны неслучайно. Они имели свои географические особенности, различия в общественно-политическом устройстве и управлении, в развитии экономических, торговых и культурных связей с соседями и иностранными государствами.

Поскольку раньше всех обособился от Киева Великий Новгород, студентам предлагается, прежде всего, изучить материал, касающийся Новгородской феодальной республики.

Студентам важно понять, что древний Новгород, возникший в 859 году, как о том сообщается в летописях, объединил разноэтнические поселения: славян, мерян и чуди, на месте которых была построена общая крепость, которая и получила название Новгорода, состоявшего из двух частей: Софийской — на правом берегу Волхова и Торговой стороны — на левом берегу Волхова.

Особо следует подчеркнуть, что Новгородская республика — это не просто город и его окрестности, а огромная территория от Балтики до Ледовитого океана и до Уральских гор. Военно-опорными пунктами Новгородской земли были ее пригороды: Псков, Ладога, Старая Русса, Бежичи, Юрьев, Торжок и др. Они были в зависимости от Новгорода, принимали активное участие в его делах и призывались на Новгородское вече.

Важно проанализировать исторические условия и факторы, которые позволили Великому Новгороду утвердиться не как резиденции варяжских князей, а как республиканскому центру, где старшие сыновья киевских князей были временными людьми, власть которых была ограничена «рядом», договором.

Какие же факторы позволили утвердить в Новгороде не княжескую власть, а республиканские порядки, подобные итальянским городам-государствам Венеции, Генуе, Флоренции.

Во-первых, Новгород сформировался как центр торговли. Уже в XI—XII веках он устанавливает тесные связи с Византией, Киевом, Волжской Болгарией, странами Каспийского побережья, с Готландом и Прибалтикой. В самом городе появляются немецкие дворы — немецкий и готский.

Во-вторых, Новгород был центром ремесленного производства. Ремесленники отличались высокой специализацией и мастерством. Это были золотых и серебряных дел мастера, кузнечного и гончарного дела, оружейники, плотники, кожевники. Они имели свои территориальные и профессиональные объединения и играли заметную роль в политической жизни Новгорода.

В-третьих, вместе с верхушкой новгородского купечества весьма велика была роль новгородского боярства в политике города. Новгородские бояре умело использовали демократические традиции в качестве символа новгородской вольности.

В-четвертых, особенностью новгородской истории можно считать и то, что город на Волхове и его земли не подвергались разгрому монголо-татарских завоевателей. Хотя республика платила тяжкую дань Золотой Орде, история и культура ее не прерывались нашествием.

Рассматривая проблему утверждения республиканского строя в Новгороде, студенты должны уяснить неоднозначность подхода историков ко времени его возникновения. Считалось, что республиканская форма правления в Новгороде утвердилась с 28 мая 1136 года, когда новгородцы изгнали князя Всеволода Мстиславича. По мнению же историков В.Л. Янина, Б.А. Рыбакова, В.Ф. Андреева, республиканские порядки в Новгородской земле стали утверждаться в конце XI века, и первым изгнанным князем был Глеб Святославович. Это событие относится к 1078 году.

Необходимо обратить внимание студентов на то, что не киевский князь определял кандидатуру князя для Новгорода, а новгородская знать. Так, в 1102 году бояре отказались принять сына киевского князя Святополка, заявив с угрозой последнему: «Аще ли две главе имеет сын твой, то пошли его».

Более обстоятельно на семинаре следует рассмотреть сущность и содержание республиканских органов управления Великим Новгородом. Студенты должны усвоить, что высшим органом управления являлось Новгородское вече свободных граждан. Оно формировалось снизу. Низшей ступенью организации и управления было «уличанское вече», которое выбирало старосту. Пять городских районов-«концов» образовывали административные и политические единицы. В «концах» собирались свои вече, избиравшие кончанских старост.

Органом высшей власти считалось городское вече — собрание свободных граждан, представлявших все концы города. Вече было гласным, что давало возможность даже феодально-зависимым людям влиять на принятие приговоров.

Кто имел право созывать вече? Это и князь, и посадник, и тысяцкий, и даже частные лица.

Новгородское вече обладало всеобъемлющей компетенцией:

- 1) принимало законы;
- 2) приглашало князя и заключало с ним договор, а в случае недовольства им изгоняло его;
- 3) избирало, сменяло и судило посадника и тысяцкого и разбирало их споры с князем;
- 4) выбирало кандидата на пост архиепископа;
- 5) являлось высшей судебной инстанцией по политическим и другим важнейшим преступлениям;

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

б) решало все вопросы внешней политики: объявляло войну и заключало мир, принимало решения о постройке крепостей, о сборе войска, подписывало договоры с другими странами.

Все решения Новгородского веча скреплялись его печатью.

Помимо веча студенты должны выяснить функции и полномочия должностных лиц, призванных исполнять решения вечевого собрания.

Главой новгородской администрации был *посадник*. Он председательствовал на вече, вместе с князем командовал войском, осуществлял суд, участвовал в посольских делах, подписывал международные договоры. Посадника избирали исключительно из бояр.

Вторым лицом в администрации являлся *тысяцкий*. Он занимался налогообложением, разбирали тяжбы по торговым делам, рассматривал споры русских купцов с иностранцами, участвовал в посольских делах.

Республиканский Новгород имел и *князя*, которого приглашало вече на основе договора. Князь обязан был защищать город от внешней опасности; он представлял Новгород в отношениях с другими княжествами; обладал высшей судебной властью; на его имя шла дань Новгороду.

Стремясь укрепить свою независимость от Киева, в 1156 году Новгород добился права избрания своего *архиепископа*, который становится важным сановником в республиканском городе. Каковы функции архиепископа?

Прежде всего, он глава новгородской церкви; под его юрисдикцией находились все «церковные» люди; он распоряжался богатейшей казной; осуществлял контроль над эталонами мер и весов; председательствовал в совете господ; скреплял своей печатью все важнейшие правительственные акты и международные договоры с другими странами. Обладал огромным влиянием на политическую и социальную жизнь Новгорода.

В итоге изучения материала студенты должны прийти к выводу, что вечевой строй Новгорода был своеобразной феодальной «демократией», в которой демократические принципы представительства и выборности должностных лиц на вече создавали иллюзию «народовластия», хотя в действительности вся власть была сосредоточена в руках бояр и верхушки купечества. Считаясь с политической активностью городского населения, новгородские бояре умело использовали демократические традиции в качестве символа новгородской вольности.

Во второй части вопроса студенты акцентируют внимание на характеристике и особенностях Владимиро-Суздальского княжества, возникшего в междуречье Оки и Волги, на землях кривичей и вятичей, финно-угорских племен мери, муромы и веси, обособившегося от Киева в самостоятельное княжество при сыне Ярослава Мудрого Всеволоде Переяславском.

Необходимо уяснить те обстоятельства, которые позволили Владимиро-Суздальскому княжеству, или Залесскому краю, как его тогда называли, занять лидирующее положение. Какие это обстоятельства?

Во-первых, весьма выгодное географическое положение. Здесь не было угрозы половецких набегов, так как степь находилась далеко, край прикрывали непроходимые леса.

Во-вторых, в руках суздальских князей оказалась важнейшая водная магистраль — Волга с ее притоками, по которой шел торговый путь в страны Востока.

В-третьих, Владимиро-Суздальское княжество располагало плодородными землями, большими запасами железных руд, важными торговыми путями, что позволяло привлечь массы населения из южных районов и тем самым обеспечить быстрый экономический, политический и культурный подъем Залесского края.

Подтверждением быстрого развития княжества является возникновение многих городов в крае: Владимира, Переяславля-Залесского, Дмитрова, Галича, Вышгорода, Костромы, Твери и др. Под 1147 годом в летописи впервые упоминается Москва, городок, построенный Юрием Долгоруким на месте усадьбы боярина Кучки.

Быстрый экономический и политический подъем Залесского края, усиливавшееся влияние его во взаимоотношениях с соседями особенно заметно проявились в период правления первых суздальских князей: Юрия Долгорукого (1125—1157) и его сыновей Андрея Боголюбского (1157—1174) и Всеволода Большое Гнездо (1176—1212).

Изучая историю развития Владимиро-Суздальского княжества при его первых князьях, необходимо дать обстоятельные ответы на следующие вопросы:

- 1) Что общего было у первых суздальских князей в проведении внешней политики?
- 2) На какие социальные силы они опирались в укреплении княжеской власти?
- 3) Кто выступал главной оппозицией суздальским князьям? Какими путями они боролись с оппозицией?
- 4) Каких результатов добились князья в развитии края: градостроительстве, храмовом зодчестве?
- 5) Почему первым суздальским князьям при их энергии, воинственности не удалось решить главную задачу — объединить русские земли? Что явилось главным препятствием в реализации этой задачи?

Более аргументированные ответы на поставленные вопросы студенты могут найти в первом разделе книги «История России в лицах. С древности до наших дней» (М., 1997. С. 38—46).

Анализ материала, раскрывающий содержание второго вопроса занятия, позволит студентам сделать обоснованный вывод о том, что период политической раздробленности Древней Руси характеризовался, с одной стороны, дальнейшим прогрессивным развитием социально-экономических процессов, а с другой — княжескими усобицами и распрями, которые осложняли внешнеполитическое положение Руси, привели к утрате части русских земель, ослабили силы Русского государства, которому вскоре пришлось вести длительную и изнурительную борьбу с иноземными захватчиками за свою независимость.

Героической борьбе русского народа за независимость посвящен третий вопрос семинарского занятия. Приступая к его изучению, студенты должны ответить на следующие вопросы:

- 1) Какие силы угрожали Русскому государству в XIII веке с востока и северо-запада?
- 2) Почему главной опасностью для Руси явилось наступление татаро-монгольских ханов?
- 3) Что представляла собой Монгольская империя, кого она объединяла в своем составе?
- 4) Раскройте понятие «кочевой феодализм». Что являлось его экономической основой?

После характеристики образованной на Востоке Монгольской империи и провозглашения Чингисхана великим ханом студентам предлагается изложить содержание основных походов монголо-татар до столкновения с Русским государством:

- а) завоевание монголами Северного Китая в 1207—1215 годах;
- б) поход армии Чингисхана в Среднюю Азию и разрушение Самарканда, Бухары, Хорезма, Ургенча и других городов в 1219—1222 годах;
- в) покорение войсками Джебе и Субедея народов Северного Ирана и Закавказья и выход в половецкие степи.

Особое внимание студенты должны обратить на первое военное столкновение монголо-татар с объединенными силами половцев и русских дружин.

- 1) Почему битва на Калке 31 мая 1223 года явилась катастрофой для половцев и русских князей?
- 2) Какой вывод сделали русские князья из первого неудачного столкновения с татаро-монголами?

3) Почему татары-монголы не решились вторгаться в пределы Руси после победы на реке Калке?

4) Какие действия предпринимает монгольская армия под предводительством внука Чингисхана Батыея в первой половине 30-х годов XIII века?

5) Когда было принято решение об общемонгольском походе на Запад и какие цели преследовали монгольские завоеватели?

Первой жертвой этого нашествия стала Волжская Болгария. Монголо-татары разрушили и разграбили эту страну, а население или перебили, или увели в плен. Осенью 1237 года их основные силы сосредоточились в верховьях реки Воронеж для вторжения в Северо-Восточную Русь.

Русские князья не могли не знать о надвигавшемся нашествии монголо-татарских войск, однако ничего не сделали для объединения сил против общего врага. Какие обстоятельства помешали князьям объединиться? Что было на первом плане у князей?

Зимой 1237 года полчища монголо-татар перешли Волгу и вторглись в Рязанское княжество. Рязанский князь Юрий Игоревич обратился за помощью к князьям Владимирского и Черниговского княжеств. Но помощи от них не получил. Перед студентами правомерно поставить вопрос: чем мотивировали свой отказ в помощи Рязани владимирский и черниговский князья? Какие точки зрения по этому вопросу существуют у историков?

Героическую оборону Рязани, продолжавшуюся пять дней и ночей, студенты могут обстоятельно изучить по «Воскресенской летописи». (Рязань, 1998. Т. 2. С. 189—193), а также по литературному произведению «Повесть о разорении Рязани Батыем». Здесь же необходимо акцентировать внимание студентов на подвиге легендарного рязанского воеводы Евпатия Коловрата и его воинов, которые решили отомстить Батыю за разорение Рязани. Они погибли в неравном бою, но монголо-татары понесли значительные потери.

Далее студентам предлагается рассмотреть события, связанные с обороной и разорением монголо-татарскими полчищами Москвы, Суздаля и осаду Владимира, которая началась 4 февраля 1238 года. Как пишет летописец, владимирцы решили «лучше умереть перед Золотыми воротами, чем быть у татар в неволе». Город был захвачен, разорен и сожжен, а жители частью перебиты или уведены в плен. Вслед за Владимиром были разрушены Ростов, Ярославль, Тверь, Юрьев и другие города. 4 марта 1238 года Батый окружил войска владимирского князя Юрия Всеволодовича на реке Сити, где, по словам летописца, «была битва великая и сеча злая, и лилась кровь, как вода». Все воины вместе с князем погибли. До Новгорода Великого оставалось не более сотни верст, но монголо-татары повернули на юг.

С осени 1239 года Батый возобновил поход на Русь. Один из отрядов татар пошел вверх по Волге, опустошив Мордовскую землю, города Муром и Гороховец. Главные же силы во главе с Батыем направились по Днепру. Были захвачены Переяславль, Чернигов, а осенью 1240 года татаро-монголы после кровопролитного сражения захватили «матерь городов русских» — Киев. Южная Русь также была разорена и захвачена.

Весной 1241 года завоеватели ушли за пределы русских земель и вторглись в Польшу, Венгрию, Чехию. Но наступательный порыв монголо-татар уже ослабевал. В начале 1242 года, дойдя до берегов Адриатического моря, хан Батый повернул обратно и через Болгарию, Валахию и Молдавию возвратился в Причерноморские степи. Русь спасла народы Западной Европы от монгольского завоевания и разорения.

Закончив покорение русских земель, в 1243 году татаро-монголы основали у южных границ Руси большое и сильное государство — Золотую Орду, которое в 1257 году фактически и юридически оформило ордынское иго над русскими землями. Была проведена перепись русских земель и населения ордынскими чиновниками, установлена регулярная дань, а владимирский великий князь должен был получать «ярлык» на княжение из рук хана Золотой Орды. Так было установлено двухсотлетнее татаро-монгольское иго.

Обращая внимание студентов на последствия татаро-монгольского ига, важно усвоить то обстоятельство, что существуют различные точки зрения историков на эту про-

блему. Одни, в частности Н.М. Карамзин и Н.И. Костомаров полагали, что оно оказало заметное негативное влияние на дальнейшее развитие Руси, формирование русского характера. Историк Л. Гумилев же безапелляционно утверждает, что «ига никакого не было, не было и разорения Руси татарами», напротив, «татаро-монгольское иго спасло Русь от немецкого рабства».

А каковы же были на самом деле последствия ига?

1. Татаро-монгольское иго привело к длительному упадку в экономическом, политическом и культурном развитии русских земель. Прав был А.С. Пушкин, который заявлял, что «татары, завоевав Русь, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля».

2. Татаро-монгольское иго разобщило Русь на отдельные части, ослабило экономические и политические связи восточных и западных земель. По подсчетам археологов, из известных по раскопкам 74 городов Руси в XII—XIII веках 49 были уничтожены татарами, 14 прекратили существование, а 15 превратились в села.

3. Гибель и пленение ремесленников привели к утрате многих профессиональных навыков и технологических приемов, исчезновению таких ремесел, как скань, чернь, пергородчатая эмаль и др. Приостановилось каменное строительство в городах, пришло в упадок изобразительное искусство, летописание и даже денежное обращение.

4. Тяжелый удар был нанесен политическим и торговым связям с зарубежными странами. Лишь Великий Новгород, Псков, Витебск, Смоленск не утратили связи с Западом.

5. Татаро-монгольское иго превратило русских князей в вассалов монгольских ханов. Становясь их «служебниками», русские князья впитывали дух монгольской империи: покорность подданных, безграничную власть жестких и жестоких правителей. Старый русский господствующий класс в основном погиб, а новая знать формировалась на почве отношений подданства, поэтому на Руси надолго нормой стал деспотический режим.

Ослаблением Древней Руси решили воспользоваться немецкие и шведские феодалы. Они полагали, что наступило удобное время для завоевания Прибалтийских и Северо-Западных земель. Это вторжение было санкционировано Папой Римским. Первыми вторглись в Прибалтику тевтонские рыцари, которые стали насильственно обращать местное население в католическую веру. Отсюда немецко-рыцарская агрессия стала распространяться на литовские и русские земли.

С севера новгородским владениям стали угрожать шведские феодалы. В июле 1240 года большое шведское войско на кораблях вошло в устье реки Невы. Новгородский князь Александр Ярославич, получив известие о нашествии шведов, собрал свою дружину, пешее ополчение и выступил против завоевателей.

Далее студентам предлагается более подробно рассказать о битве на реке Неве, обратив особое внимание на героизм русских воинов и полководческое искусство князя Александра Ярославича, которого за победу на реке народ прозвал Невским.

В том же 1240 году начали наступление на Русь немецкие рыцари Ливонского ордена, созданного из объединения меченосцев и тевтонов в 1237 году. Они захватили Изборск и двинулись к Пскову, который был захвачен ими в 1241 году. Теперь опасность стала угрожать Новгороду. Однако усобицы и распри в самом Новгороде привели к изгнанию из города Александра Невского, но Новгородское вече обратилось к нему за помощью.

Зимой 1242 года Александр Невский собрал войско из новгородцев, ладожан, карел и выбил немецких рыцарей из Копорья, а затем с помощью владими́ро-суздальских полков враг был изгнан из Пскова. Александр Невский привел свои полки к Чудскому озеру, где 5 апреля 1242 года произошло знаменитое Ледовое побоище.

Студентам предлагается изложить ход битвы, раскрыть основные факторы победы Александра Невского и результаты героической борьбы русского народа против шведско-немецкой агрессии на северо-западе.

Подводя итоги семинара, студенты должны сформулировать следующий вывод: во второй половине XII — XIII веке Русь стала свидетелем важных политических и социально-экономических процессов. Произошел распад государства на десятки княжеств и зе-

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

мель. С одной стороны, это способствовало развитию на местах производительных сил, а с другой — благоприятно сказалось на реализации захватнических планов монголо-татар. Русь оказалась завоеванной, но не покоренной. Русский народ продолжал борьбу против поработителей. О его потенциальных возможностях свидетельствовали блестящие победы на реке Неве над шведами и на льду Чудского озера над немецкими рыцарями.

В заключение студентам предлагается ответить на следующие вопросы:

1) Какой решающий фактор лежал в основе распада Древней Руси и Советского Союза?

2) Что общего было у местных княжеских династий в XII веке и у национальных элит конца существования Советского Союза?

3) Почему политическая раздробленность Древней Руси была фактором объективным и дала мощный толчок развитию отдельных княжеств, а распад СССР привел к развалу экономики, упадку культуры, образования и науки?

4) Какова связь между татаро-монгольским вторжением и битвами Александра Невского?



V. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

К 90-летию со дня образования РГПУ

Ю.В. Блудов, И.А. Хлуденёв

СЛОВНО НЕ БЫЛО ТАКОГО ЧЕЛОВЕКА ¹

Имя профессора, доктора сельскохозяйственных наук, ученого-лесовода I разряда Владимира Федоровича Овсянникова сейчас уже ни о чем не говорит даже специалистам. А ведь заведующий кафедрой ботаники Рязанского педагогического института немало трудов положил на алтарь отечественной науки. Судьба этого ученого уникальна и вместе с тем типична — своего рода летопись того времени. Он чудом уцелел в 30-е годы, когда существовавший режим, создавая новые кадры, по идеологическим соображениям постепенно избавлялся от старых, еще

дореволюционной закалки. Но очередная волна чисток все-таки не пощадила профессора Овсянникова. После его трагической смерти, по известным причинам, наступило и полное забвение: словно не было такого человека...

Родился он 11 июня 1876 года в станции Звериноголовской Челябинского уезда Оренбургской губернии. Отец его, Федор Семенович Овсянников, сын крепостного крестьянина Троицкой волости Егорьевского уезда Рязанской губернии, был отпущен помещиком на откуп и выехал на заработки в Оренбургскую губернию. Там он и жил с семьей, занимаясь сельским хозяйством и мелкими подрядами. Неурожайные 1890—1891 го-



**Блудов
Юрий
Вадимович,**
начальник отдела
специальной
документации
Администрации г. Рязани



**Хлуденёв
Илья
Алексеевич,**
журналист,
главный специалист
по связям
с общественностью

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

ды совершенно разорили семью, и отец вынужден был поступить на службу продавцом-приказчиком. До 15 лет Владимир жил с родителями и учился в Куртамышевском двухклассном сельском училище. С детства мальчик тянулся к знаниям и твердо решил выйти в люди. Чтобы заработать денег на учебу, осенью 1892 года устроился на станцию Мишкино на строительство Сибирской железной дороги. «С этого времени я вышел на самостоятельную дорогу, исключительно на средства, добытые личным трудом, — писал Владимир Федорович в автобиографии. — Я никогда не пользовался пособиями или стипендиями. И могу гордиться тем, что пробил себе дорогу, никому не обязываясь».

А трудностей было с избытком. Провалившись при попытке поступления на казенный счет в Пермское техническое железнодорожное училище, он возвращается в Екатеринбург, где живет и работает на суконной фабрике братьев Злоказовых, одновременно подрабатывает по вечерам, давая уроки. Это позволило ему продолжить образование.



Фото В.Ф. Овсянникова. Санкт-Петербург.
Лесной институт. 1 декабря 1906 г.

В 1894 году Владимир выдерживает экзамен в Кунгурское техническое училище, которое оканчивает со званием ученого мастера по машиностроительному делу. Осенью того же 1898 года поступает по конкурсу в Петербургский лесной институт. Параллельно устраивается на постоянную службу в Крестьянский поземельный банк, где работает до окончания учебы.

С 1902 года начинается профессиональная и научная карьера Овсянникова. Он принимает приглашение от известного лесоведа В.А.Тихонова и под его руководством трудится в качестве таксатора в лесах Пензенской и Петербургской губерний. Затем с осени 1902 до лета 1903 года отбывает воинскую повинность в Финляндском полку. Одновременно в свободное от службы время занимается в университете прикладной метеорологии у именитых профессоров А.И. Воейкова и Г.А. Любославского. Долгое время по предложению директора Петербургского лесного института Э.Э. Керна работает преподавателем и заведующим Талицкой лесной школы в Перми в весьма престижной должности

лесничего второго разряда Верроского лесничества Лифляндской губернии. За труды по изучению климата России и исследования метеорологического характера в 1912 году В.Ф. Овсянников удостоивается звания члена-корреспондента Академии наук по Главной физической обсерватории. В 1917 году он избирается доцентом кафедры лесоводства и дендрологии Уральского горного института. Владимир Федорович развил бурную деятельность по снабжению семенами лесные хозяйства России и зарубежья, бесплатным посадочным материалом трудовое и крестьянское население, основал преуспевающее общество по улучшению сельского хозяйства. В лесной школе им были усовершенствованы методы преподавания, составлены и изданы несколько учебников по специальным предметам. За экспонаты по искусственному лесоразведению и организации лесного семенного хозяйства в 1911 году он был награжден малой золотой медалью и почетным отзывом на Омской сельскохозяйственной выставке, почетным жетоном Пермского губернского земства. В Екатеринбурге принимал деятельное участие в организации общества «Народный университет», где активно вел лекционную работу.

После Октябрьской революции жизнь ученого резко изменилась. В 1919 году при отступлении армии Колчака В.Ф. Овсянников эвакуировался во Владивосток. В самые

тяжелые 1920—1922 годы возглавил местный политехнический институт, приложив все силы, чтобы тот не прекратил свое существование, успевая при этом руководить и женской гимназией. Несмотря на загруженность, Владимир Федорович принимал деятельное участие в жизни «Народного университета». Целыми курсами читал лекции в рабочих кружках. В 1922 году кандидатуру В.Ф. Овсянникова как хорошего администратора, «человека с именем», городской глава Еремеев выставил в управляющие народным образованием белогвардейского правительства Меркулова. И хотя Овсянников не давал на то своего согласия, официально числился на этой должности три месяца.

В последующие годы Владимир Федорович занимается изучением древесной флоры Дальнего Востока, участвует в научных экспедициях, ездит в командировки в Германию, Китай и Японию. В 1923 году В.Ф. Овсянников избирается профессором кафедры дендрологии и ботаники агрономического факультета Дальневосточного государственного университета. Накопленный научный материал дал ему возможность написать несколько оригинальных работ, изданных в 1925—1926 годах Госиздатом, Уралкнигой и владивостокским «Книжным делом». В 1926—1930 годах Владимир Федорович занимает должность профессора Уральского политехнического института, Дальневосточного университета и Дальневосточного лесопромышленного института. За 30 лет им написана 31 научная работа по прикладной метеорологии, лесоведению и лесоводству, а также 12 учебников. В 1931 году он переезжает в Москву, где работает в должности профессора Института коммунального хозяйства и одновременно является председателем научно-технического совета. В 1933—1934 годах заведует питомником Треста зеленого строительства при Мосгорисполкоме.



Удостоверение личности на имя профессора
Рязанского государственного педагогического университета В.Ф. Овсянникова

В 1932 году в Москве и в 1934 году в Хабаровске, будучи старшим научным сотрудником Дальневосточной краевой лесной опытной станции, В.Ф. Овсянников подвергается преследованиям ОГПУ как «активный участник контрреволюционной, шпионско-повстанческой и вредительской организации», руководителем которой, по версии дальневосточных чекистов, был умерший в 1930 году известный ученый и путешественник В.К. Арсеньев. Организация якобы ставила своей конечной целью свержение Советской власти в крае путем вооруженного восстания и японской интервенции. Кроме того, В.Ф. Овсянникова обвинили в том, что он будто бы выдвигался в члены Учредительного собрания, состоял кандидатом следственной комиссии у Колчака и в монархическом «Русском обновленном обществе». Однако за недоказанностью выдвинутых против него обвинений его отпустили, а дело прекратили. Прошедший через чекистские застенки профессор позднее рассказывал, что сидел в одиночке, на него оказывалось серьезное психологическое воздейст-

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

вие, ему не давали книг, возможности работать, что был крайне возмущен, узнав на предварительном следствии, что покойный В.К. Арсеньев обвиняется в шпионаже. Не отказался он от своего мнения и после выселения из квартиры, лишения права голоса, снятия с работы. Владимир Федорович наивно полагал, что произвол следствия является результатом неправильных действий отдельных лиц, а Советская власть здесь ни при чем. После этого в 1936—1937 годах Овсянников работает старшим научным сотрудником Академии коммунального хозяйства, несколько месяцев заведует кафедрой общей ботаники Марийского пединститута.

В 1938 году Владимир Федорович устраивается в Рязанский педагогический институт, поскольку в Москве, где он уже несколько лет жил с семьей, при его биографии найти достойную работу было сложно. В Рязани как раз оказалась свободной кафедра ботаники: доцентов Н.Е. Маслова и Е.И. Яблокова за «теоретические и политические извращения в преподавании» уволили и репрессировали. Профессор В.Ф. Овсянников становится заведующим кафедрой. Проживает в общежитии на улице Свердлова в доме 11, комнате 43. «Человек необыкновенного обаяния и доброты», — так отзывались о нем институтские коллеги. Ведя преподавательскую деятельность в Рязани, на летние каникулы он возвращался к семье в Москву. В это время его старший сын работал доцентом Владивостокского политехнического института, дочь была химиком, а два других сына военными.

Между тем, органы госбезопасности не выпускали профессора из виду. Его вновь арестовали 17 июля 1941 года в возрасте 65 лет. Поводом послужило обнаруженное в октябре 1940 года в Рязани подметное, то есть тайно подброшенное, письмо в адрес Президиума Верховного Совета СССР. Аноним печатными буквами пространно излагал все, что думает о существующем строе и его вождах. Доморошенная графическая экспертиза подтвердила: автор «черносотенного контрреволюционно-клеветнического» документа — именно В.Ф. Овсянников. Кроме того, до УНКВД дошли некоторые явно крамольные высказывания ученого об условиях жизни в СССР, отдельные «пораженческие настроения». На допросах Владимир Федорович виновным себя не признавал, категорически отрицал свое отношение к анонимному посланию, просил провести повторную графологическую экспертизу. Проведенная в сентябре 1942 года экспертами четвертого спецотдела НКВД СССР, она опровергла выводы первой: «Анонимное письмо контрреволюционного содержания, начинающееся словами «В президиум так называемого Верховного Совета...» написано не Овсянниковым». Однако профессору это не помогло, его по-прежнему содержали под стражей. Он честно признавался следователям, что хотя и не занимался антисоветской агитацией, но с его стороны имели место обывательские суждения о ситуации в стране. Не скрывал, что со студенческой скамьи симпатизировал партии кадетов, придерживался конституционно-монархических



Книжка академического пенсионера на имя В.Ф. Овсянникова

убеждений. К материалам были приобщены и непроверенные показания одного из его сокамерников. Какие-либо вещественные доказательства по делу отсутствовали. Но всего этого было вполне достаточно, чтобы получить ярлык «убежденного черносотенца-монархиста». В одной из записок на волю он писал жене: «Дорогая моя Лида! Я здоров, шлю тебе мой горячий привет, а детям мое благословение. Сажу в Рязанской областной тюрьме и ожидаю суда, так как следствие закончено (ст. 58 п. 10 ч. 1). Хлопчи в прокуратуре. Если возможно, пришли валенки, шапку, перчатки, фуфайку и ковбойку с трикотажной рубашкой (тельняшку). А особенно организуй через Малину (Антонина Михайловна, работница кабинета ботаники пединститута. — Авт.) или Лебедева передачу съестного. Надеюсь только на Господа, так как оклеветан кругом. Береги себя и детей. Да хранит вас Господь. Твой... (подпись)».

Из Рязани Овсянникова перевели в тюрьму № 1 города Новосибирска. А 1 мая 1943 года в 23 часа в возрасте шестидесяти шести лет он умер в тюремной больнице от инфаркта миокарда, так и не дождавшись окончательного решения своей судьбы. В апреле 1966 года младший из его сыновей Игорь Владимирович добился полной реабилитации отца: «Во изменение постановления от 21 мая 1943 года уголовное дело дальнейшим производством прекратить за отсутствием в действиях Овсянникова состава преступления...»

Жаль, что после смерти обширное научное наследство В.Ф. Овсянникова оказалось невостребованным потомками. Его книг практически не найти в библиотеках, нет на них ссылок и в специальной литературе. Уже не осталось в живых и лично знавших его сослуживцев. О пребывании Владимира Федоровича в Рязани свидетельствует лишь обнаруженная короткая запись в «истории кафедры ботаники». Пожалуй, все, что мы теперь можем сделать, — это напомнить рязанской общественности, студентам о добром имени этого замечательного ученого и человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В статье использованы материалы архивного уголовно-следственного дела № 3998 (ГРАФ УФСБ России по Рязанской области).



VI. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

В.П. Курышкин

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «60 ЛЕТ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ»

19 апреля 2005 года в Рязанском государственном педагогическом университете имени С.А. Есенина состоялась региональная научно-практическая конференция «60 лет победы в Великой Отечественной войне». В ней приняли участие ученые Рязани, Москвы, Владимира и Вятки.

Приветствуя участников конференции, гостей, ветеранов и студентов, ректор Рязанского университета А.П. Лиферов обратил внимание собравшихся на то, что Советский Союз в годы Второй мировой и Великой Отечественной войны стал важнейшим звеном антигитлеровской коалиции и внес неоценимый вклад в разгром нацистской Геродной из величайших заслуг

мании и ее сателлитов. Советские люди героически сражались на фронте, самоотверженно трудились в тылу, шли на огромные лишения и жертвы, все отдавая во имя грядущей победы. В сегодняшней обстановке,

когда предпринимаются попытки исказить историческую правду, особенно важно донести до сознания молодежи всю значимость и величие подвига советского народа в той войне.

На пленарном заседании с докладом о всемирно-историческом значении победы советского народа в Великой Отечественной войне выступил доктор исторических наук, профессор, академик Академии военных наук, заведующий кафедрой новой и новейшей истории России РГПУ имени Есенина А.Ф. Агарев. Он напомнил присутствовавшим, что нашего народа является то, что



**Курышкин
Валерий
Павлович,**
кандидат
исторических наук,
доцент РГПУ
им. С.А. Есенина

он избавил многие страны от фашистского порабощения, спас мировую культуру и цивилизацию.

С большим докладом «Вклад военно-воздушных сил в победу Советского Союза в Великой Отечественной войне» выступил генерал-полковник, Герой России, участник Великой Отечественной войны А.П. Андреев. Уроженец села Березово Пронского района Рязанской области, перед войной он был студентом Рязанского учительского института и одновременно обучался летному мастерству в городском аэроклубе. Когда началась война, добровольцем ушел на фронт и после обучения в летной школе был зачислен в состав 149-го истребительного полка 4-й воздушной армии, в составе которого прошел путь до Берлина. Опираясь на личный опыт, генерал-полковник А.П. Андреев рассказал о том вкладе, который внесли военно-воздушные силы в победу над злейшим врагом человечества, и высказал твердое убеждение, что в будущих войнах военно-воздушные силы будут решать исход сражений.

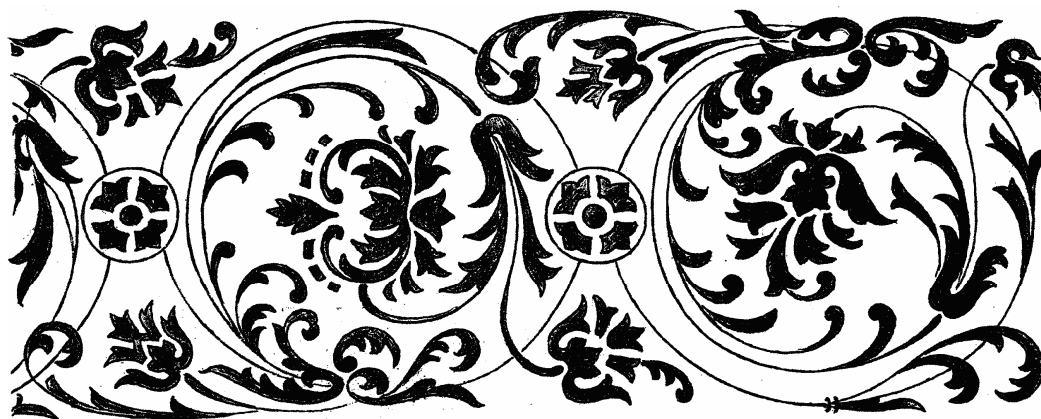
В работе конференции принял участие военный комиссар области С.З. Тулин, выступивший с интересным докладом «На алтарь Отечества: правда о цене побед и поражений, ответ фальсификаторам истории войны».

В ходе пленарного заседания прошла презентация книги «Рязанский государственный педагогический университет в годы Великой Отечественной войны». Ее авторы — ректор РГПУ, доктор педагогических, профессор, академик РАО А.П. Лиферов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории России РГПУ А.Ф. Агарев и доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений РГПУ Ю.И. Лосев. В работе по подбору материала для книги принимали участие и студенты. Отлично изданная, с прекрасными иллюстрациями, книга стала хорошим подарком ветеранам войны, присутствовавшим на конференции.

После этого директором музея Н.Б. Чельцовой была проведена экскурсия по музею РГПУ.

На конференции работали секции: «Внешняя политика СССР в предвоенные и военные годы» — руководитель секции доктор исторических наук, профессор С.В. Демидов; «Вооруженная борьба в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн» — руководитель секции доктор исторических наук, профессор А.Ф. Агарев; «Советская идеология и культура» — руководитель секции кандидат исторических наук, доцент Е.Л. Громова; «Рязанская область в годы Великой Отечественной войны» — руководитель секции кандидат исторических наук, доцент В.П. Курышкин.

Организаторами конференции были кафедра новой и новейшей истории России и кафедра всеобщей истории. Общее руководство подготовкой и проведением региональной научно-практической конференции осуществляли ректор университета А.П. Лиферов и декан исторического факультета Ю.И. Лосев.



VII. С АРХИВНОЙ ПОЛКИ

Е.Н. Поздняк

ПЕШЕХОДОВ НАДО ЛЮБИТЬ

В государственном архиве Рязанской области имеется весьма интересный документ о том, как в начале 20-х годов XX века местные власти проявляли истинную заботу о пешеходе, бережном отношении к жизни человека. Для этого и писались правила, хотя главным транспортом был гужевой.

В 30-х годах с развитием автомобильного транспорта в России началось решительное наступление на здоровье и в конечном итоге на жизнь того же самого пешехода — лучшую часть человечества, которую так ярко и в деталях описали авторы «Золотого тельца».

Не тогда ли начался неуправляемый процесс на улицах больших городов, где в 80-е и особенно в 90-е годы

XX столетия автомобилям отечественного и зарубежного производства стало явно не хватать проезжей части дорог?!

Сегодня, выходя из подъездов своих многоэтажек в Рязани, каждый из нас ежедневно задает вопросы в никуда: для кого существуют тротуары? разве они не для пешеходов? кто разрешил ставить автомобили на той части дороги, которая по закону принадлежит «безлошадному» старику, инвалиду на костылях, студентке, спешащей на лекцию, озабоченной домохозяйке, школьнику, опаздывающему на занятия? Как безболезненно перейти улицу даже на управляемом светофоре перекрестке, когда лихачи очень часто мчатся на большой скорости на красный свет, пренебрегая существующими нормами? А



**Поздняк
Елена
Николаевна,**
главный архивист
Государственного архива
Рязанской области

сколько случаев управления автомобилем нетрезвыми водителями?

Обязательное постановление
Президиума Рязанского Губернского Исполнительного Комитета
от «6» Мая 1922 года.

**О порядке езды по г. Рязани на самодвижущихся экипажах,
велосипедах и лошадях**

Президиум Рязанского Губернского Исполнительного Комитета настоящим устанавливает нижеследующие правила и порядок езды по г. Рязани на самодвижущихся экипажах, велосипедах и лошадях, обязательных к исполнению всеми гражданами в пределах г. Рязани.

1) Езда на самодвижущихся экипажах, велосипедах и лошадях, а также перевозка вручную на тележках, санях и т.п. разрешается исключительно лишь по улицам, а никак не по тротуарам, пешеходным дорожкам, бульварам и садам.

2) Езда должна быть умеренно-скорая и осмотрительная. Воспрещается ездить быстро и вперегонку; на поворотах при пересечении улицы в местах скопления публики и т.п. скорость движения должна быть уменьшена.

3) При езде надлежит обязательно держаться правой стороны, не останавливаться на середине улицы, не ездить в ряд по двое и более; около тротуаров останавливаться в один ряд, у театра, гостиниц и в местах большого с'езда экипажей и подвод останавливаться по указанию членов Милиции.

4) В местах большого скопления публики и экипажей езда на велосипедах запрещается.

5) При обгоне пешехода, экипажа или велосипеда об'езд должен быть с левой стороны и при том умеренным ходом.

6) Все самодвижущиеся и легковые экипажи, ломовые телеги и велосипеды должны быть снабжены особыми металлическими знаками с номерами, выдаваемыми из Губтранса (для самодвижущихся экипажей и велосипедов) или ГубОтдУправа (для экипажей и ломовых возчиков), причем эти знаки подлежат прикреплению: у автомобилей, мотоциклетов и велосипедов сзади, у легковых экипажей у козел, а на ломовых телегах к дуге. Сверх этих знаков у лиц, занятых извозным промыслом, должен быть малый знак, с одним номером с прикрепленным к экипажу или дуге, выдаваемый ГубОтдУправом, — одновременно с большими знаками, который должен быть постоянно, при производстве извозного промысла, на руках у возчика для отдачи пассажиру или нанимателю в случае его требования.

Без указанных выше установленных знаков, возобновляемых вместе с патентом, с уплатой Губтрансу или ГубОтдУправу их стоимости, езда по городу запрещается.

7) Возникам воспрещается оставлять своих лошадей на улице без присмотра. При следовании по улицам города ломовые возчики обязаны идти возле своих лошадей, а не по тротуарам.

8) Ломовые извозчики, при перевозке тяжестей должны следовать в один ряд, не привязывая лошадей одних телег или саней к другим. При следовании длинного ряда подвод между каждыми тремя повозками или санями соблюдать перерывы не менее 20-ти шагов, для беспрепятственного поперечного движения. Бревна, доски и полосы железа должны перевозиться не иначе, как на 4 колесах и не волочиться концами по земле для чего зимой должно иметь подсанки.

9) Запрещается загораживать тротуары при ввозе и вывозе тяжестей во двор и со двора, а также привязывать лошадей каким бы то ни было образом, препятствующим движению пешеходов по тротуарам или движению по улицам вообще.

10) Настоящие правила распространяются как на хозяев и владельцев самодвижущихся и легковых экипажей, ломовых телег и велосипедов, так и на лиц, коим вверено их управление.

11) Наблюдение за выполнением указанных в сем обязательном постановлении правил возлагается на чинов милиции.

12) Виновные в нарушении сих правил привлекаются к ответственности в порядке п. 2 Обязательного Постановления Президиума Губисполкома от 21 Февраля с.г. («Рабочий Клич» №13-1922 г.) с последовавшей поправкой к нему («Рабочий Клич» № 56-1922 года).

13) Настоящее Обязательное Постановление вступает в силу с момента его опубликования.

ПредГубисполком
Секретарь Губисполкома

ДИЧЕВ
КВИТНИЦКИЙ

Узкие улицы Рязани, кое-как очищенные от снега зимой, с трудом справляются с растущим потоком автомобильного транспорта. «Пробки» стали обычным явлением на дорогах. Немало автомобилистов умудряются на обочинах этих суженных до предела улиц ставить свои шикарные «иномарки» у подъездов престижных салонов, офисов, супермаркетов, ничуть не заботясь не только о пешеходах, но и о своих коллегах по вождению самодвижущимся транспортом. Однако здесь возникает другая проблема: кто проявил должную заботу об этих автомобилистах, оборудовав для их машин в удобном и безопасном для всех месте современные стоянки?

Есть о чем подумать рязанским градостроителям, занимающимся упорядочением планировки, реконструкции и застройки густонаселенных микрорайонов нашего города. И не им ли необходимо как можно быстрее решить сложный комплекс общественно-экономических, строительно-технических, архитектурно-художественных и санитарно-гигиенических задач?

Не полезно ли нынешним чиновникам, и в первую очередь работникам милиции и дорожно-патрульной службы, отвечающим на разных уровнях за положение на дорогах областного центра, обратиться к тому замечательному и нехитрому постановлению губернского исполкома от 6 мая 1922 года, в котором в 13 пунктах популярно изложены основные правила дорожного движения, направленные на безопасность человека — главной ценности на земле?!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текст копии постановления представлен в подлиннике. ГАРО, ф. П-1, оп. 1, д. 791, л. 57.



VIII. СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Л.М. Афанасова

ПЕРВАЯ РЯЗАНСКАЯ ГИМНАЗИЯ

Более двух веков украшает главную улицу нашего города здание строгой классической архитектуры, ныне один из главных корпусов сельскохозяйственной академии имени П.А. Костычева. С начала XIX века и до 1917 года на фронте этого здания красовался барельеф герба Российской империи, а под ним крупными буквами было выбито: «Первая Рязанская гимназия». Могучие двухсотлетние липы, посаженные у входа, помнят, как начиналась история этого престижного в свое время учебного заведения.

Еще в 1786 году по указу императрицы Екатерины II в Рязани было создано главное народное училище, 27 ноября 1804 года преобразованное в гимназию. Старшие классы главного народного училища — третий и четвертый — превратились в первый и второй классы гимназии. К ним прибавилось еще два старших класса, завершавших курс обучения в этом но-

вом учебном заведении. Перед поступлением в гимназию нужно было окончить приходскую школу и уездное училище.

До 1805 года гимназия размещалась в редутном доме, а в 1805 году была переведена в деревянное на каменном фундаменте здание, построенное на деньги приказа общественного призрения. В 1808 году рязанское дворянство занялось подготовкой нового помещения для гимназии. Для этого был выкуплен и переоборудован для занятий гимназистов двухэтажный каменный дом у Лыбедского моста, принадлежавший помещице М.П. Семеновой. По мнению некоторых исследователей, особняк был построен по проекту М.Ф. Казакова, который был хорошо знаком с семейством Семеновых¹. В 1815



**Афанасова
Любовь
Михайловна,
студентка IV курса
РГПУ им. С.А. Есенина**

году новая гимназия приняла в свои стены учеников.

Первая мужская гимназия стала самой значимой гимназией в Рязанской губернии. Здесь работали лучшие педагоги

Рязани. Для преподавания в гимназии они проходили так называемый «кандидатский» отбор: сначала числились кандидатами в педагоги и только после того как доказывали свой профессионализм, зачислялись в штат. Оплата их труда была очень высокая — от 1250 до 1750 рублей в год, что было в 4—5 раз выше оплаты уездного учителя. Такое жалование позволяло им снимать лучшие квартиры в центре Рязани и содержать прислугу.

Число учащихся в первые двадцать лет существования гимназии было невелико. Как пишет рязанский краевед И.И. Проходцов, «большинство учеников ограничивалось только прохождением одних младших классов; особенно мало интересовались полным прохождением курса гимназии дворянство и купечество. Законченное гимназическое образование считалось тогда излишним»². Так, в 1805 году в гимназии обучалось 52 человека, в 1807 году — 61, в 1808 году — 42, в 1809 году — 40, из которых лишь четверо окончили гимназию. В 1810 году из 47 гимназистов лишь двое прошли полный курс обучения. В 1811 году их число увеличилось до 86, но окончили ее лишь семь человек. В 1813 году большая часть учеников выбыла в кадетские корпуса, поэтому четвертый класс был закрыт, а оставшиеся в нем три ученика были присоединены к третьему классу. Выпуска из гимназии в этом году вообще не было.

Социальный состав учеников был очень пестрым: большую часть составляли дворянские дети, проходили также обучение дети офицеров, купцов, мещан, разночинцев.

Ученики проводили в гимназии почти весь день. Занятия начинались в восемь часов и продолжались до пяти часов вечера с перерывом на обед (с 12 до 14 часов). Каждый урок длился два часа. Гимназисты учились одиннадцать месяцев в году. Летние каникулы были только в июле. Экзамены проходили в очень торжественной обстановке, в присутствии посторонних лиц. Вместо отметок в журналах писали: «весьма хорошо», «хорошо», «удовлетворительно», «посредственно», «плохо». Самых способных награждали похвальным листом или книгой. Неуспевающих отправляли в «низший» класс доучиваться.

Срок обучения в гимназии в 1804—1832 годах был четырехлетний, с 1833 года был продлен еще на три года. Здесь изучали латинский, немецкий, французский языки, математику, физику, историю, географию, статистику, философию, так называемые «изящные искусства» — эстетику, риторику, а также политическую экономию, право, основы торговли и технологии, рисование и черчение. В гимназии была богатая библиотека, хорошо оборудованные физический и минералогический кабинеты, выписывались передовые для того времени журналы: «Московские ведомости», «Северная пчела», «Вестник Европы», «Московский телеграф». Попечители гимназии стремились улучшить условия жизни гимназистов. В 1833 году благодаря частной инициативе был открыт пансион для дворянских детей. Н.Г. Рюмин подарил гимназии каменный дом, купленный им у своего брата. А через некоторое время дополнительно пожертвовал 25 тыс. рублей на устройство этого пансиона.

Во второй половине XIX века число учащихся в гимназии значительно увеличилось: если в 1871 году их было 300 человек, то к концу века достигло 475. Благодаря заботам попечителя гимназии С.П. Фон-Дервиза была сооружена пристройка к основному зданию гимназии, что позволило увеличить количество классных комнат.

С годами качество подготовки учеников гимназии повышалось. В 1842 году Рязанская гимназия вместе с тремя другими в Московском округе — Тверской, Ярославской и Калужской — получила право выпускать учеников для Московского университета без дополнительных экзаменов. Повысилась успеваемость гимназистов, увеличилось число ее выпускников: если в 90-х годах выпускалось от 20 до 28 человек в год, то в первое десятилетие XX века — уже 40—50³. Многие выпускники гимназии окончили медицинский факультет Московского университета и стали врачами, другие — юристами, третьи заняли различные педагогические и общественные должности не только в Рязанской губернии, но и в других губерниях страны.

Первая мужская гимназия была не только учебным заведением, возглавляла все учебные заведения губернии, связывала их с Московским университетом, стоявшим во главе учебного округа, в который входила и Рязанская гимназия, но и играла роль основного культурного центра Рязанского края.

В 1837 году гимназию посетил наследник престола Александр Николаевич. Будущий император Александр II осматривал классы, кабинеты гимназии, зал пансиона, его спальни и пробовал еду в столовой. Он дважды сказал директору гимназии Н.Н. Семенову: «Я на пути своем не видел еще подобной гимназии».

Гимназия являлась также и научным центром Рязанской губернии, что объяснялось тесной связью с Московским университетом. Как писал преподаватель гимназии краевед Д.Д. Солодовников, «дух науки, проникавший собой университет, передавался и гимназии и делал из нее нечто большее, чем простое учебное заведение»⁴.

Преподаватели гимназии способствовали развитию науки в разных отраслях знаний. Вместе с учениками в стенах гимназии ими был создан краеведческий музей, положивший начало краеведению в Рязанской губернии. В 1820 году вышла в свет работа первого историографа Рязанского края, учителя гимназии Тихона Яковлевича Воздвиженского «Историческое обозрение Рязанской епархии». Научная ценность этого труда состоит в том, что книга написана на большом количестве источников, часть из которых позднее была утеряна. В 1822 году Т.Я. Воздвиженский выпустил свой главный труд — «Историческое обозрение Рязанской губернии». Авторитет гимназии как научного центра губернии был очень высок среди местного населения. Нередко жители дарили гимназии необычные, интересные в научном отношении предметы.

Обо всех научных открытиях учителей Рязанской губернии гимназия сообщала в Московский университет, для которого это учебное заведение было как «свой местный, областной ученый орган, пользуясь которым он узнавал о всех выдающихся, любопытных в научном отношении явлениях местной жизни»⁵.

Во многом таких успехов гимназия добилась благодаря плеяде талантливых педагогов. Так, в период общественного подъема в середине XIX века в гимназии преподавал Александр Петрович Златовратский⁶. Незаурядная личность, друг Н.А. Добролюбова, он принадлежал к числу прогрессивно мыслящих людей. Своих учеников А.П. Златовратский знакомил с передовыми идеями своего времени, с сочинениями Н.А. Добролюбова, В.Т. Белинского, Н.Г. Чернышевского. Уроки А.П. Златовратского были уроками жизни для его учеников. Один из выпускников гимназии тех лет В.В. Насакин так описал свои впечатления об этом педагоге: «Разбирая с нами какое-нибудь литературное произведение, он касался не только достоинств и недостатков последнего, но и развивал попутно свои взгляды на жизнь и людей, на задачи предстоящей нам самостоятельной жизни, и все это так горячо, так возвышенно, благородно, что мы с увлечением слушали его и, конечно, искренне любили»⁷.

Неизгладимый след у выпускников гимназии оставили многие ее учителя. «С чувством самой глубокой благодарности и искреннего уважения вспоминаю всех своих бывших наставников, учителей и воспитателей, которые старались вложить в свой тяжелый труд столько бесконечной доброты и неистощимого терпения», — пишет бывший ученик гимназии Н.В. Растов⁸.

Преподаватели гимназии стремились не только раскрыть содержание своего учебного предмета, но и развить чувства гражданственности, патриотизма у своих воспитанников, привить идеи национального самосознания. Взаимоотношения учителей и учеников отличались простотой и пониманием.

Усилия педагогов не были напрасны. Первая мужская гимназия за время своего существования выпустила много известных не только в Рязани, но и в России людей. Среди них историк Д.И. Иловайский, литературовед В.И. Шенрок, медицинские светила А.Я. Кожевников, А.И. Пospelов, П.В. Ганнушкин, художник П.М. Боклевский, поэт

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

Я.И. Полонский, геолог А.Д. Архангельский и др. В гимназии на звание педагога сдавал экзамены основоположник космонавтики К.Э. Циолковский.

О славном прошлом этого учебного заведения рязанцам напоминает мемориальная доска на здании сельскохозяйственной академии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Попов И.П. Очерки культуры Рязанского края (XV—XX вв.). Рязань, 1994. С. 32.

² Проходцов И. Столетие Рязанской губернской гимназии // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1904. Т. 19. Вып. 1—3. С. 142—143.

³ См.: Попов И.П. Указ. соч. С. 123.

⁴ Солодовников Д.Д. Чем была гимназия для Рязанского края в первый (1804—1833) период своего существования? // Труды рязанской ученой архивной комиссии. Т. 19. Вып. 1—3. С. 203.

⁵ Солодовников Д.Д. Переяславль-Рязанский. Прошлое Рязани в памятниках старины. Рязань, 1995.

⁶ См.: Златовратский Н.Н. Воспоминания. М., 1956.

⁷ Историческая записка Рязанской 1-й мужской гимназии. 1804—1904. Рязань, 1904. С. 332.

⁸ См. там же. С. 326—327.

Я.И. Еремин

АНГЛО-РУССКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПО ВОСТОЧНОМУ ВОПРОСУ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Предмет данного исследования — взаимоотношения России и Англии по восточному вопросу в первой четверти XIX века. Объектом исследования являются международные отношения и события того периода. Целью работы автор считает раскрытие причин англо-русских противоречий на указанном этапе развития восточного вопроса.

Задачи исследования заключаются:

— в раскрытии сущности восточного вопроса и процесса его становления;

— установлении влияния наполеоновских войн на развитие англо-русских отношений по восточному вопросу;

— определении места восточного вопроса на Венском конгрессе и его развитии в первые годы после победы над наполеоновскими войсками;

— в изучении англо-русских отношений в период развития восточного кризиса 1820-х годов (до 1827 года).

Долгие годы, даже века, Османская империя и Балканы находились на периферии британской внешней политики. В 70-е годы XVIII века внимание и силы британского кабинета поглощала война с восставшими американскими колонистами. С Россией велась выгодная торговля.

Рост влияния России на Ближнем Востоке вызывал тревогу британской верхушки, считавшей Переднюю Азию сфе-

рой своего влияния. Охрана коммуникаций с Индией от посягательств извне стала предметом главной целью деятельности Форин оффис. Троекратное появление русского флота в Средиземном море (экспедиция А.Г. Ор-

лова — Г.А. Спиридова в 1769—1774 годах ¹, Ф.Ф. Ушакова в 1798—1800 годах ², Д.Н. Сенявина в 1805—1807 годах ³), которое воспринималось британцами как английская вотчина, победоносные военные операции русского оружия в этом регионе против турок и французов были восприняты в Лондоне как тревожный сигнал. Султанский режим, слабевший на глазах несколько десятилетий и явно неспособный посягнуть на владения британской короны, стал представляться для Великобритании как идеальный страж Черномор-

ских проливов.

К концу 80-х годов международная обстановка изменилась. Франция и Англия, заключившие мир и оправившиеся после длительной войны за американские колонии, усилили свое проникновение на Ближний Восток. Английская и французская дипломатии подталкивали Порту начать военные действия против России. Английский премьер-министр У. Питт Младший ⁴, ранее выступавший за русско-английское единство, теперь заявил в парламенте, что Англия должна поддерживать султана вооруженным путем ⁵.

Опираясь на поддержку Англии и Франции, Турция в августе 1787 года объ-



**Ерёмин
Ярослав
Игоревич,**
студент V курса
РГПУ им. С.А. Есенина

явила войну России. Для России эта война проходила в сложнейших условиях: к тому времени она потеряла своего союзника — Австрийскую империю и против нее выступила Швеция. Усилия британских политиков были направлены на обострение отношений Петербурга с Берлином и Варшавой, Питт спешно снаряжал мощную эскадру в тридцать шесть линейных судов. Над Англией нависла угроза войны с Россией, что не устраивало английских политиков на фоне обострения отношений с революционной Францией. В парламенте в ходе состоявшихся дебатов премьер-министр потерпел поражение ⁶.

Великая французская революция и начало наполеоновских войн коренным образом изменили общественно-политическое положение в Европе, расстановку сил в борьбе великих держав на Балканах и Ближнем Востоке. С последних лет XVIII века можно датировать наступление нового этапа в политике России и Англии по отношению к Турции и балканским народам ⁷. Обострение борьбы между Францией и Англией на Ближнем Востоке, возможность захвата этими государствами турецких владений и проникновения в район проливов побуждали теперь Австрию и Россию отстаивать неприкосновенность владений своего соседа — Османской империи.

Вторая коалиция против Франции объединила непримиримых соперников — Россию, Великобританию, Австрию и Турцию. В конце 1798 года был заключен русско-турецкий договор, по которому Павел I обязывался предоставить помощь Порте в случае французской агрессии, а Турция со своей стороны соглашалась пропускать русский военный флот через проливы.

Экспедиция Ф.Ф. Ушакова и итальянский поход А.В. Суворова нанесли сокрушительный удар французскому влиянию в Средиземноморье и значительно увеличили влияние России в этом регионе. «В настоящее время, — заявил У. Питт Младший в парламенте, — царь командует в Средиземном море, как у себя дома. Его войска господствуют как в Европе, так и на Востоке» ⁸.

Между тем, русско-англо-австрийский союз близился к распаду. Англичане захватили Мальту и подняли над ней свой флаг, не выполнив обещания вернуть остров Ордену рыцарей иоаннитов ⁹, гроссмейстером которого был Павел I. Во второй половине 1800 года произошел разрыв русско-английских отношений. В этой политической обстановке возник знаменитый проект главы коллегии иностранных дел Ф.В. Ростопчина ¹⁰, известный как второй план раздела Турции ¹¹. Интересно отметить, что среди государств, которые планировалось привлечь к разделу, Англия не значилась. Проект так и остался на бумаге.

С приходом к власти нового российского императора Александра I первые два года его правления характеризовались приостановлением активной дипломатической деятельности между Великобританией и Россией.

В 1804 году в английскую столицу прибыл Н.Н. Новосильцев, участник Негласного комитета друзей Александра I ¹², с целью выснить возможность будущего военного союза. Однако русский посланник дал понять английскому правительству, что не исключает распада Османской империи и допускает возможность ее раздела ¹³. Эти намеки встревожили и расстроили главу британского правительства, который в своем ответе обошел тему судьбы турецких владений ¹⁴.

В январе 1806 года на заседании Негласного комитета было принято решение укреплять связи с Портой и всеми силами противостоять распространению там французского влияния ¹⁵. Этот проект означал поддержку целостности Османской империи. С другой стороны, была сделана попытка договориться с Францией и Англией о создании нескольких независимых славянских государств на Балканском полуострове.

Специально посланный в Лондон П.А. Строганов ¹⁶ предложил создать на Балканах два государства — славянское и греческое. Россия ставила вопрос о возрождении государственности балканских народов. Чтобы избежать прямолинейного отказа, глава Форин оффис Ч. Фокс ¹⁷ сослался на опасность захвата Францией Египта. Избежать такой угрозы, по его словам, можно было одним способом: выступить за целостность турецких

владений. Тут же британский министр сделал важное разъяснение: если целостность эту сохранить не удастся, Великобритания обеспечит свои интересы, захватив остров Крит и порт Александрию в Египте¹⁸.

Поражение России в войне с Францией и заключение Тильзитского договора в июне 1807 года явилось поворотным пунктом в балканской политике правительства Александра I периода наполеоновских войн. Разрыв русско-английского союза превратил английский флот в Средиземном море в силу, враждебную России. Именно тогда Джордж Каннинг¹⁹ во время своего первого управления Форин оффис (с 1807 года) в условиях войны между Великобританией и Турцией сформулировал доктрину неприкосновенности Османской империи²⁰. Турция должна была служить барьером против России, и поэтому от нее не должны были отделяться обращенные к русской территории владения.

По ходу военных действий британский флот в 1807 году приступил к завоеванию Ионических островов. Запад, Центр и Восток Средиземноморья оказались под контролем англичан. Затем была перекрыта возможность прохода русской эскадры через Черноморские проливы.

С 1807 года Россия и Великобритания официально находились в состоянии войны. Но ни та, ни другая сторона сражаться не желали. Бывший русский посол С.Р. Воронцов²¹ в качестве частного лица продолжал жить в Лондоне. Дж. Каннинг при всяком удобном случае выражал сожаление по поводу сложившегося трагического недоразумения в отношениях между двумя державами и уверенность, что их национальные интересы восторжествуют и вновь сплотят их в антинаполеоновском союзе²².

Следует отметить и тот факт, что и Россия, и Англия, став официальными врагами, вели одновременно войну против общего соперника — Турции (Россия — с 1806 года, Великобритания — с 1807 года).

После Тильзитского мира Россия уже не принимала участия в ожесточенной борьбе между Англией и Францией в Средиземноморском бассейне, продолжая оказывать влияние на прорусски настроенные княжества Османской империи.

После поражения Наполеона в 1812 году наступает новый этап отношений между Россией и Великобританией по восточному вопросу, связанный с установленной на Венском конгрессе новой европейской системой международных отношений.

Крах империи Наполеона привел к значительному усилению внешнеполитических позиций России. В то же время в делах, связанных с Балканами и с Восточным Средиземноморьем, правительство Александра I наталкивалось теперь на все более сплоченное противодействие других союзных держав, прежде всего Великобритании и Австрии. Это ярко обнаружилось в ходе работы Венского конгресса. Еще до его начала Великобритания, Австрия и Франция имели единый план урегулирования восточного вопроса. Они собирались добиваться международного признания статус-кво на Балканах и Ближнем Востоке, так как видели в этом средство лишить Россию активности в этом регионе²³. Но ни одна из сторон не смогла добиться своих целей в ходе конгресса, на котором восточный вопрос открыто почти не поднимался.

Во второй половине второго десятилетия XIX века российская политика в восточном вопросе была направлена на дальнейшее ослабление Османской империи и на подъем национально-освободительного движения на территории этого государства.

Лорд Каслри²⁴ прилагал большие усилия в Константинополе и в других столицах к тому, чтобы расстроить тайные замыслы Александра I, касавшиеся раздела Турции. Британский двор поддерживал постоянную переписку с подданными султана и тайно сообщал в Порту о происках русских и предостерегал ее от всяких неосторожных действий по отношению к России, чтобы не спровоцировать войну²⁵.

К 1820 году обстановка в Европе была сложной и беспокойной. Революции в Испании, Португалии и Пьемонте уже успели проверить на прочность Венскую систему. Однако ничто не предвещало больших осложнений на Ближнем Востоке.

Лондон продолжал занимать охранительную позицию по отношению к Османской империи, а в английском обществе появлялись идеи включить Порту в общеевропейскую гарантийную систему. Осложнений на Балканах в британской столице опасались больше, нежели в какой-либо другой части Европы ²⁶.

Именно в такой ситуации в 1821 году вокруг восточного вопроса неожиданно вспыхнуло греческое восстание. Александр I поспешил осудить мятеж ²⁷. Британское правительство было весьма обеспокоено этой новостью и незамедлительно прислало своего представителя на конгресс Священного союза в Лайбахе. К лету 1821 года позиция Александра I изменилась, и он объявил Турции ультиматум и разорвал с ней отношения.

Вместе с тем наблюдается интересная трансформация позиции Англии. В 1822 году Форин оффис возглавил один из выдающихся политиков Великобритании Дж. Каннинг, который взял курс на увеличение роли Великобритании в координации действий греков с тем, чтобы, с одной стороны, лишить Россию лидирующих позиций в данных событиях, а с другой — предотвратить крушение Османской империи и как можно лучше обеспечить английские интересы. Политика Каннинга уже с самого начала 1823 года была направлена на оказание поддержки грекам.

В 1823 году Александр I инициировал созыв в Санкт-Петербурге конференции, на которой сильнейшие мировые державы должны были окончательно разрешить восточный вопрос. Австрия и Англия, давая согласие на этот конгресс, желали не допустить войны России с Турцией, дабы Османская империя не была окончательно разбита.

Англия потребовала, чтобы перед открытием конференции Россия сообщила свой проект преобразования Греции. Александр I составил секретную ноту, по которой предлагал разделить Грецию на три части, находящиеся в вассальной зависимости от Турции. Спустя несколько месяцев эта нота обрела огласку и вызвала недовольство как у Турции, так и у греческого населения. В ответ греки послали ноту протеста лондонскому двору. Каннинг не только очень благосклонно принял эту ноту, но и дал на нее официальный ответ. В те дни Каннинг считал, что коллективное посредничество держав будет энергично отклонено и Грецией, и Турцией вследствие предложенного Россией проекта примирения. Таким образом, для того чтобы воюющие стороны приняли посредничество, пришлось бы прибегнуть к принуждению, на что Англия не согласится, а потому будет держаться в стороне и сохранит за собой свободу действий во всем, что касается восточного вопроса ²⁸.

Александр I, узнав в декабре 1824 года о том, что Англия отказывает ему в содействии и таким образом делает неосуществимыми его планы, он объявил, что не будет более входить в сношения с лондонским двором по греческим делам, и отказался принять у себя представителя Великобритании Стрэтфорда-Каннинга ²⁹.

Проходившая в Санкт-Петербурге с февраля по апрель 1825 года конференция фактически не дала никаких положительных результатов ни для одной из сторон, поскольку австрийский император отказался поддержать предложение русского царя.

В августе 1825 года греки официально обратились к лондонскому двору с ходатайством принять их под свое покровительство и в Великобритании теперь перешла ключевая роль в разрешении турко-греческого конфликта. Джордж Каннинг уклонился от того, чтобы формально принять обращенную к нему просьбу, поскольку это могло осложнить отношения с Турцией. В октябре в официальной ноте, обращенной к греческому народу, Англия заявляла о невозможности в настоящий момент официально поддержать его требования и отказаться от «благожелательного нейтралитета». При этом в ноте отмечалось, что лондонский кабинет не позволит ни одной державе навязать греческой стороне решение, противоречащее ее интересам ³⁰.

Однако направление европейской политики резко изменилось в связи со смертью Александра I в декабре 1825 года и приходом к власти Николая I. Последний незамедлительно заявил, что будет продолжать внешнюю политику своего предшественника по от-

ношению к Османской империи. Уже 17 марта 1826 года султан получил ультиматум от России, при несоблюдении которого в шестидневный срок Николай гарантировал начать военные действия. Правда, о греках в этом документе не упоминалось.

В феврале 1826 года Каннинг направил Веллингтона³¹ в Петербург поздравить нового царя с восшествием на престол и заодно обсудить с ним возможность посредничества Англии в русско-турецких отношениях. В результате напряженных переговоров 4 апреля в Петербурге был подписан англо-русский протокол. Этот протокол постановлял: Россия допустит посредничество Англии между греческим правительством и Портой; Россия и Англия потребуют для Греции автономии³².

Англо-русский протокол 4 апреля был секретным и стал достоянием других держав только через несколько месяцев. Между тем Турция решила пойти на уступки России и согласилась принять условия ультиматума. Более того, вскоре после этого в Османской империи восстал корпус янычар, которые составляли основу армии султана. После подавления бунта Турция фактически осталась без армии. В августе-октябре 1826 года в городе Аккермане состоялись русско-турецкие переговоры, в ходе которых российские уполномоченные выдвинули еще один, более жесткий ультиматум. В сложившейся ситуации туркам ничего не оставалось, как подписать конвенцию, которая давала огромные преимущества России как в территориальном, так и в финансовом и коммерческом плане³³.

Аккерманская конвенция, которая проходила при непосредственном участии представителей Каннинга, помешала в тот момент возникновению русско-турецкой войны.

Таким образом, главными составляющими восточного вопроса являлись:

- отношения России с Турцией и с великими державами по поводу турецких владений на Балканах и контроля над проливами;
- политика России и других великих держав в отношении «контактных зон» — территорий, где владения Турции соприкасались с владениями великих держав;
- национально-освободительная борьба балканских народов.

Несмотря на более позднее появление термина «восточный вопрос», сама эта проблема возникла на рубеже XVIII—XIX веков, что является началом ожесточенной борьбы за «наследие» Османской империи между Россией, Великобританией, Францией и Австрией.

В период наполеоновских войн интересы Великобритании и России не раз пересекались на Востоке. В это время наблюдается заинтересованность России в дальнейшем ослаблении и даже распаде Османской империи, в то время как Туманный Альбион стремился всеми силами сохранить целостность Порты. Именно с самого начала XIX века берет свое начало политика Великобритании по сохранению единства Турции, получившая название «политики статус-кво».

После победы над Наполеоном и проведения Венского конгресса противоречия России и Великобритании в восточном вопросе углубляются. Пиком развития восточной проблемы послужил кризис 1820-х годов, связанный с восстанием балканских народов против турецкого ига. Непоследовательная позиция России в этом вопросе и искусная политика английского министра иностранных дел Джорджа Каннинга позволили Великобритании извлечь из событий того времени наибольшую выгоду и даже выступить в качестве защитника интересов греков и сербов.

Но восточный вопрос не был разрешен и в 1827 году, а получил свое дальнейшее развитие в нескольких русско-турецких войнах XIX века и Крымской войне середины этого столетия. Нег уже ни Османской империи, ни великой царской России, ни мировой державы Великобритании, но до сих пор слышны отголоски событий первой четверти XIX века, связанные с восточным вопросом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Экспедиция А.Г. Орлова — Г.А. Спиридова (1769—1774) — военные действия русской эскадры в Средиземном море в период Русско-турецкой войны 1769—1774 гг., окончившейся подписанием Кучук-Кайнаджийского договора (1774). В 1769 г. в Средиземное море была отправлена военная эскадра под начальством Алексея Григорьевича Орлова и Григория Андреевича Спиридова с целью «возбуждения восстания против Порты в Греции и славянских областях Турции». В результате русские моряки сожгли турецкий флот при Чесмене (1770). В 1770 г. Г.А. Спиридов осадил остров Парос (см.: Русский биографический словарь: В 20 т. М., 1998—2001. Т. 14. С. 276. Т. 19. С. 91—92).

² Экспедиция Ф.Ф. Ушакова (1798—1800) — военные действия русского флота по освобождению Ионических островов от французской оккупации. В 1798 г. Ф.Ф. Ушаков был отправлен в Константинополь и после соединения с турецкой эскадрой направился в Средиземное море. Здесь он занял острова Чериго, Занте, Кефалонию, Сан-Мавро и взятием крепости Корфу окончательно освободил Ионические острова из-под власти французов (см.: Русский биографический словарь. Т. 15. С. 371).

³ Экспедиция Д.Н. Сенявина (1805—1807) — военные действия русской эскадры в Средиземном море против османов в период Русско-турецкой войны (1806—1812), закончившейся подписанием Бухарестского договора. Еще в конце 1805 г. русская эскадра под предводительством Дмитрия Николаевича Сенявина была направлена в Средиземное море, а в 1807 г. русские моряки разгромили османский флот в Дарданельском и Афонском сражениях (см.: История России. XIX век: В 2 ч. / Под ред. В.Г. Тюкавкина. М., 2001. Ч. 1. С. 47—48).

⁴ Питт Младший Уильям (1759—1806) — премьер-министр Великобритании в 1783—1801 и 1804—1806 гг. Второй сын Уильяма Питта Старшего. В 23 года стал канцлером казначейства. После падения коалиционного правительства лорда Норта и Чарльза Фокса в 1783 г. король Георг III назначил Питта премьером, несмотря на его возраст (24 года). После войны с американскими колониями Питт Младший сумел добиться стабилизации английской экономики. В войне с Францией создал две антифранцузские коалиции в 1793 и 1798 г. В 1799 г. в результате экономического кризиса Питт впервые в мире вводит подоходный налог с максимальной ставкой 10 %. Добился объединения Великобритании и Ирландии в 1800 г. Его сторонники составили ядро «новых тори» (см.: Люди, события, даты. Всемирная история. М., 2001. С. 492).

⁵ См.: Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII — начало XX в. М., 1978. С. 44.

⁶ См.: Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 6.

⁷ См.: Международные отношения на Балканах. М., 1974. С. 12.

⁸ Восточный вопрос во внешней политике России... С. 49.

⁹ Орден рыцарей иоаннитов — духовно-рыцарский Орден всадников госпиталя Святого Иоанна Иерусалимского, образованный для ведения войны в Палестине в конце XI в. Другие названия: Орден госпитальеров, Орден мальтийских рыцарей (см.: Люди, события, даты. Всемирная история. С. 550).

¹⁰ Ростопчин Ф.В. (Растопчин) (1763—1826) — граф, известный русский государственный деятель. Много путешествовал, слушал лекции в Лейпцигском университете. Участвовал в штурме Очакова в 1788 г. Быстро возвысился при Павле I. В течение 1798—1800 гг. занимал должность кабинет-министра по иностранным делам, великого канцлера Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, затем директора Почтового департамента, члена Совета императора. В 1812 г. главнокомандующий Москвы. В 1814 г. стал членом Государственного совета (см.: Русский биографический словарь. Т. 13. С. 206—208).

¹¹ Восточный вопрос во внешней политике России... С. 50.

¹² Новосильцев Николай Николаевич (1761—1836) — государственный деятель. Служил в армии, потом в иностранной коллегии. С 1796 г. в Лондоне посещал лекции по физико-математическим и медицинским дисциплинам. При Александре I отвечал за рассмотрение проектов по части земледелия, торговли, промыслов, ремесел, искусств и художеств, за дела Синода. Принимал активнейшее участие в деятельности Непременного совета. После размолвки с императором в конце 1804 г. деятельность Новосильцева сосредоточивается на дипломатии. В 1805 г. сумел добиться заключения союза с Великобританией. С 1813 по 1831 г. занимался делами польских

земель. В 1831 г. был назначен членом Государственного совета, затем его председателем и председателем кабинета министров (см.: Русский биографический словарь. Т. 11. С. 203—204).

¹³ См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1961. Т. 2. С. 147, 149.

¹⁴ См.: Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы... С. 7—8.

¹⁵ См.: Восточный вопрос во внешней политике России... С. 60.

¹⁶ Строганов Павел Александрович (1774—1817) — граф, генерал-лейтенант и сенатор. Воспитание получил во Франции. В 1802 г. был назначен товарищем министра внутренних дел и более трех лет управлял Медицинским департаментом. Вместе с В.П. Кочубеем и Н.Н. Новосильцевым был ближайшим советником Александра I. В 1805—1807 гг. занимался дипломатической деятельностью и проживал в Лондоне. В 1807 г. волонтером поступил на военную службу. Участвовал в Шведской войне, отличился в сражениях при Бородине, Лейпциге, Париже (см.: Русский биографический словарь. Т. 14. С. 387).

¹⁷ Фокс (Fox) Чарлз Джеймс (1749—1806) — английский политический деятель, лидер левого радикального крыла вигов. В 1782, 1783, 1806 г. входил в правительство. Осуждал войну против английских колоний в Северной Америке (1775—1783). Сочувственно встретил начало Великой французской революции, был противником войны с Францией. Выступал за реформу парламента с целью увеличения представительства буржуазии и ослабления позиций аристократии (см.: сайт Вологодской областной универсальной научной библиотеки <http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/107/107965.htm>).

¹⁸ См.: Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы... С. 8.

¹⁹ Каннинг (Canning) Джордж (1770—1827) — премьер-министр Великобритании в 1827 г., министр иностранных дел в 1807—1809 и 1822—1827 гг., лидер тори. Последователь Питта Младшего. Явился инициатором бомбардировки английским флотом Копенгагена в 1807 г. Возглавлял правление Индии после войн с Наполеоном. Во время своего второго пребывания в МИДе Великобритании многое сделал для разрешения латиноамериканской проблемы, удачно участвовал в разрешении восточного кризиса 1820-х гг. (см.: Dixon P. George Canning. Politician and Statesman. N.-Y., 1976).

²⁰ См.: Wendy H. George Canning. St James's place. L., 1973. С. 167.

²¹ Воронцов Семен Романович (1744—1832) — политический деятель Российской империи. В 1783 г. был назначен полномочным министром в Венецию, в 1785 г. — в Лондон, где прожил почти всю оставшуюся жизнь. Воронцов принял заметное участие в улучшении англо-русских отношений по урегулированию восточного вопроса, смог возобновить торговый договор России и Великобритании (1793). Был ярким противником вооруженного нейтралитета России, а также польских разделов (см.: Русский биографический словарь. Т. 4. С.450—451).

²² См.: Selected speeches of the Right Honourable George Canning / Ed. by R. Walsh. Philadelphia, 1853. С. 48.

²³ См.: Международные отношения на Балканах. М., 1974. С. 18.

²⁴ Каслри, Роберт Стюарт (1769—1822) — виконт, английский государственный деятель. В 1800 г. в ирландском парламенте инициировал Акт об унии Великобритании и Ирландии. В 1807—1809 гг. был военным министром. С 1812 г. занимал пост министра иностранных дел. Принимал участие в Венском конгрессе 1815 г. Подвергался нападкам других политических деятелей за неудачные действия на посту военного министра, за поддержку репрессивных законов против избирательной реформы и др. Был личным противником Джорджа Каннинга. Покончил жизнь самоубийством (см.: Люди, события, даты. Всемирная история. С. 291).

²⁵ См.: Дебидур А. Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса (1814—1878). М., 1947. Т. 1. С. 132.

²⁶ См.: Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы... С. 25.

²⁷ См. там же. С. 31.

²⁸ См.: Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 1. С. 244.

²⁹ Стрэтфорд-Каннинг Чарльз (1786—1880) — британский дипломат, титул лорд Редкпифф. Работал в британских миссиях в Дании, Швейцарии, США, Испании. Более 20 лет представлял интересы Великобритании в Турции, оказывая сильное влияние на ее политику (1810—1858, с перерывами). Чарльз был двоюродным братом Джорджа Каннинга, министра иностранных дел Англии. В 1807 г. Джордж зачислил его на службу во внешнеполитическое ведомство. В 1824 г. Стрэтфорд-Каннинг получил назначение в Турцию, но сначала был направлен в Санкт-Петербург для обсуждения вопроса о границах в Северной Америке. В январе — феврале 1826 г. английский дипломат встречался с представителями греческого временного правительства, затем с министра-

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

ми Порты. Результаты его переговоров были использованы А. Веллингтоном при разработке статей Петербургского протокола (1826) о совместных действиях держав с целью умиротворения Греции (см.: Мусский И.А. 100 великих дипломатов. М., 2001).

³⁰ См.: Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 1. С. 249.

³¹ Веллингтон Артур Уэлсли (1769—1852) — герцог, английский полководец и политический деятель, премьер-министр с 1828 по 1830 г. Одержал ряд побед, за что его называли Железным герцогом. В 1796 г. получил назначение в Индию, где отличился как солдат и как администратор. В 1808 г. получил назначение в Португалию, где командовал армией. Во главе англо-испано-португальской армии изгнал французов из Испании. В 1815 г. нанес поражение Наполеону при Ватерлоо. В 1819 г. стал членом кабинета. В 1828 г. был вынужден согласиться на эмансипацию католиков. В 1834—1835 гг. в правительстве Роберта Пила был министром иностранных дел, а в 1842 г. стал главнокомандующим армией (см.: Longford E. Wellington: Pillar of State. L., 1975).

³² См.: Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 1. С. 267.

³³ См.: Восточный вопрос во внешней политике России... С. 84.

Н.П. Писчикова

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Возрастание мощи Русского государства в конце XIX века беспокоило западные страны. Геополитическое положение России, занимавшей шестую часть суши, с третьим в мире по численности населением, с самой многочисленной армией и достаточно большим флотом ¹ определило ее участие в мировой политике. На Берлинском конгрессе в 1878 году практически весь мир объединился, чтобы ограничить растущее влияние и мощь России.

Русское государство всегда вызывало интерес со стороны западных стран, сочетавший в себе некую смесь страха с презрением. Масштабы территории и природных богатств не давали покоя многим политикам и авантюристам. Конечно, нельзя отрицать, что у России на Западе были друзья, но чаще все же — недоброжелатели. Вот какую оценку давал Русскому государству и народу американский политолог Т. фон Лауз: «Восточные славяне, обычно называемые русскими... беспокойные, всегда стремящиеся избежать налагаемого на них бремени; неспособные конструктивно воздействовать на что-либо за пределами хижин или деревень; враждебные по отношению к пришельцам; ...обычно не имеющие выхода для своих талантов — «темные люди», непредсказуемые, третируемые с презрением меньшинством более привилегированных русских» ².



**Писчикова
Наталья
Петровна,
студентка V курса
РГПУ им. С.А. Есенина**

В области внешней политики Николаю II досталось нелегкое наследие. Ситуация, складывавшаяся на мировой арене, была неблагоприятна для России. Прежде всего, прервалась политика добрососедства с Германией, традиционно поддерживаемая еще со времен Екатерины II. Рассмотрим цепь событий, которые привели к охлаждению отношений между этими державами.

В 1870 году из Версаля император Германии Вильгельм I телеграфировал Александру II: «Пруссия никогда не забудет, что именно благодаря Вам война не приобрела большего масштаба» ³. Казалось бы, ничего не могло предвещать разрыва дружественных связей между двумя великими государствами. Однако современники тех событий, участвовавшие в дипломатической борьбе последней четверти XIX века, писали: «Мы знаем, насколько интимны отношения, связывающие петербургский и берлинский дворы. Не подвергая себя риску несомненной неудачи, мы не можем сегодня требовать от России какой-либо услуги, могущей привести к серьезному охлаждению отношений между обоими правительствами. Но семя будущего их раздора, несомненно, имеется» ⁴.

Возникает вопрос, в чем причина наметившегося раздора двух держав? Бисмарк, проводивший политику Германии на мировой арене, ненавидел и боялся Россию. Он стремился поддерживать с ней

дружественные отношения, понимая, что иначе война неминуема, а это приведет Германию к катастрофе. Бисмарк осознавал, что Россию в этой войне поддержит Франция, военные действия придется вести на два фронта. По этой причине канцлер Германии в своей политике делал ставку на «союз трех императоров», стремясь этим шагом помешать сближению России и Франции, ослабить их поодиночке.

Действия Бисмарка были односторонними, так как Россия дорожила русско-германской дружбой. В начале 1873 года по инициативе русского фельдмаршала графа Берга, наместника Царства Польского, возник проект заключения формальной военной конвенции России с Германией. Договор держав о взаимной военной помощи должен был иметь оборонительный характер.

Статья 1 этого документа гласила: «Если какая-либо европейская держава напала бы на одну из двух империй, то последняя в возможно кратчайший срок получит помощь в виде армии из 200 тысяч человек боеспособного войска»⁵. Эта конвенция была подписана в мае 1873 года во время визита Вильгельма I в Петербург.

Никакие шаги со стороны русской дипломатии не могли изменить отношения Бисмарка к России. Кроме того, череда военных тревог 1874—1875 годов утвердили его в убеждении, что русская дипломатия — главный противник немецких намерений.

Отношения России и Германии продолжали ухудшаться. Бисмарк стремился втянуть Россию в войну с Турцией (1877—1878 гг.), что привело бы ее к ближневосточным осложнениям и еще больше испортило бы отношения с Великобританией. Россия поддавалась давлению Германии и увязла в Русско-турецкой войне. Одержав фактическую победу, но, стремясь избежать конфликта с Англией и Австрией, Россия соглашается на созыв Берлинского конгресса 1878 года. Однако, как и прежде, Германия отказалась от союзнических договоренностей. Бисмарк публично устранился от активной поддержки русского правительства. Забыв о позиции России во время франко-прусской войны 1870—1871 годов Германия вновь предала русское государство. С этой конференции началось охлаждение в отношениях руководителей двух стран, противоречия углублялись, что привело в итоге к войне 1914 года.

Созданная при благожелательном отношении России Германская империя в трудный час сделала выбор не в ее пользу. Один из вершителей германской политики фон Ягов впоследствии напишет: «Гигантская Российская империя с ее неиссякаемыми людскими ресурсами, способностью к экономическому возрождению нависает над Западной Европой как кошмар... Русская раса, частично славянская, частично монгольская, является враждебной по отношению к германо-латинским народам Запада»⁶. Ухудшение отношений между Германией и Россией было использовано для заключения «закулисного» австро-германского союзного договора (1879 г.).

Первая статья договора гласила: «В случае если бы одна из обеих империй, вопреки надеждам и искреннему желанию обеих Высоких Договаривающихся Сторон, подверглась нападению со стороны России, обе Высокие Договаривающиеся Стороны обязаны выступить на помощь друг другу со всей совокупностью вооруженных сил своих империй и соответственно с этим не заключать мира иначе, как только сообща и по обоюдному согласию»⁷. По этому договору, если напала не Россия, а другая держава, обе стороны обещали нейтралитет, если к агрессору не примкнет Россия. Этот договор был открыто направлен против русского государства.

В середине 80-х годов XIX века обострились франко-германские отношения. Осложнившееся положение Германии удерживало ее от открытой конфронтации с Россией. Вследствие этого в апреле 1887 года возобновляются переговоры о замене истекшего договора трех императоров двойственным русско-германским соглашением.

В договоре подчеркивалось, что, «если бы одна из Высоких Договаривающихся Сторон оказалась в состоянии войны с третьей великой державой, другая сторона будет хранить по отношению к первой благожелательный нейтралитет и приложит все старания к локализации конфликта. Это обязательство не относится к войне против Австрии или

Франции в случае, если бы таковая разгорелась вследствие нападения на одну из этих держав одной из Высоких Договаривающихся Сторон»⁸.

Вторая статья документа касалась балканского вопроса: «Германия признает права, исторически приобретенные Россией на Балканском полуострове, и особенно законность ее преобладающего и решительного влияния в Болгарии и Восточной Румелии. Оба двора обязуются не допускать никаких изменений в территориальном status quo названного полуострова, не сговорившись предварительно между собой»⁹.

К договору прилагался особый протокол, по которому Германия обязывалась оказать России дипломатическое содействие, если русский император станет защищать вход в Черное море. Этот документ получил в истории название «договор перестраховки». Никакого международного значения он не имел, так как Бисмарк обещал России нейтралитет в случае нападения на нее Австрии, а уже в 1879 году гарантировал Австрии помощь в случае нападения на нее России. Запутанность отношений между Россией и Германией могла поставить в тупик любого дипломата. Все эти действия привели к резкому обострению противоречий с двором Александра II.

Перейти к открытой конфронтации с Россией мешали родственные узы с царской фамилией, которые чтит император Вильгельм I. Убеждения в необходимости добрососедства с Россией он завещал наследнику, который отступил от этого принципа. В 1888 году Бисмарк с трибуны рейхстага провозгласил: «Мы больше не просим о любви ни Францию, ни Россию. Мы не просим ни о чем одолжении. Мы, немцы, боимся на этой земле Господа Бога, и никого более!»¹⁰ Причиной тому была позиция воинственного германского императора Вильгельма II, поставившего перед собой цель — передел мира в пользу своей страны.

На пути Германии к мировой гегемонии стояли прежде всего Россия и Великобритания. В записях Вильгельма II можно прочитать: «Германские народы (Австрия, Германия) будут вести неминуемую войну против славян (русских) и их латинских (галльских) помощников, при этом англосаксы будут на стороне славян. Причины: жалкая зависть, боязнь обретаемого нами могущества»¹¹.

В 1890 году император Вильгельм отказывается возобновить секретный договор с Россией, по которому договаривающиеся стороны обещали сохранять нейтралитет в случае нападения на одну из них третьей стороны. Этот секретный договор был существенным ограничением Тройственного союза — Германии, Австро-Венгрии и Италии. Он означал, что Германия не будет поддерживать антирусские выступления Австрии. Прекращение секретного договора о нейтралитете, по сути дела, означало превращение Тройственного союза в антирусский союз.

Соответствующие настроения внедрялись и среди немецкого народа. В них воспитывалась ненависть к славянам. Начало этим настроениям было положено после франко-прусской войны. Воздействие на население Германии стало с течением времени более устойчивым и систематическим. На рубеже XIX—XX веков издается и пропагандируется книга «Великая Германия — труд XX века», в которой утверждается: «Мир — дурное слово, мир между немцем и славянином подобен бумажному договору между огнем и водой»¹². Далее делается вывод, что Германия должна включать всю Европу и ряд немецких территорий в Азии, Африке, Океании, на Дальнем Востоке и в Южной Америке, а Россия будет изгнана с берегов Балтийского и Черного морей за Волгу.

С 90-х годов XIX века разгорелась русско-германская таможенная война, которую начала германская сторона, стремившаяся получить односторонние преимущества от торговли с Россией. Тем не менее в 1899 году был заключен таможенный договор, давший нашей стране существенные преимущества перед Германией сроком на 10 лет.

Кайзер Вильгельм II руководствовался мыслью: «Мы должны привязать Россию к Восточной Азии так, чтобы она обращала меньше внимания на Европу и Ближний Восток»¹³. Он был уверен, что, переключив взоры России на Дальний Восток или в Среднюю Азию, у нее возникнут противоречия с Англией.

В августе 1891 года глава внешнеполитического ведомства России Гирс послал русскому послу в Париже Моренгейму письмо для передачи его французскому министру иностранных дел Рибо. Письмо начиналось с указания на причины, которые вызывали необходимость заключения франко-русского соглашения. Далее в письме анализировалось положение, создавшееся в Европе «благодаря открытому возобновлению Тройственного союза и более или менее вероятному присоединению Великобритании к политическим целям, преследуемым этим Союзом. В случае если бы мир оказался действительно в опасности, и в особенности в том случае, если бы одна из двух сторон оказалась под угрозой нападения, обе стороны условливаются договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых окажется в случае наступления означенных событий настоящим для обоих правительств»¹⁴.

Рибо ответил согласием и предложил заключить военную конвенцию. Однако Гирс этой инициативе не дал широкого хода. В таком положении дело оставалось до декабря 1893 года. Подтолкнули к возобновлению этих переговоров новые враждебные акты по отношению к России со стороны Германии. В результате русским императором был одобрен проект франко-русской военной конвенции 1893 года.

Ее первая статья гласила: «Если Франция подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все наличные силы для нападения на Германию. Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все свои наличные силы для нападения на Германию»¹⁵.

Статья 2 устанавливала, что, «в случае мобилизации сил Тройственного союза или одной из входящих в него держав, Франция и Россия по поступлении этого известия и не ожидая никакого предварительного соглашения, мобилизуют немедленно и одновременно все свои силы и придвинут их как можно ближе к своим границам»¹⁶.

Далее в этом документе оговаривалось количество войск России и Франции в случае военных действий против Германии. Для французов было очень важно, чтобы максимальное количество русских войск было брошено против Германии, поскольку это вынудило бы германское командование перебрасывать на Восток свои войска с французского фронта.

Франция шла на это соглашение с целью взять реванш за Эльзас и Лотарингию, оккупированные Германией. Потенциально ее отношение к России было не менее враждебным, чем у других мировых держав того времени, боявшихся усиления русского государства. Русские дивизии нужны были Франции как противовес германской армии.

Мир в конце XIX века был неустойчив и тревожен. Многие государства готовились к войне.

В 1898 году резко увеличились военные расходы Германии. В 1898 году рейхстаг принял закон об усилении военного флота. С целью обоснования необходимости этого закона выступил адмирал Тирпиц: «Морские интересы Германии возросли со времени основания империи совершенно неожиданным образом. Их обеспечение сделалось для Германии вопросом жизни. И если препятствовать или серьезно вредить этим морским интересам, страна пойдет навстречу сначала экономическому, а затем и политическому упадку. Что вы ни возьмете: политические, экономические вопросы или защиту немецких подданных и торговых интересов за границей — все это может найти охрану только в немецком флоте»¹⁷.

Англия немедленно ответила на это принятием нового бюджета, превышавшего бюджеты Германии и России, вместе взятых. Активные военные приготовления велись Францией, мечтавшей о реванше над Германией.

После присоединения к России ряда среднеазиатских областей резко усилились трения с Великобританией, считавшей этот регион сферой своих национальных интересов и видевшей в России своего врага, угрожающего ее азиатским владениям, и прежде всего Индии.

Очень беспокойно было и на Балканах. Здесь сталкивались интересы крупных европейских держав. К их числу принадлежали Англия, Австро-Венгрия, Германия, Россия. Английская дипломатия традиционно защищала целостность Османской империи; под прикрытием этих лозунгов она выступала против внешнеполитических планов России. Австро-Венгрия также высказывалась против русского влияния на Балканском полуострове. Германское правительство подталкивало Российскую империю к выступлению против Турции, так как рассчитывало, что, отвлекая ее внимание на Балканы и Закавказье, получит свободу в отношениях с Францией.

Спасенные силой русского оружия от турецкого ига Балканские государства попали под влияние Австрии и Германии и стали проводить антирусскую политику. Крайне проавстрийски был настроен сербский король Александр Обренович. Болгарское правительство преследовало сторонников сближения с Россией. Борьба развернулась вокруг проектов железнодорожного строительства. Русское правительство было заинтересовано в сооружении железной дороги, пересекающей Болгарию с севера на юг. Австро-Венгрия в свою очередь в целях завоевания балканского рынка предлагала строительство дороги от Вены до Константинополя через Белград и Софию.

Победивший австрийский проект еще более осложнил отношения. Болгарский князь Александр Баттенберг стал ориентироваться в своей политике на Австро-Венгрию и Англию. После воссоединения Южной и Северной Болгарии в 1885 году между Россией и Болгарией произошел разрыв. Стремясь осложнить положение Российской империи на Балканах, правительства Англии и Австрии подписали соглашение с Турцией о фактическом признании законности воссоединения Северной и Южной Болгарии.

В 1887 году Австро-Венгрия при поддержке Германии добилась избрания на болгарский престол принца Фердинанда Саксен-Кобург-Готского, который, став главой болгарского правительства, подавил прорусскую оппозицию. На длительный период Болгария попала под влияние Австрии и Германии, которое сохранилось и после состоявшегося в 1896 году официального «примирения» болгарского князя и русского двора. Босния и Герцеговина фактически стали частью Австрии, и только Черногория оставалась форпостом России в этом регионе. Антирусские настроения проявлялись и в Румынии. Ущемленная тем, что ее заставили вернуть России часть Бессарабии, она примкнула к антирусскому Тройственному союзу.

Нельзя обойти вниманием еще один регион, где в конце XIX — начале XX века столкнулись интересы ведущих держав Запада и России — Дальний Восток. Длительное время наиболее активную роль здесь играли Франция и Англия, однако в конце XIX века инициативу перехватили Япония, Германия, США.

Колониальные интересы Японии распространялись на юг (острова Рюкю, Тайвань) и север (Корея, Маньчжурия). Главным соперником Японии на севере была Россия. Дипломат Оиси Масами провозгласил идею отеснения империи Романовых за Урал и превращения Сибири и русского Дальнего Востока в колонию для всех развитых наций¹⁸. Противоречия между Россией и Японией были выгодны Великобритании и США, поэтому уже с 90-х годов они поддерживали политику Японии.

Россия в конце XIX века начала строительство Восточно-Сибирской железной дороги, что вызвало беспокойство ее соперников на Дальнем Востоке. Запад опасался экономической конкуренции и усиления русской военной мощи в этом регионе. Решив утвердиться на Азиатском континенте, Япония начала войну против Китая. Укрепление позиций Японии угрожало интересам и безопасности Китая, Кореи и России.

В апреле 1895 года между Японией и Китаем был подписан Симонсекский мирный договор, ставивший под вопрос суверенитет Кореи и узаконивший японскую аннексию Ляодунского полуострова, Тайваня и островов Пэнхуледао. Договор изменил соотношение сил на Дальнем Востоке в пользу Японии. В ответ русская дипломатия обратилась к западным державам с предложением о совместном противодействии Японии, най-

для поддержку у Франции и Германии. Япония отступила. В Симонсекский договор были внесены изменения: Ляодун возвращался Китаю за дополнительную контрибуцию.

Успех в этом деле был обеспечен политическим весом России. Важную роль сыграла русская дипломатия, сумевшая в данной ситуации найти точки соприкосновения трех ведущих держав. В результате влияние России в Китае и Корее значительно возросло. Однако для Японии Россия стала главным врагом на Дальнем Востоке. С этого времени, используя полученную от Китая контрибуцию, она развернула подготовку к войне. Страна восходящего солнца спешила завершить военные приготовления раньше, чем будет построена Великая Сибирская дорога. Япония начала искать союзников против России и нашла их в лице Великобритании и США.

Результатом этого явилось возникновение в Дальневосточном регионе постоянных очагов напряжения, подпитываемых агрессивной политикой США, Германии, Великобритании и Японии, стремившихся разделить в свою пользу Китай и Корею и понимавших, что сильная Россия не позволит им это сделать. Таким образом, в конце 80-х — начале 90-х годов вокруг Российской империи создается широкая зона недоброжелательства и ненависти. Страны, организовавшие ее, были готовы объединиться для агрессии против России.

В сложившейся к концу XIX века международной обстановке Николай II выступает с идеей всеобщего и полного разоружения. Мысль об этом зародилась у него весной 1898 года, а летом конкретизовалась в Обращении ко всем странам мира, в котором, в частности, говорилось: «Нарушения экономического строя, вызываемые в значительной степени чрезмерностью вооружений, и постоянная опасность, которая заключается в огромном накоплении боевых средств, обращают вооруженный мир наших дней в подавляющее бремя, которое народы выносят все с большим трудом. Очевидным поэтому представляется, что, если бы такое положение продолжалось, оно роковым образом привело бы к тому именно бедствию, которого стремится избежать и перед ужасами которого заранее содрогается мысль человека.

Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства, предупредить угрожающие всему миру несчастья — таков высший долг для всех государств»¹⁹.

Заметим, что подобные инициативы со стороны России имели место и ранее: в 1864 году заключена Женевская международная конвенция; созданы Институт международного права и межпарламентский союз; в 1874 году в Бельгии состоялась созванная по инициативе России международная конференция о законах и правилах сухопутной войны (закончившаяся неудачей). Огромная работа проводится Россией для организации всеобщей мирной конференции в Гааге. Однако страны Запада восприняли эту инициативу по-разному: каждая из них в целом стремилась оградить лишь собственные интересы.

Правительство Вильгельма II увидело в русском предложении стремление затормозить военное развитие Германии: «Вся конференция в большей или меньшей степени направлена против нашего военного развития, которое Россия желала бы застопорить»²⁰. Германский император и его советники не хотели допускать даже разговоров о каком бы то ни было разоружении или ограничении вооружений. Направляя на конференцию профессора Штенгеля, германское правительство дало ему установки, нацеливающие на противодействие противникам гонки вооружений.

Англию тоже беспокоила перспектива ограничения роста военно-морских сил. Королевское военное ведомство в своем меморандуме писало: «Нежелательно, чтобы какое-либо обязательство ограничило численность и стоимость содержания вооруженных сил ее величества»²¹.

Соединенные Штаты, ссылаясь на географическую удаленность от Европы и специфику своей военно-политической доктрины, отказались обсуждать вопрос об ограничении морских вооружений.

Франция рассмотрела в предложении России угрозу союзным обязательствам и забеспокоилась, что разоружение будет равносильно отказу вернуть Эльзас и Лотарингию.

Русским дипломатам пришлось разъяснить свои миролюбивые цели каждой стороне. В первой мирной конференции, проходившей в 1899 году в Гааге, кроме России, участвовало 26 стран, в том числе Великобритания, США, Германия, Франция, Италия, Скандинавские страны, Япония. По инициативе русской стороны были приняты конвенции о мирном решении международных столкновений и о законах и обычаях сухопутной войны.

Хотя России и не удалось убедить западные страны начать всеобщее разоружение, ее предложения дали толчок к развитию принципов гуманизации войны, ограничения применения средств массового уничтожения. Были приняты декларации о запрещении на пятилетний срок метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи иных подобных способов, о неупотреблении снарядов с душающими и вредоносными газами, разрывных пуль.

Главным итогом Гаагской конференции 1899 года было принятие «Конвенции о мирном решении международных столкновений», по которой государства, ее подписавшие, соглашались прилагать все усилия, чтобы обеспечить мирное решение международных споров. Для решения конфликтных ситуаций предлагалось учредить международные следственные комиссии и Международный третейский суд. Последнее учреждение стало прообразом Лиги Наций и Организации Объединенных Наций. Принятые нормативные акты были призваны смягчить разрушительный характер военных действий. Российская делегация в отличие от некоторых стран Запада подписала все акты конференции, после чего они были своевременно ратифицированы в Петербурге.

Конференция показала, что политическое мышление западных государственных деятелей было далеко от стремления к миролюбию, многие из них разделяли доктрину неизбежности войн и военного противостояния, а некоторые даже считали предложения русского царя нелепыми. В частности, германский император Вильгельм II писал по поводу создания третейского суда: «Чтобы он (Николай II) не оскандалился перед Европой, я соглашаюсь на эту глупость. Но в своей практике я и впредь буду полагаться и рассчитывать только на Бога и на свой острый меч»²².

Либерализм, начавший задавать тон в русской внешней политике конца XIX века, принес России огромный вред. Русские сдавали позицию за позицию Западу и отказывались отстаивать национальные интересы родной страны. Формировалась западноевропейская школа русской дипломатии, которая отступала перед дипломатией ведущих стран Запада, прежде всего Франции и Англии, углубился раскол Европы. Усилилась борьба великих держав за передел мира, сферы влияния и колонии. Подобная политика получила название империалистической. Германская империя, созданная в 1871 году и пропустившая этап первоначального раздела мира между капиталистическими государствами, стремилась наверстать упущенное. В связи с этим резко обострились ее противоречия с Великобританией и Францией. Кроме того, на мировой арене начали более активно действовать США и Япония, желавшие расширить сферы своего экономического и политического влияния.

Война стала способом решения международных проблем, несущим с собой массовые разрушения и гибель многих людей, порождающим стремление к насилию и дух агрессии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: История внешней политики России. Конец XIX — начало XX в. / Под ред. А.В. Игнатьева. М., 1999. С. 14.

² Von Laue. The World Revolution of Westernization. N.Y., 1987. P. 59.

³ Massie R. Dreadnoughts. Britain, Germany and the Coming Great War. N.Y., 1991. P. 80.

⁴ История дипломатии / Под ред. В.П. Потемкина. Т. 2. М.; Л., 1945. С. 11.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Fisher F. Germany's Aims in the First World War. N.Y., 1967. P. 202—203.

• НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ •

- ⁷ История дипломатии / Под ред. А.А. Громько. Т. 2. М., 1963. С. 236.
- ⁸ История дипломатии / Под ред. В.П. Потемкина. Т. 2. С. 92.
- ⁹ Там же. С. 94—95.
- ¹⁰ Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М., 2003. С. 25.
- ¹¹ Fisher F. Op. cit. P. 32—33.
- ¹² Нотович Ф.И. Империалистические противоречия накануне Первой мировой войны // Исторические записки. 1947. № 23. С. 187.
- ¹³ Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2002. С. 56.
- ¹⁴ История дипломатии / Под ред. В.П. Потемкина. Т. 2. С. 104—105.
- ¹⁵ Там же. С. 105.
- ¹⁶ Там же. С. 107.
- ¹⁷ История дипломатии / Под ред. А.А. Громько. Т. 2. С. 356.
- ¹⁸ См.: Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке: 1860—1895. С. 582—583.
- ¹⁹ Платонов О.А. Международные отношения. М., 2003. С. 415.
- ²⁰ История дипломатии / Под ред. В.П. Потемкина. Т. 2. С. 459.
- ²¹ История дипломатии / Под ред. А.А. Громько. Т. 2. С. 123.
- ²² Восток — Россия — Запад / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2001. С. 230.

Научное издание

**Рязанский
историк**

Научный журнал

2005

№ 3

Главный редактор
Агарёв Александр Федорович

Редактор *Т.Н. Свитнева*
Технический редактор *С.В. Додонова*

Подписано в печать 12.10.05. Поз. № 056. Бумага офсетная. Формат 60x84¹/₈.
Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 19,06. Уч.-изд. л. 17,2. Тираж 500 экз. Заказ №

Адрес редакции:
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Рязанский государственный педагогический университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46
Тел.: (0912) 77-99-29. E-mail: newhist@ttc.ryazan.ru

Отпечатано в ГУП РО «Рязоблтипография»
390023, г. Рязань, ул. Новая, 69/12